

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ БЫТА КАНТОНИСТОВ¹.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
А. Гребендовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Первый путь.

По отлогому берегу судоходной рѣки одной изъ далекихъ приволжскихъ губерній, тянулся когда-то, въ одинъ рядъ, между мелкимъ кустарникомъ и молодыми березками, двадцать-тридцать плохенькихъ крестьянскихъ избышекъ. Деревня эта принадлежала старому помѣщику домосѣду, а въ ней, въ числѣ прочихъ, жилъ молодой крестьянинъ Гаврило Прохоровъ. Едва онъ женился на красной дѣвушкѣ Варварѣ, какъ сдали его, по прихоти помѣщика, въ солдаты. Варвара, оставшись безъ мужа, сперва сильно роптала на судьбу, но потомъ,—мало

¹ Слово «кантонистъ» — французское, и во Франціи, Пруссіи и Россіи означало одно и то же — мальчики, воспитывающіеся для поступления въ военную службу. Собственно въ Россіи сперва существовали, еще въ прошломъ столѣтіи, нѣкоторыя заведенія для сѣдшихъ дѣтей безъ прамата, впрочемъ, означенія ихъ будущности. Потомъ, въ началѣ текущаго столѣтія, и именно въ 1809 году, заведенія эти назывались уже *военно-сиротскими* отдѣленіями. Число ихъ значительно увеличилось по обвѣщаніи отечественной войны, когда въ нихъ *добровольно* поступило множество мальчиковъ, оставшихся, послѣ убитыхъ, въ теченіе этой войны, солдатъ, безъ призрѣнія. Предметы науки въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ равнялись тогдашнему гимназическому курсу; военныхъ же наукъ въ нихъ не преподавалось. Такъ отдѣленія просуществовали до двадцатыхъ годовъ. Въ 1826 году отдѣленія были переименованы въ баталіоны, полубаталіоны, эскадроны, дивизионы и роты военныхъ кантонистовъ, и умственное образованіе въ нихъ спустило ниже уѣдскихъ училищъ, а на первый планъ выставлено было приготовленіе мальчиковъ въ солдаты; право добровольнаго помѣщенія мальчиковъ въ эти преобразованныя радикально заведенія сохранено было за дворапами, чинов-

по малу, утѣшилась и прижила съ однимъ изъ солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ, на зимнихъ квартирахъ, сына Василия.

Василій жилъ вмѣстѣ съ матерью въ домѣ вдоваго отца Гаврилы,—Антоня Дормидонтовича. Жизнь его ничѣмъ не отличалась отъ житія всѣхъ прочихъ крестьянскихъ ребятешекъ: онъ бѣгалъ по улицѣ въ одной рубашонкѣ, полоскался въ лужахъ, выгонялъ коровъ, а время между тѣмъ все шло, да шло впередъ. И не успѣло миновать какихъ-нибудь десяти лѣтъ, какъ вдругъ, въ одно сентябрьское утро, неожиданно-негаданно, возвращается домой исхудалый, состарѣвшійся и на деревянной ногѣ Гаврило Антоничъ: по милости ядра, оторвавшаго ему ногу, дали ему отставку, съ надписью на ней: «бороду брить, по міру не ходить».

Варвара, увидавъ безногаго Гаврилу, вздрогнула за себя,

никами и духовенствомъ; законные же и незаконные сыновья солдатъ обязались непременно туда поступать съ 10-ти до 14-тилѣтняго возраста, и учиться въ какихъ бы то ни было гражданскихъ училищахъ имъ, разъ на всегда положительно воспрещалось. Далѣе, на основаніи нѣсколькихъ особыхъ, постепенно издававшихся узаконеній, въ тѣ же заведенія направлялись сыновья: бѣдныхъ жителей Финляндіи и цыганъ, тамъ кочевавшихъ, польскихъ митешниковъ и солдатъ, шляхтичей, недоказавшихъ свое дворянство, раскольниковъ, да малолѣтніе: рекруты-евреи, бродяги, преступники и безпріютные. Затѣмъ, по достиженіи мальчиками въ заведеніяхъ 18—20-тилѣтняго возраста и по окончаніи ученія,—они назначались: въ писаря, фельдшера, вахтеры, кейхдинеры, кейхшрейберы и т. под. нестроевыя должности военнаго и морскаго вѣдомствъ, частію во фронтъ, а нѣкоторые учителями въ тѣ же самыя заведенія, изъ которыхъ вышли. Прослужить должны были: дворяне—3 года, оберъ-офицерскія дѣти—6, духовныхъ, напр. дьяконовъ,—8 лѣтъ, а остальные общій тогдашній солдатскій срокъ—25 лѣтъ, если ранѣе не произвелись въ чиновники: за отличіе—за 12, а за обыкновенную выслугу—за 20 лѣтъ. Всѣхъ заведеній съ 1826 по 1857 годъ включительно считалось 52, въ каждомъ почти губернскомъ городѣ по одному. Солдатскіе сыновья въ какой-то губерніи родился—къ тому мѣстному заведенію его и приписывали и до 10—14 лѣтъ онъ оставался при отцѣ, или матери, которые получали на него въ годъ рубля по три на воспитаніе, а потомъ его брали въ заведеніе на казенное содержаніе; евреевъ же и поляковъ, для того, чтобы ими преумножить православныхъ—всегда пересылали далеко отъ родины: кievскихъ напр. въ Пермь и отиудъ не ближе Нижняго Новгорода. Воспитывалось во всѣхъ заведеніяхъ ежегодно отъ 245,000 до 270,000 человекъ (дворяне и имъ подобные привилегированные мальчики составляли въ заведеніяхъ, самый ничтожный процентъ), а стоили казны всѣ заведенія отъ 245,000 до 270,000 рублей въ годъ. Въ такомъ однообразномъ, ни въ чемъ неизмѣненномъ положеніи, засталъ заведенія 1857 годъ.

25-го декабря 1856 года обнародованъ былъ знаменательный указъ сената о прекращеніи обязательнаго пріема въ кантонины солдатскихъ сыновей, и въ рекруты маленькихъ евреевъ и всѣхъ прочихъ, выше перечисленныхъ мальчиковъ. Мало того: тотъ же указъ разрѣшалъ родителямъ, родственникамъ, опекунамъ и даже знакомымъ находившихся въ заведеніяхъ канто-

за Васю, не могла, впопыхахъ, сообразить, что сказать про него, но Вася влетѣлъ въ избу, съ крикомъ «мама» и сразу разрѣшилъ всѣ недоумѣнія. Уязвленный Гаврило всплилъ, кинулся было на Барбару, но урезониваемый своимъ отцомъ, онъ помолчалъ нѣсколько дней, взглядывая изподлбья то на жену, то на ея сына, и затѣмъ качнувъ головой — рѣшилъ, что надо простить женѣ, по той весьма простой причинѣ, что, бродивши много лѣтъ сряду по бѣлу свѣту, — онъ и самъ, какъ признался отцу, дѣлывалъ то же, что сдѣлалъ ему его собрать.

Вася, въ свою очередь, тоже какъ-то съумѣлъ понравиться Гаврилѣ; тотъ на досугѣ сталъ забавляться имъ, училъ его бытъ солдатомъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ настала чередъ и Васиной службы: его потребовали въ кантонисты. Это со-

нистовъ, безъ различія происхожденія, взять ихъ назадъ къ себѣ и воспитывать кому какъ вѣдуается; тѣхъ же, которыхъ никто не приметъ, повелѣвалось оставить въ заведеніяхъ, при чемъ съ выходомъ, впоследствии, на службу, имъ предоставлялись права вольноопредѣляющихся, т.-е. покажутъ службу во всякое (кромѣ военного) время, когда они того пожелаютъ. Результатомъ этого указа на практикѣ получилось то, что менѣе чѣмъ черезъ годъ численность кантонистовъ не превышала *третьей* части штатнаго ихъ комплекта. Эта малочисленность вызвала новую реформу: въ 1858 г. батальоны, полубатальоны, эскадроны, дивизионы и роты кантонистовъ были упразднены, а вмѣсто нихъ открыты 20—25 училищъ военного вѣдомства, въ которыхъ перевели кантонистовъ, оставшихся неразобранными въ закрытыхъ заведеніяхъ. Въ училища установлено было принимать вновь исключительно желающихъ изъ всѣхъ, безъ различія, сословій; программа наукъ въ нихъ поднилась до курса уѣздныхъ училищъ, фронтонныя ученія были окончательно похерены, мальчики названы «воспитанниками», а назначеніе ихъ опредѣлилось въ писаря, кондукторы и топографы военного же вѣдомства; прослужить въ этихъ званіяхъ, за воспитаніе, имъ надлежало 6 лѣтъ. Тѣмъ и канули въ вѣчность кантонистскія заведенія, а самое слово «кантонистъ» перестало означать отдѣльную касту людей, готовящихся въ солдаты.

Вотъ краткая исторія кантонистовъ, о воспитаніи которыхъ въ литературѣ ничего не говорится. Между тѣмъ, сложивъ численность находившихся въ заведеніяхъ, впродолженіе 31 года (съ 1826 по 1857 г. включительно) кантонистовъ, и стоимость ихъ за этотъ періодъ, — выходитъ, беря хоть среднюю лишь цифру, что ихъ прошло черезъ заведенія 7.905,000 чел., а на ихъ содержаніе истратчено 20.150,000 рублей — сумма громадѣйшая. Отсюда рождается естественный вопросъ: стоила ли по крайней мѣрѣ хоть игра свѣчь? На вопросъ этотъ и отвѣчаютъ отрицательно предлагаемые вниманію читателей «очерки быта кантонистовъ»; отвѣтъ этотъ неопровержимъ потому, что, сколько намъ извѣстно, воспитаніе кантонистовъ было во всѣхъ заведеніяхъ совершенно одинаковое; эти же очерки пополняютъ, кромѣ того, доселѣ остающіеся въ литературѣ пробѣлы о томъ, что творилось съ кантонистами въ довольно близкомъ къ намъ прошломъ.

Авторъ.

бытіе сильно опечалило всю семью, чувствовавшую горячую привязанность къ ребенку.

Начались приготовленія. Мать принялась шить сыну бѣлье, вязать обувь, варила, пекла. Антонъ побывалъ на базарѣ, въ торговомъ селѣ, продалъ тамъ жѣшовъ ржи, купилъ Васѣ теплую, верхнюю одежду и обувь, а Гаврило остригъ мальчика посолдатски, преподавалъ ему нѣсколько уроковъ воинской субординаціи и, когда наступилъ, наконецъ, день разлуки и двѣ котомки Васи были уже наполнены: одна—деревенскимъ и солдатскимъ имуществомъ (въ ней были сапожныя щетки, гребенка, вгольникъ, шило и нитки), а другая—съѣстными припасами Гаврило Антоничъ тяжело вздохнулъ, взялъ мальчика обѣими руками за голову и сказалъ ему:

— Ну, Вася, ты теперь идешь на службу царскую; учись тамотка, особливо грамотѣ, да почитай начальство, не груби. Пуще всего, помни: не груби, — и все будетъ ладно. Можетъ, еще и въ офицеры превзойдешь. И это бываетъ. Проси дѣдушку, пусть благословитъ на дорогу. Онъ повернулъ его къ своему отцу.

Антонъ молча перекрестилъ Васю, надѣлъ ему на шею купленный на базарѣ за 2 коп. образокъ и, крѣпко поцѣловавъ его, одной рукой передалъ его матери, а другой вытеръ глаза...

Варвара заголосила...

— Полно, Варя, надриваться-то попусту, заговорилъ Гаврило: — его, чай, не убиваютъ; ну, и ревѣть нечего. Ъхать пора.

— Изъ ейной, чай, малецъ утробы-то, выѣшался Антонъ:— ну, и не трожь; пусть плачетъ.

Варвара завyla пуще прежняго. Вася, глядя на нее, тоже хныкалаъ.

Когда же всѣ трое, Вася, Гаврило и Антонъ, сѣли въ сани, Гаврило ожесточенно хлыстнулъ лошадь и они выѣхали со двора. Варвара такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ на крыльцѣ, слѣдя помутившимся взоромъ за отнятымъ дѣтищемъ. Къ утру, наши путники приѣхали въ уѣздный городъ, представились въ канцелярію инвалиднаго начальника, узнали тамъ, что отправка будетъ черезъ день и остались ее ждать. — Это послѣднее дорогое время прошло для Васи незамѣтно: его ублажали пряниками, орѣхами, водили гулять по улицамъ.

Раннимъ утромъ 26-го октября 1846 года, Антонъ, положивъ семь рублей ассигнаціями въ кожаный кошелекъ, надѣлъ его Васѣ на шею, спряталъ его ему подъ рубашку, строго наказавъ никому не хвастаться, что у него есть деньги, внушилъ

беречь ихъ про черный день, далъ ему въ карманъ на расходы еще коп. 50, и затѣмъ привелъ его на сборный пунктъ—городскую площадь, предъ острогомъ. Тамъ ужъ стоялъ рядъ подводъ, съ наваленными на нихъ котомками. Тутъ же толпилось человѣкъ 20 арестантовъ, а позади ихъ два мальчика—кантониста, къ которымъ унтеръ тотчасъ же присоединилъ и Васю.

— Смирно! скомандовалъ унтеръ, когда изъ воротъ острожного дома показался инвалидный начальникъ, съдой прапорщикъ.

Всѣ встрепенулись. Унтеръ вынулъ изъ-за обшлага шинели списокъ и, идя по линіи, сталъ перекликать партію. Сзади его важною поступью шелъ прапорщикъ.

— Отзываются громче, школа семиглазая, крикнулъ онъ: — розгами высѣку!

При такомъ привѣтствіи мальчики переглянулись, и визгливо стали откликаться.

По окончаніи переклички, Антонъ и Гаврило владучись отдали послѣдній поцѣлуй Васѣ и гривенникъ конвойному, чтобъ поберегъ ихъ малаго до губерніи. Мальчиковъ посадили на подводу. Партія повернулась направо и тронулась въ дорогу. Тутъ только Вася понялъ, что онъ ужъ не деревенскій, а казенный человѣкъ, и ему стало жутко. Взглянувъ издали на родныхъ, онъ заплакалъ навзрыдъ...

А Антонъ съ Гаврилою, проводивъ глазами удаляющуюся партію, постояли среди улицы, повздыхали, молча вернулись на постоянный дворъ, запрягли лошадку и отправились домой, понуривъ головы.

Партія вышла за околицу. Мальчики, сидя въ широкихъ деревенскихъ розвальняхъ, стали между собой понемногу знакомиться.

— Тпру-ру... Стой! приказывалъ унтеръ. Слѣдомъ за унтеромъ шелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бритый въ полголовы, съ торчавшею влочьями бородою, тощій, блѣдный, какъ смерть, въ сѣрой арестантской одеждѣ и въ кандалахъ.

— Эй, вы, бѣсенята, сдвиньтесь-ка ближе и дайте вотъ ему мѣсто гдѣ сѣсть! сказалъ унтеръ.

Мальчики сдвинулись и испуганно глядѣли на арестанта. Но отъѣхавъ полстанціи, они перестали бояться его, а онъ, забавляя ихъ разсказами, съумѣлъ къ концу станціи такъ расположить ихъ къ себѣ, что выманилъ даже у нихъ по семитѣ (2 коп. сер.).

На станціи партію развели ночевать: арестантовъ въ этап-

ный домъ, а мальчиковъ въ крестьянскую избу. Съ разсвѣтомъ, послѣ новой переклички, партія снова потянулась вчерашнимъ порядкомъ... Арестантъ впродолженіе всей дороги вслѣдствіи втирался къ мальчикамъ въ дружбу и довольствовался ихъ домашними харчами. Но скоро запасы истощились; они принялись тратить деньги, а потомъ и самимъ имъ пришлось оставаться на одной нищѣ жадостливыхъ хозяевъ, во время ночлеговъ. Иногда, впрочемъ, хозяева ничего не давали изъ варева, и тогда мальчики ѣли казенный хлѣбъ съ водой; спутникъ же ихъ арестантъ не мрился съ такимъ положеніемъ и не задумывался находить новые источники ѣсть лучше.

Разъ остановилась партія на привалѣ. Арестанты пѣшіе обступили торговку, а арестантъ, сидѣвшій съ мальчиками на подводѣ, говоритъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ: «пойди, Миколаша, стащи потихоньку у бабы вонъ этотъ ситцевый платокъ».

— Ишь ты, ловкачъ какой, отвѣчаетъ научаемый, Николай Филиповъ:—увидить—вихорь-то такъ надереть, што ахти.

— Небось, не увидить: вишь загозила со своими съ пирогами, теперъ хошь косу у ей отрѣжь—не спохватится. Я бы самъ стянулъ, да вишь ты, звенять, указаль онъ на цѣпи. Да встать-то мнѣ не велятъ. Иди же, будь молодець. Ежели-жь замѣтитъ—улепѣтывай спорѣи сюда: въ обиду не дадимъ.

— Нѣтъ, што-то боязно, право бязько: ундеръ увидить, отговаривался мальчикъ.

— Полно артачиться-то, глупый ты этакій! Гляди, какъ сойдеть-то. Только бѣги, не зѣнай. Станешь, продадимъ на станціи за двугривенный, да и яшницу сдѣлаемъ. Ей-ей такъ.

Яшница побѣдила колебаніе Филипова. Онъ отправился къ торговкѣ, вытянулъ, подкравшись на цпочкахъ, платокъ изъ-подъ корзинки и ужъ пустился-было бѣжать; но торговка замѣтила, опрометью бросилась въ погоню, схватила его и притащила за ухо обратно къ заваленкѣ, гдѣ торговала.

— На, вотъ тебѣ, воръ служба, на! сердито затарантила она, толкнувъ Филипова къ сидѣвшему тамъ унтеру. — Какъ тутотка торговать-то, коль такихъ мошенниковъ ведешь? А еще похвалялся: у меня, говорятъ, народъ смиренный, ничего не турнетъ. Ты, служба, либо гривну, что дала, назадъ подай, либо хорошую таску задай этому шалыгану.

Филиповъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Какъ ты смѣлъ воровать? грозно спросилъ унтеръ... а?...

— Я... я... меня подѣучилъ... арест... видитъ Богъ, не самъ. Прости, дяденька, взмолился Филиповъ.

— Да развѣ ты долженъ другихъ слушать? вскипѣлъ унтеръ: — а?!.. Вотъ-тебѣ, вотъ-тебѣ, поганецъ этакій, продолжалъ онъ, переваливая Филипова съ руки на руку.— Пѣшкомъ до станціи! заключилъ онъ.

И Филиповъ прошелъ версть 12. У него въ ушахъ звенѣли затрешины, голова горѣла, ноги еле двигались, стужа проникла насевозъ; слезы такъ и лились отъ горя и стыда.

Путешествіе тянулось цѣлыхъ десять дней; наконецъ партія очутилась на большой дорогѣ. Тутъ была одна изъ тѣхъ станціи, на которыхъ партіи сходились изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. По пересортированіи партій, въ нашей остались три мальчика, четыре арестанта и пять переселенцевъ. На всѣхъ ихъ дали одну подводу, которую высоко нагромоздили поклажею; на поклажѣ усадили мальчиковъ и партія отправилась дальше. Во избѣжаніе хлопотъ разводить и собирать мальчиковъ по деревнѣ, ихъ стали помѣщать на ночлеги вмѣстѣ съ арестантами, въ этапныхъ острогахъ. Холодные, грязны конуры, выбитыя стекла, заткнутыя тряпичами форточки, вонь, звяканье цѣпей, обломанная, досчатая нары—такова была ночная обстановка измученныхъ дорогою дѣтей. Мальчики не могли глазъ сомкнуть цѣлыя ночи напролѣтъ, и все это навѣвало на нихъ какой-то ужасъ и страхъ.

Послѣ одного изъ такихъ ночлеговъ, мальчикъ Иванъ Степановъ жаловался унтеру на повражу рубашки и полотенца.

— Вещи, пожалуйста, вели отдать, молилъ ребенокъ:—мнѣ скоро надѣтъ нечего будетъ.

— Да я-то тебѣ караульщикъ, что ли? закричалъ унтеръ.— Съ вами только хлопочи, шюла провлятая! Береги, бѣсенокъ, береги вещи-то, продолжалъ онъ, щелкая мальчика двумя пальцами по носу.

— Чѣмъ же я виновать-то, коль украли? оправдывался, увертываясь отъ щелчковъ, сквозь слезы, Степановъ.

— Гляди въ оба, и все цѣло будетъ. А то только воровъ плодишь, каналья этакая!

На утро унтеръ предложилъ сдѣлать, по гривнѣ съ брата, складчину на подводу, не тѣ грозилъ тащить пѣшкомъ, съ котомками на плечахъ. Партія повиновалась. Увидѣвъ возможность добывать такимъ легкимъ способомъ деньги, унтеръ поставилъ себѣ это ежедневнымъ правиломъ. Потомъ узнавъ, что у Васи на шеѣ есть деньги, онъ началъ у него понемногу выманывать и ихъ.

— Дай-ка мнѣ четвертакъ, говорилъ онъ, усѣвшись возлѣ Васи на нарахъ въ острогѣ.—Потому мнѣ очень нужно.

— Будешь съ тебя: ты, деденька, и то уж много вылян-
чидь. Не дамъ.

— Не дамъ?

— Нѣтъ, не дамъ. Ишь повадился: дай, да дай...

— Такъ ты еще, мозглякъ, грубить начальству?

И Вася, послѣ нѣсколькихъ угрозъ, снова вынималъ четвер-
такъ и думалъ о томъ, когда бъ только скорѣй окончилась
дорога.

Конецъ уже былъ близокъ. На послѣдней станціи унтеръ на-
шелъ нужнымъ дать совѣтъ мальчикамъ, какъ вести себя предъ-
будущимъ ихъ начальствомъ.

— Ежели начальство васъ спроситъ—отвѣчать громко: «всѣмъ
довольны», вразумляя онь.—«Получали, молю, тоже сколько
всехъ. Слышите? Потому, Боже сохрани!

У заставы унтеръ припарадился, перекрестился и повелъ пар-
тію фронтомъ въ острогъ. Сдавъ тамъ арестантовъ, онь пе-
реночевалъ съ мальчиками въ пересильной казармѣ и рано ут-
ромъ привелъ ихъ въ казармы заведенія кантонистовъ, сдавъ
ихъ благополучно по принадлежности и отправился во свояси.

II.

Понедѣльникъ. — Первая рота на фронтовомъ
ученіи.

Быль шестой часъ утра. Къ одной изъ кроватей задней ли-
ніи подошелъ кантонистъ-часовой и разбудилъ нашего героя,
Василья Иванова. Онь сѣлъ на кровать, протеръ глаза, норы-
висто вздохнулъ, потянулся-было, зѣвнулъ, но сейчасъ же
всталъ. Надо было чистить сапоги. Доставъ изъ кроватнаго
ящика ваксу, онь развелъ ее въ черенкѣ и принялся за рабо-
ту. Работа шла довольно успѣшно. Вдругъ кто-то отчаянно за-
кричалъ во снѣ: «помилуйте, ваше благородіе, никогда не буду,
помилосердствуйте». Крикъ раздался такъ неожиданно, голось
былъ такой раздрающій, что Ивановъ вздрогнулъ и выронилъ
изъ руки щетку; та упала на черенокъ съ ваксой и вакса раз-
лилась по полу, промежъ кроватей. Онь испугался этого собы-
тія и заплакалъ. На бѣду проснулся его дядька и, узнавъ въ
чемъ дѣло, всталъ и велѣлъ ему нагнуть шею. Тотъ не
понялъ.

— Нагни, тебѣ говорить, шею, ну... уткни голову внизъ,
спокойно наставлялъ дядька своего племянна.

Ивановъ повиновался, недоумѣвая, однако, для чего это.

— Стой, добавилъ дядька и, попридержавъ голову племяша лѣвою рукою, правую раскочалъ въ воздухъ и ударилъ ею съ ромаху Иванова по шеѣ. Тотъ взвизгнулъ на всю комнату. Но это было такъ обыденно, что никого не встревожило и не разбудило. Ивановъ рванулся-было отъ дядьки, но напрасно: тотъ вѣрѣе вѣдѣлся въ него.

— Ты не кричи, приговаривалъ дядька: — не кричи, когда дѣло дѣлаешь, остороженъ будь и ротъ не развѣвай, а напакотивши—не хнычь. Вотъ чтò! Такими словами сопровождалъ свои удары первый и самый ближайшій начальникъ новичка.

Кромѣ дядьки, начальства въ заведеніи было пропасть. Заведеніе состояло изъ 4-хъ ротъ. Рота, заключавшая въ себѣ болѣе 300 кантонистовъ, дѣлилась на 4 отдѣленія (капральства), капральство на 4 десятка. Въ ротѣ начальствовали: ротный командиръ, фельдфебель, 4 капральныхъ: унтеръ-офицера и ефрейтора (на кантонистскомъ нарѣчій первые—правящіе, а послѣдніе—капралы). Кромѣ того, тутъ было 20 десяточныхъ ефрейторовъ, столько же вице-ефрейторовъ, да до 100 дядекъ. Должностные отличались по значкамъ на погонахъ. Фельдфебелями и правящими были учителя-унтеръ-офицеры и просто унтеръ-офицеры; въ капралы же, десяточные ефрейторы и вице-ефрейторы выбирались изъ среды самихъ кантонистовъ такіе, которые отличались ловкостью и, главное, красотою.

— Вставать, вставать! раздалось по комнатамъ на разные голоса.

Кантонисты мигомъ встали и принялись: кто застилать кровати, кто расправлять брюки, обчищать куртки; шли умываться. Спустя четверть часа, всѣхъ согнали одѣваться на заднюю лѣнію, и на переднюю выступили дневальные, начали сбрызгивать водой изъ рта полъ, подметать его, стирать поднимающуюся густымъ столбомъ пыль. Далѣе, одѣтые въ куртки мальчишки, подвергались осмотру: новички со стороны—дядекъ, дядьки—вице-ефрейторовъ, вице-ефрейторы со всѣми вмѣстѣ были осматриваемы ефрейторами. Всякій высшій начальникъ старался находить неопрятность, неисправность въ одеждѣ низшаго, ему подвѣдомаго, начальника и тутъ же щипалъ его за волосы, рвалъ за уши, билъ кулакомъ; а наказуемый, лишь только освобождался отъ наказующаго, немедленно придирался къ своему подчиненному и на немъ вымещалъ свою боль. Такимъ образомъ побой передавались до новичковъ включительно; имъ бить ужъ некого было.

— Второе капральство, на молитву! раздается голосъ правя-

шаго, и человекъ 70—80 столпились въ уголь, къ образу. Правящій задалъ тонъ и кантонисты заплѣли. Но правящій недоуменъ.

— Если завтра такъ же плохо споете, какъ сегодня, говорить онъ:—всѣхъ безъ обѣда оставлю. Теперь по мѣстамъ; иду койки осматривать.

Кантонисты мигомъ очутились возлѣ своихъ кроватей и принялись взбивать мочальныя подушки, обтягивать простыни, одѣяла. А правящій съ капраломъ, вооруженнымъ пучкомъ розогъ, пошелъ осматривать кровати. Отворачивалъ гдѣ одѣяло, гдѣ тюфякъ; приказывалъ выдвигать кроватный ящикъ, вынимать изъ него вещи, заставлялъ при себѣ же опять складывать ихъ, по установленной формѣ, и прятать обратно въ ящикъ, но прятать такъ, чтобы посрединѣ ящика непременно лежали: полотенце, гребенка, ложка и зеркальце, если оно имѣется. Видно, того требовалъ порядокъ.

— Капралы! за хлѣбомъ! раздается по комнатамъ новый крикъ, по окончаніи осмотра кроватей.

Капралы отправляются на зовъ къ фельдфебельской камеркѣ, возлѣ которой расположенъ столъ; на немъ поставлены чернильница, песочница, счеты, какія-то бумаги и въ жестяномъ подсвѣчникѣ горитъ сальная свѣча. У стола сидитъ заспанный кантонистъ лѣтъ 17. Это ротный писарь и ея канцелярія. Подойдя къ столу, 4 капрала, люди съ писаремъ близкіе, съли: кто на табуретъ, кто на окно, кто и на столъ, а на приличномъ отъ нихъ разстояніи стали на вытяжку человекъ 10 простыхъ кантонистовъ, пришедшихъ за хлѣбомъ для капральствъ. На ближайшей къ столу кровати стояли двѣ огромной величины корзины съ нарѣзанными ломтями.

— Въ первое капральство отпусти 63 ломтя, приказываетъ писарь дежурному ефрейтору, завѣдующему хлѣбомъ.

— Ну, ужъ и 63! возражаетъ капралъ Бирковъ, стройный, 18-тилѣтній юноша.—Прибавь, Петя, ломтей десять на мое рыло; я, чай, знаешь, люблю поѣсть.

— Прибавь ему 10 ломтей, велитъ писарь дежурному. Потомъ, обращаясь къ Биркову, прибавляетъ.—Чуръ, помнить; у Рудина въ классѣ урокъ не спрашивай, а то учитель испортитъ оплеухами всю его маску (красоту), тогда всѣмъ намъ житья не будетъ отъ фельдфебеля.

— Во второе капральство 65 ломтей, въ третье — 80, продолжаетъ Бобровъ.

— Ты, Петя, въ умѣ, али нѣтъ? говоритъ капралъ Андреевъ.—А на прибывшихъ? Ихъ вѣдь 6 человекъ.

Бобровъ хватаетъ рапортчку, счеты и щелкаетъ костями.

— Твои прибывшіе пропущены, рѣшаетъ онъ.—Ну, да они, я думаю, еще деревенскихъ кокурокъ (сдобныя, сухія лепешки) не доѣли. Завтра вытребую, а сегодня пусть такъ останутся.

— Какъ же безъ завтрака!

— Да очень просто: на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Что же ты дѣлаешь? однимъ по 15 ломтей лишникъ, а другихъ голодныхъ оставляешь, вмѣшивается капраль 4-го капральства, Калининъ.

— Тебѣ-то что надо? прерываетъ Бобровъ.—Думаешь, и тебѣ прибавлю? Какъ же, держи карманъ.

— Прибавить, не прибавишь, а и не добавить не смѣешь.

— Наушничать, что ли, пойдешь?

— И этого не сдѣлаю, а при всѣхъ же фельдфебелю пожалуюсь: пусть онъ насъ разсудитъ.

— Безъ года недѣлю и капраломъ-то, а ужъ туда же ротъ развѣваетъ! На отца надѣшься, вотъ тебѣ и чортъ не братъ.

— Надѣюсь ли я на кого, либо нѣтъ, это дѣло постороннее, а ужъ за свое капральство постояю.

— За свое капральство? Да стоишь ли ты быть капраломъ-то? Попалъ въ капралы изъ-за маски, да тятиньки, и туда же храбрится? Настоящее-то твое мѣсто вѣдь еще въ слабыхъ (новичкахъ), а не въ ординарцахъ, да въ знаменщикахъ.

— Въ дѣлежъ хлѣба все это не подходитъ. Я ни во что не напрашивался!

— Молодецъ, Митя, ловко огрызаешься, перебиваетъ Бировъ.—Ахъ вы мои, кралечки этакія.

— А самъ-то, самъ-то, развѣ не маска? возражаютъ Рудинъ и Андреевъ.

— Напрасный трудъ: я самъ того и гляжу...

— Вотъ, братцы, что значить надѣяться-то! молвилъ Андреевъ.—Тебѣ, Митя, спола-горя смѣяться надъ другими, коли знаешь, что тебя побоятся трогать.

— Не будь-ка у тебя отца, то же бы...

— Полно вамъ, дьяволы, такіе разговоры-то здѣсь вести: услышать, а не то изъ васъ же кто-нибудь перескажетъ, тогда мнѣ, того и гляди, придется въ чужомъ пиру похмѣляться. Додай, Панкратьевъ, въ 3-е и 4-е капральства по 6 ломтей лишникъ, противъ наличнаго числа, и убирайтесь вы отсюда ко всѣмъ чертямъ. Тутъ надо рапортъ сочинять, а съ вами только съ толку собьешься.

Получивъ хлѣбъ, капралы отправились во свояси, тамъ созвали къ себѣ десяточникъ ефрейторовъ, роздали имъ завтраки

на ихъ десятка, также по числу людей; тѣ перенесли хлѣбъ на свои кровати и дѣлили его десяткамъ чрезъ дядекъ и вице-эфрейторовъ. И ломоть черстваго хлѣба, въ четверть фунта, вѣсомъ, кантонисты съ жадностью сѣддаютъ, воруя и отнимая другъ у друга; тѣ же, кого начальство, за беспорядокъ, лишило этого лакомства, съ завистью поглядываютъ на счастливецевъ.

Послѣ завтрага, по командѣ капрала, всѣ выстроились. Капралъ пожелалъ произвести смотръ своихъ кантонистовъ.

— Ивановъ, отчего безъ пуговицы? строго спросилъ онъ.

— Всѣ, важись, есть, отвѣтилъ спрошенный.—Право, всѣ.

— Еще увѣраешь—всѣ; а это что? Онъ подошелъ къ нему и указалъ на незастегнутую пуговицу.—Это что?

— Да ихъ такъ много, что и не пересчитаешь, оправдывался виновный.—Экъ ее угораздило отстегнуться. Онъ живо ее застегнулъ. Пуговицъ было на борту куртки счетомъ 6.

— Кто дядьба?

— Эвонъ стоитъ—чрезъ двухъ отселева.

— Семеновъ, осматривалъ ты своего племяша?

— Да-съ, осматривалъ.

— И не видалъ, что онъ становится во фронтъ разстегнутый?

— Онъ былъ застегнутъ; надо быть, послѣ какъ-нибудь...

— По вашему, вы оба правы, а по моему, виноваты, да и виноваты не вы, а ваши глаза, руки. По глазамъ нельзя бить. Ну-ка, Семеновъ, лѣвую руку ладонью вверхъ!

Семеновъ побагровѣлъ, но повиновался. Капралъ ударилъ распущенными прутьями розги прямо по пальцамъ дядьки. Тотъ повеленѣлъ, затрясся, но не пикнулъ, мгновенно поднесъ руку ко рту и сталъ дуть на пальцы.

— Пстой, пстой дуть-то. Правую впередъ!

Семеновъ исполнилъ. Капралъ хлеснулъ и по ней розгой. У Семенова показались слезы.

— На мѣсто! Ну-ка ты, подай сюда руку, продолжалъ капралъ, обращаясь къ Иванову.

— Ни за что не дамъ. За что-жь это такъ драться-то? визливо заговорилъ Ивановъ.—Хоть убей, не дамъ.

— Не дамъ?

Разсерженный капралъ схватилъ его за голову и сталъ стегать по спинѣ. Ивановъ кричалъ изо всей мочи, барахтался.

Пронзительный крикъ его привлекъ вниманіе правящаго, который и подошелъ къ фронту.

— Молчать! крикнулъ онъ на Иванова, и тотъ ревѣть пере-

стать, но все еще вскликивалъ.—Сергѣевъ! съ правой ноги сапогъ долой, приказалъ правящій.—Покажи портянку.

Сергѣевъ показалъ. Она была черновата.

— Розогъ! крикнулъ правящій. — Монихъ силъ не хватаетъ смотрѣть за вами. За всѣхъ въ отвѣтъ одинъ я. Такъ и-жь васъ выучу, канальи!..

— Становитесь въ роту! прокричалъ дежурный унтеръ, проходя по комнатамъ.

Выстроилась и рота въ самой большой комнатѣ. Издали приказался фельдфебель, въ сопровожденіи своей свиты, унтеровъ и капраловъ. Важною, горделивою поступью пошелъ фельдфебель по фронту и одного, неровно стоявшаго, нарядилъ на часы, другому—посулилъ розогъ; вообще не поспешилъ на распоряженія въ подобномъ родѣ.

— Классные въ классъ, а остальные по десяткамъ и начать одиночное ученье, заключилъ фельдфебель и отправился пить чай во свояси.

Рота раздѣлилась по комнатамъ на отряды, челоуѣкъ по 15—20; десяточные ефрейторы выступили впередъ.

— Смир-р-рно! скомандовалъ своему десятку ефрейторъ Пахомовъ. Кантонисты вытанулись въ струнку.

— Ровняйся!

Всѣ выровнялись. Ефрейторъ зашелъ съ праваго фланга, взглянулъ—хорошо; съ лѣваго—тоже.

— Глаза на пра-вд!

Мигомъ головъ двадцать повернулись.

— Пря-мд!

Глаза очутились прямо.

— Глаза на лѣ-вд!

Одинъ опоздалъ.

— Это что! Что ты о деревнѣ, что ли, думаешь во фронтѣ? говоритъ ефрейторъ и начинаетъ драть провинившагося за волосы. Кантонистъ искривляетъ физиономію, пищитъ, ѣжится, а ефрейторъ приговариваетъ:—что? вѣрно противъ шерсти? Противъ шерсти, а? Помни, что стоишь во фронтѣ, а не за сохой; помни. Польбороть на пра-вд!

Кантонисты повернулись на пяткачь.

— Во фронтъ!

Кантонисты исполнили и это.

— Польбороть на лѣ-в'. Во фронтъ. Шеренга на право! На руку дистанція.

Кантонисты отодвигаются и, накладывая руки на правыя пле-

чи впереди стоящаго кантониста, вскорѣ же опускаютъ ихъ по швамъ.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приема: ра-а-азъ.

Кантонисты медленно и осторожно выдвигаютъ впередъ лѣвую ногу, держась на одной правой и стараясь не шаркнуть объ полъ.

— Хорошенько вытянуть носомъ! корпусъ держать прямо; грудь впередъ; Хохловъ, подбери брюхо: чай, не мужикъ.

Ефрейторъ обходитъ шеренгу, внимательно оглядываетъ каждаго, все ли въ немъ исправно, потомъ возвращается на средину, шага на четыре отъ шеренги.

— От-ставъ.

Ноги мгновенно убираются въ свое мѣсто.

— Ра-а-азъ...

Ноги вновь выдвигаются.

— Дв-ва-а.

Ноги плавно поднимаются вверхъ, до тѣхъ поръ, пока сравняются съ животомъ.

— На ногѣ не дрожать; корпусомъ не шевелить; руками не болтать.

Ефрейторъ опять обходитъ шеренгу; но у кого-то нога отъ долгаго держанія ея на вѣсу затряслась сильнѣй и сильнѣй, и потомъ опустилась на полъ.

— Ты, р-р-разбойникъ, не хочешь стоять? стоять не хочешь? Я тебѣ задамъ.

Мгновенная расправа.

— Дв-ва-а...

«Разбойникъ» поднялъ голову.

— Три!

Шеренга живо опустилась на лѣвую ногу.

— Ра-а-азъ! Два-а-а! Ра-а-азъ! Два-а-а!

И попеременно поднимаются на воздухъ то правыя, то лѣвыя ноги.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ два приема ра-а-азъ!

Лѣвыя ноги прямо поднялись вверхъ.

— Два-а-а! Ноги опустились.—Не шевелиться!

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ одинъ приемъ! Ра-а-азъ.

Всѣ мгновенно подняли ноги и протяжно сдѣлали шагъ впередъ.

— Ротный командиръ! раздалось издалека.

— Во фронтъ! скомандовалъ ефрейторъ.—Хорошенько отшатываться, подтянуться, выравняться.

Фельдфебель выскочилъ изъ своей коморки, подбѣжалъ къ

ротной канцеляріи, схватилъ какую-то бумажку и поспѣшно направился-было на встрѣчу ротному.

— Гаврило Ефимичъ! остановилъ его ротный писарь Бобровъ:— рапортчика-то вѣдь не подписана...

— Сто разъ, кажется, я тебѣ, шмара проклятая, приказывалъ подписать за меня самому, а ты? Не умничай лучше, да не толкуй о томъ, что до меня не касается. Ужь я когда-нибудь спущу тебѣ шкуру; непременно спущу! Подпиши.

И фельдфебель бѣгомъ пустился къ ротному.

Въ комнату роты вошелъ среднихъ лѣтъ толстый, рыжій офицеръ; лицо его было безъ всякаго выраженія, драблосе, отвислое, только быстрые, сѣрые глаза его какъ-то дико свѣтились. Это былъ капитанъ Живодеровъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ заведеніи лѣтъ 15—20 съ прапорщичьяго чина и между офицерами считался старшимъ, и даже пользовался почетомъ.

— Здравствуй, процѣдилъ сквозь зубы Живодеровъ фельдфебелю, когда тотъ отрапортовалъ ему о благополучіи.

— Желаю здравія, ваше благородіе.

— Здорово, ребята! обратился Живодеровъ къ кантонистамъ.

— Здравія желаемъ ваше благородіе! гаркнули кантонисты во весь голосъ.

Привѣтствіе «здравствуй», а не «здорово» означало хорошія интимныя отношенія между здоровающимися. Съ такою фамильярностію ротные обыкновенно обращались только къ фельдфебелямъ.

— Продолжать ученье, произнесъ Живодеровъ, направляясь дальше.

— Не угодно ли вашему благородію трубочки покурить? вкрадчиво предложилъ фельдфебель.

— Пожалуй, согласился Живодеровъ и пошелъ въ фельдфебельскую комнату, гдѣ выпилъ изъ знакомаго ему глинянаго кувшина изрядный стаканчикъ-другой, и сдѣлавшись значительно веселѣе, вышелъ къ учившимся.

— Шеренга направо! командовалъ ефрейторъ.

— На пять шаговъ дистанція, скорымъ шагомъ мар-р-ршъ! Все двигалось въ стройномъ порядкѣ, а ефрейторъ громко держалъ тактъ, считая: «разъ-два, разъ-два».

— Носокъ, носокъ вытягивать, крикнулъ наконецъ Живодеровъ. — Я здѣсь! Это «я здѣсь» коротко было знакомо кантонистамъ по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ.

— На лѣво круг-гомъ! поворачивалъ ефрейторъ. Кто-то споткнулся.

— Стой, рывнуль Живодеровъ. — Розги здѣсь?

— Ивановъ, принеси розогъ! передалъ фельдфебель ефрейтору.

— Отчего здѣсь нѣтъ? спросилъ, побагровѣвъ, Живодеровъ. — Я сколько разъ приказывалъ, чтобы во всѣхъ комнатахъ были розги? Ждать теперь? Смотри! погрозилъ онъ фельдфебелю.

— Сегодня, ваше благородіе, полковникъ изволилъ обѣщаться зайти, оправдывался фельдфебель. — Потому я распорядился убрать для чистоты...

— Тутъ что хочешь можешь быть лишнее, но не розги. Это и полковникъ знаетъ. Безъ розогъ нечего здѣсь и дѣлать. Понимаешь ты... а?.. Понимаешь, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Эй ты, Фокинъ, впередъ. Помертвѣвшій мальчишъ вшегъ изъ шеренги.

— Ну, какъ теперь его драть? громко сказалъ Живодеровъ. — Какъ бы такъ, чтобы и лотчѣй и больнѣй было? Не придумаешь ли ты какого нибудь новаго метода? отнесся онъ къ фельдфебелю.

— Если угодно — приважите ему ваше благородіе вѣзаться, не раздѣваясь, за носки руками. Эдакаго манера они шибко трусятъ...

— А?.. а?.. Возьмись-ка, любезный, за носки, заговорилъ Живодеровъ.

— Простите ваше благородіе, никогда больше не замѣтите! взмолился Фокинъ.

— Не будешь — твое счастье — сѣчь не буду. Ну, а теперь нагнись-ка. Ефрейторъ, валай!

Фокинъ повиновался, но послѣ перваго же удара выпрямился. Живодеровъ повторилъ приказаніе «за носки». Фокинъ, получивъ ударъ, страшно завылъ и опять выпрямился.

— Счастливая мысль, благая мысль. А та-та-та! Брюки делой. Раздѣнься! и за носки!..

Фокинъ плакалъ, медлилъ.

— Исполнить! крикнулъ Живодеровъ другимъ кантонистамъ. Фокина хлестнули распухшими прутьями, но на этотъ разъ онъ ужъ не выпрямился только, а грохнулся навзничъ объ полъ.

— По животу теперь его, по животу: встанетъ. А та-та-та! Хорошо, хорошо! А та-та-та! Нападъ, нападъ таки, наконецъ, на мысль! неистовствоваъ Живодеровъ. — Проба хороша, отлич-

ная проба. За носки, за носки и вездѣ и впередъ, вездѣ и впередъ; брюхо тоже не жалѣть. За носки!..

— Полковникъ идетъ! доложили кто-то.

— Довольно, пока довольно! произнесъ Живодеровъ и отправился на встрѣчу начальнику заведенія. Описанный способъ наказанія ему, между тѣмъ, такъ понравился, что онъ ввелъ его въ частое употребленіе, къ невыразимому ужасу и отчаянію кантонистовъ.

— Открыть ящикъ вотъ этой кровати! приказалъ начальникъ послѣ обычнаго здорованья. Онъ былъ маленькаго роста, круглый, бѣлокурый съ сѣрыми на выкатъ глазами, по фамиліи Курятниковъ.

Въ ящикѣ обстоило все благополучно.

— Позвольте, капитанъ, узнать: отчего вонъ подъ тою кроватью пыль? продолжалъ начальникъ, указывая пальцами въ даль.

— Не вижу, господинъ полковникъ, право не вижу-съ, отозвался Живодеровъ. — Глазами, надо полагать, плохъ сталъ. Извините.

— Если вы не видите пыли, — такъ я слышу отъ васъ запахъ водки; понимаете: водки? Вы на ученъи, на службѣ; что же это?

— Виновать-съ, господинъ полковникъ, виновать... для подкрѣпленія... нездоровится что-то.

— Такъ надо, по вашему, пить? Нѣтъ-съ! Хотите служить — будьте исправны, не хотите — маршъ въ отставку. Я другихъ найду; да, найду другихъ, да такихъ, которые будутъ прилежны, которые съ женами драться не станутъ. У меня здѣсь не богадѣльня, и не кабакъ-съ. Послѣдній разъ дѣлаю вамъ выговоръ; а дальше я съ вами и говорить не стану.

Полковникъ ушелъ. Живодеровъ потребовалъ виновныхъ. Виновнымъ (подъ чьєю кроватью была пыль) оказался новичокъ, но какъ онъ новичокъ — то и его дядья.

— Мнѣ дѣлаютъ выговоръ, меня распекаютъ, а я буду на васъ любоваться? Нѣтъ, ребята — шалите. Раздѣваться.

Минуть пятнадцать спустя оба были выдраны вновь изобрѣтеннымъ манеромъ.

Часовъ въ одиннадцать ученъе кончилось. Кантонисты разбѣжались. Живодеровъ, совершенно довольный, ушелъ домой. Живодеровъ не могъ жить безъ драки. Онъ былъ не въ духѣ, когда ему не удавалось выдрать кого-нибудь въ ротъ — и тогда совершалъ побоище дома. Вслѣдствіе этого лишь только наступить, бывало, 12-я часть — время возвращенія его изъ роты —

семья его уже верко глядитъ въ окна, въ вѣнцы видѣ идеть ховиннъ: если верхъ его шапки нахлобученъ на поварду — всѣ бѣгутъ, прячутся кто куда можетъ. Но прихода, часто случалось, не уостередали. И вотъ онъ, войдя въ комнату и бросивъ шапку на полъ, валустился на сына.

— Ты что урокъ не учини?

— Я, папешка, ужь выучилъ. Учитель поставилъ 6 балловъ, вврадчиво и съ подобострастьемъ отвѣчаетъ старшій его сынъ, мальчикъ лѣтъ 16, а самъ такъ и норовитъ таяудать.

— Ну, а ты зачѣмъ въ зубахъ ковыряешь, развѣ у тебя нѣтъ другою дѣла — а? обращается онъ къ младшему сыну.

— У меня, папешка, зубы болятъ, объясняетъ сынъ, дрожа отъ страху.

— Тѣмъ хуже: значить бѣралъ по двору, простуживаешься. Я вотъ тебѣ полечу зубы. Я тебѣ дамъ жалить. Эй, Афонька, розогъ!

И начинается сѣвучія.

Участь дочери — дѣвушки уже на возрастѣ, была не лучше. Отецъ, будучи не въ духѣ, бывало, подойдетъ къ ней, остановится и упорно глядитъ то ей въ лицо, то на ея работу. Дочь крѣпитца, крѣпитца; не станетъ ей въ терпѣжъ, уткнетъ голову внизъ, да заплачетъ. А этого только Живодеровъ и ждетъ.

— Такъ вотъ ты какова, змѣя подколородная? На отца и глядѣть не хочешь, онъ тебѣ прѣтивенъ, онъ васъ не стоятъ? А кто же загубилъ мой вѣкъ? не ваша развѣ мать съ вами, шенитами? А кто васъ кормитъ, кто станетъ готовить вамъ приданое, кто будетъ исвать жениха? Такъ вотъ за все это отецъ звѣрь, отецъ вашъ ненавистенъ, про отца сплетни выпускаете?... Нѣтъ! Я вставлю встрѣчать себя весело, а не се слезами... Афонька, розогъ сюда!

Неочастливая дѣвушка, подобно братьямъ, подвергается истязаніямъ. Истерическій вопль ея еще болѣе раздражаетъ Живодера.

— Такъ ты еще орать?! воскликнулъ онъ, съ гнѣвомъ у рта. — Такъ ты еще съ норовомъ, тебѣ вѣрно мало? Цѣлая рота по первому моему знаку замираетъ, а тутъ дрянная дѣвчонка отъ рукъ отбивается, слушаться не хочетъ... Нѣтъ! Я изъ тебя вывадъ этого норовъ, вывадъ! И онъ впадаетъ въ азартъ, хватается за розгу и самолично чинитъ расправу... Невостови

¹ О гъ жениха въ первой молодости по любви на мщанкѣ и въ гдѣтвіе этого считалъ вѣкъ свой загубленнымъ.

шумъ и днѣе стоны долетаютъ до слуха матери, которая прибѣгаетъ освобождать дочь и вступаетъ въ ратоберство съ мужемъ.

— Ванька, Афонька, сюда, сюда. скорѣй! кричитъ Живодеровъ въ пылу неистовства, послѣ нѣкоторой борьбы съ женою изъ-за жертвы—дочери.—Растяните-ка это чертова отродье, растяните, да въ пересыпну ее, эту корову, въ пересыпну! — у!..

И жена, также какъ дѣти, какъ кантонисты, подвергается наказанію. Нерѣдко, впрочемъ, Живодерову удавалось заперать жену подъ замокъ, въ снѣальню, на время, пока она истязуетъ дочь. Домъ Живодерова послѣ каждой повальной эвакуаціи перевертывался вверхъ дномъ на нѣсколько дней; но цѣлостъ все входило въ обычную колею до слѣдующаго погрома. Какъ у жены, такъ и у дочери синяки и царапины почти не сходили. Жена постоянно жаловалась на мужа и начальнику и знакомымъ, но толку отъ этого было мало: начальникъ выговаривалъ только ему, журилъ его слегка, а знакомые интересовались разсказами несчастной матери только потому, что видѣли въ нихъ матеріалъ для городской сплетни.

Двѣнадцать часовъ. По ротамъ заведенія прошель горнисть, труба въ рожокъ сигналъ, призывающій къ обѣду. За нимъ слышалось приказаніе: «прислуга въ столовую», и шло туда мальчиковъ пятнадцать, двадцать изъ роты. Прислуживали за столомъ поочередно, подъ наблюденіемъ ефрейторовъ, всѣ простые, т. - е. нечиновные кантонисты. По приходѣ въ столовую, раздѣлявшуюся на двѣ громадной величины половины, прислуга надѣвала фартуки, шла за хлѣбомъ, раскладывала его по мѣстамъ, получала, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, щей, при чемъ въ нихъ опускалось счетомъ на каждого человѣка по два кусочка говядины, мелко накрошенной. Окончивъ эти приготовления, прислуга становилась возлѣ стола и ожидала прихода ротъ.

Разсадка по мѣстамъ производилась по командѣ, причемъ начальство пользовалось привилегіею кушать отдѣльно отъ прочихъ.

Дѣти позволяли себѣ, стоя въ комнатахъ фронтомъ до отправки въ столовую, нѣкоторыя развлеченія.

— Давай, Ершовъ, ложками биться, предлагаетъ мальчикъ Пименовъ.

— А ежели разобьешь, при чемъ же я-то останусь?

— Можетъ, ты мою разобьешь? Это вѣдь на счастье. Давай, что ли! Была не была — попробуемъ.

*

Ершовъ колеблется.

— Трусъ, трусь, подстрекають его одни.

— Не бейся, Ершь: безъ обѣда останемся, предваряють его другіе: — у него ложка дубовая и онъ ею не токма твою березовую, а какую угодно уговорить.

— Что-жь, бьемся, али гѣтъ?

— Бьемся! рѣиваетъ Ершовъ. И выставивъ впередъ наружную сторону дна ложки, онъ держитъ ее за черенокъ.

— Держись! напоминаетъ Пименовъ, размахиваетъ въ воздухъ руку, ударяетъ своею ложкою по ложкѣ Ершова и та разлетается на части.

— Молодецъ Пименовъ, право молодець, одобряють одни.

— Ну что, храбрець? дразнятъ Ершова другіе. — Бѣги скорѣй за ложкой, не то за второй столъ останешься.

У Ершова наворачиваются на глазахъ слезы.

— Иди же, тебѣ говорятъ, ложку добывать скорѣй, пока не повели въ столовую, подхватываетъ и Пименовъ. — А вы, ребята, никто, помни, не дерись со мной на ложкахъ, предупреждаетъ онъ близъ стоящихъ товарищей. — Захочу — всѣхъ оставлю безъ обѣда.

— Дайте, братцы, ложку, сходить пообѣдать, жалобно просить Ершовъ, выйдя на заднюю линію къ оставшимся за второй столъ. — Дай Мериновъ, будь другъ!

— Я самъ за столъ пойду, сердито отвѣчаетъ Мериновъ.

— Дай, Вася, ложку сходить пообѣдать, просить Ершовъ у другаго.

— Ложку? гм... отвѣчаетъ, гримасничая, Панковъ. — Да ты нѣтъ какихъ?

— Вѣдь за второй столъ пойдешь; чего-жь жалѣть-то...

— А для че бы тебѣ не идти за второй, а безпрѣмбно мнѣ?

— Да у меня и мѣсто занято, и ложка была...

— Была, да слыла. Уступи-ка ты лучше свое мѣсто мнѣ, а я совсѣмъ подарю¹ тебѣ, за это, ложку. Ложка, правда, старенькая, съ отгрызаннымъ краемъ, — ну, а хлѣбать ничего, все-таки можно; кашу тоже изрядно поддѣваетъ. Согласень, что ли?

Но Ершовъ ужъ обращается къ третьему.

— Полно ванючить-то по пустому: будь увѣренъ, никто не дастъ, вѣдь это народъ все сквалыга, вразумляетъ Панковъ Ершова.

— Фельдфебель идетъ! раздается по комнатамъ.

¹ Казенныхъ ложекъ никому никогда не давали.

— Уступи же, Ершовъ, мѣсто-то? право, подарю ложку: не то смотри: фельдфебель узнаетъ про ложку и задастъ тебѣ перцу-азра...

— Ну, займи ужь, горестно соглашается Ершовъ: — только ложка-то ужь моя.

— Не сумлевайся, обмануть, не обману. И Панковъ очутился на мѣстѣ Ершова.

— Что, Ершъ, безъ обѣда? насмѣшливо крикнулъ ему Пименовъ, высунувъ языкъ.

— Подожди, смутьяны ты проклятый, погрозилъ ему Ершовъ издали. — Я тебѣ ужь, на ученья-то вывитаю...

— Обтянуть шинели, пуговицы... ярчки... волосы пригладить! говорилъ, между тѣмъ, фельдфебель, обходя фронтъ. — Иди въ ногу, начальнику смотрѣть въ глаза — весело! Ъсть тихо, не шумѣть, вставать разомъ, послѣ сигнала, и хлѣба не красть. Попадется кто — съ шеи до пятъ всю шкуру спушу! Маршъ!

Рота отправилась обѣдать, «вольнымъ шагомъ и въ ногу».

Занявъ въ столовой свои мѣста, кантонисты стали лицомъ къ образу. Въ средней двери появился пѣвческій регентъ, учитель, и задалъ тонъ.

Кантонисты запѣли.

— Отставить! крикнулъ вошедшій полковникъ.

— Снова!

— От-че всѣхъ на ты, на ты-гос-спо-дѣ...

— Чортъ васъ подери! крикнулъ полковникъ. — Развѣ такъ надо? Короче, короче, говорилъ онъ, стуча ногами и какъ бы показывая движеніемъ ихъ, какъ надо. — Отставить. Пѣніе прерывается.

— Начинай еще...

— Отче всѣхъ на ты, господи, уповаютъ..

— Стой! Ну, ужь я вамъ дамъ: уповаютъ! Перепорю вотъ чрезъ девять десятыхъ, такъ вы у меня будете уповать. Развѣ «Отче всѣхъ», передразниваетъ полковникъ, а? «Очи», а не «Отче»... Ну еще?.. начинай...

— Очи всѣхъ на ты, господи, уповаютъ, поютъ кантонисты, а полковникъ притаптываетъ ногами... «И отверзавши щедрую руку твою...»

— Сиверно! Я васъ передеру, непременно передеру! Продолжай «Щедрую-ю ру-ку мою.»

— Щедрую руку твою и исполниши всякое животное благоволеніе.

— Вотъ тебѣ благоволеніе, вотъ тебѣ благоволеніе, приго-

варивалъ подковникъ, отсчитывая улыбуниемуся правящему ударъ за ударомъ во лбу.

— Садись! командовалъ дежурный офицеръ.

Кантонности съли и съ какою-то дикою, волчьей жадностью начали ѣсть. Полковникъ пошелъ мимо объѣдающихъ.

— Отчего за этой мисою не шесть человѣкъ, а только пять человѣкъ? спрашиваетъ онъ, останавливаясь около одного стола.

Отвѣта нѣтъ.

— Почему тутъ нѣтъ шестаго, спрашиваю я?

Дежурные переминаются, кантонности блѣднѣютъ и краснѣютъ:

— Въ пекорощей лавчелѣ былъ и вернулся назадъ: испугался, что вые скородье тутъ! рѣшился отвѣтить одинъ изъ лавчерыхъ.

— А гдѣ ломоть хлѣба, который положенъ былъ для этого шестаго?

Молчаніе.

— Ну... гдѣ... а? грозно тараща глаза говоритъ полковникъ.

— Съѣли-съ... вполголоса отвѣчаютъ двое, среди которыхъ не оказалось шестаго.

— Врѣте, черти, спрятали? Кто спряталъ, скажись; а не те до смерти запорю!

— Мы съѣли-съ, пополамъ-съ... жавобно заговорили двое.— Простите, ваше скородье!

— А зачѣмъ съѣли? развѣ вамъ не было положено по лентѣ?

— Крошечные ужъ очень попали-съ, помилосердствуйте ваше...

— Акъ вы, обжоры проклятые; вамъ все мало. Отъ вами не видать, а ужъ въ три горла, чортъ васъ побори, жрете-то.

— Никогда не будемъ; въ первый и послѣдній разъ.

— Нарядить на часы этихъ двухъ обжоръ на полночь (вторую сѣдну), а остальныхъ на первую и третью сѣдну.

Первыя чашки шей вездѣ ужъ вылибали. И прислуга забѣгала во всю свою дѣтскую прыть, онять за щами, хлѣбомъ и квасомъ. Второй хлѣбъ былъ ужъ не цѣлые ломти, но кусочки, корки и обломки. Втория щи гораздо жиже, корынь и ужъ безъ говядины, а второй квасъ разведенъ водою. Но и это все ѣтся и пѣтся съ чудеснымъ аппетитомъ, въ олимпиадѣ каше, которой давалось недѣшная на шесть человѣкъ. Подали кашу. Всѣ съ азартомъ начали ее расквашивать, обжигали рты, давились и сѣвшили зачерпнуть возможно больше. На одномъ изъ концовъ стола вылетѣла, на средину комнаты, ложка, безъ черенка, и тамъ же раздался смѣхъ.

— Чья ложка? Что за смѣхъ? крикнулъ начальникъ, и живо очутился на мѣстѣ происшествія. Кантонистовъ, около колоды оныхъ остановился, покоробило. — Чья ложка? повторилъ онъ.

— Моя-съ... тоскливо произнесъ худенькій, бѣловурий мальчикъ.

— Какъ она очутилась на срединѣ, сломанною?

— Виновать, ваше скородье: я нечаянно опустилъ ее въ чашку и хотѣлъ вынуть, а вотъ онъ, Плюевъ, ударилъ меня по рукѣ, а Друговъ ударилъ по самой ложкѣ, сломалъ ее и швырнулъ на полъ. Простите, вашескородье.

— Ты, Плюевъ, какъ смѣешь бить его по рукѣ?

— Онъ полѣвъ, ваше скородье, голой рукой въ чашку, оправдывался Плюевъ.—Кашу ѣдимъ, а онъ въ нее руку суетъ: можетъ, онъ гдѣ допрежь ее держалъ...

— А ты, Друговъ, зачѣмъ сломалъ ложку и выкинулъ?

— Я хотѣлъ вытащить ее. Я приперъ ее ко дну, чтобы вынуть, да ткнулъ червочуръ шибко, она и вылетѣла...

— А вы чего захохотали?

— Виноваты-съ... Смѣшно стало, ваше скородье, какъ Григорьевъ вытащилъ изъ чашки руку, всю въ кашѣ, да прямо ее въ ротъ, и облизываетъ кашу-то.

— Ты-жъ зачѣмъ сунулъ руку въ ротъ?

— Да больно-съ, ваше скородье.

— Такъ вы шалите? Дать имъ всѣмъ уже по пятнадцати.

Кантонисты повѣсили головы и замолчали, зная, что значить пятнадцать.

Горнисть сыгралъ—вставать. Обѣдавшіе вскочили. Многіе не доѣли еще кашу и глядѣли на нее съ жадностью. Слѣли послѣобѣденную молитву, опять въ перемежку съ ругательствами начальника.

— Выводить роты! крикнулъ онъ:—да обыскать хорошенько.

Роты, одна за другою, пошли, человѣкъ отъ человѣка на три шага разстоянія; въ дверяхъ два солдата опунывали и обшаривали важдого съ головы до ногъ, и нашли куски хлѣба: у одного въ рукавѣ шинели, у другого подъ мышкою, у третьяго привязаннымъ за шнурокъ шинели, сзади, между сборками, у четвертаго подъ бровями, у пятаго за голенищем сапогъ и т. д. Всѣхъ ихъ вывели, одного за другимъ, на средину. Начальникъ потребовалъ ровогъ, и ихъ принесли пучковъ сто; воровъ было до пятидесяти человѣкъ.

— Раздѣться и ложиться всѣмъ рядомъ! приказалъ онъ.—Счи-

тать вѣрно, драть хорошенько; въ противномъ случаѣ, и дерушихъ разложу. Всѣмъ по полсотнѣ.

Воры растянулись, розги засвистали. Поднялся неимоверный крикъ, вой и стонъ на всевозможные голоса.

— Довольно! крикнулъ начальникъ, отсчитавъ опредѣленную цифру.

Всклипывая, бросились наказанные изъ столовой, застегиваясь и оправляясь на бѣгу.

— Что ты, Ваня, такъ долго замѣшкался? спрашиваетъ Ершовъ, въ дверяхъ роты, только что вернувшагося Панкова. — Ужь не попало ли?

— Пошелъ къ чорту! злостно отвѣчаетъ Панковъ.

— Какъ же это ты вздумалъ *при немъ* хлѣбъ уводить? съ участіемъ допытываетъ Ершовъ.

— Вѣдь всего-то полломтя и захватилъ! говорить, плача, Панковъ.

— Самъ, братъ, напросился. Дай же ложку!

— Самъ напросился? А вотъ не дамъ ложки, да и все тутъ.

Отстань отъ меня.

— Чай, самъ сказалъ: «дамъ» — гдѣ же честное-то слово? И туда же еще, землякъ провываешься.

— Уведешь два ломтя хлѣба — дамъ ложку, не уведешь — нѣтъ тебѣ ложки.

— Ежели *ею* не будетъ въ столовой — попытаюсь: безъ него легче. Дай же ложечки, а то опоздаю.

— Ну, хоть ломоть, да уведи безпремѣнно. На ложку.

— Можно будетъ, извѣстно, не прозѣваю.

За вторымъ столомъ пища была еще хуже; зато начальникъ уходилъ иногда домой; молитвой уже не донимали и кража хлѣба производилась несравненно удачнѣе. Поэтому, опытные воры, жертвуя кусочкомъ говядины перваго стола, ходили постоянно за второй и выгадывали на хлѣбѣ. Укравши нѣскольکو кусковъ, кантонистъ торжествовалъ, потому что за кусокъ хлѣба покупались: листъ бумаги, игла, двѣ-три костяшки, отъ двухъ до пяти нитокъ, нанмались воду носить, полъ подметать, стояли на часахъ по три часа ночью и проч. и проч.

Вернулся отъ обѣда и Ершовъ.

— Ну что, увелъ? поспѣшно спросилъ Панковъ.

— Не кричи: опасно! таинственно отвѣчаетъ Ершовъ. — Нешто не видишь, фельдфебель ходитъ и глаза пучить на всѣхъ.

— Полно пустяки городить! Хлѣбъ есть?

— Извѣстно, есть. Два ломтя увелъ: тебѣ одинъ и себѣ одинъ. Идемъ въ умывальню, тамъ отдамъ.

— Экий ты, Ершъ, счастливецъ какой!

— Есть чему завидовать, нечего сказать! Ломоть хлѣба досталъ, а ложку погубилъ.

— А я-то развѣ не ложку далъ?

— Обгрызанную-то?

— Все-жъ лучше, чѣмъ вовсе безъ ложи.

Оба торопливо вышли въ дверь.

— Ивановъ, Абрамевъ, Гашкинъ и Панковъ! къ фельдфебельской! крикнулъ капралъ.

У фельдфебельской каморки выстроилось человѣкъ десять кантонистовъ.

— И ты, Патрахинъ, попался, началъ фельдфебель. — Хорошо, что я мигнулъ служителю и онъ тебя выпустилъ, а то вѣдь больно постегали бы. Зачѣмъ ты кралъ хлѣбъ?

— Да послѣ ученья всегда ѣсть хочется, смѣло отвѣчалъ спрошенный. — Купить что-нибудь поѣсть — не на что: всѣ деньги исратилъ, со двора идти за ними еще надо ждать воскресенья, а до тѣхъ поръ хоть умирай съ голода; ну, я, Гаврило Ефимичъ, и укралъ. Я и начальнику такъ бы прямо сказать. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ насъ морять?...

— Когда ѣсть захочешь, приходи къ моему камчадалу (лакею) и отъ моего имени спроси у него хлѣба.

— Поворно благодарю-съ...

— А часто бываетъ капитанъ у твоего папаша (онъ былъ незаконнорожденный сынъ одного значительнаго въ городѣ барина, который *официально* покровительствовалъ ему и велъ знакомство не только съ ротнымъ, но и съ самимъ начальникомъ заведенія)?

— Очень часто: рѣдкій праздникъ я ихъ тамъ не вижу-съ. Въ карты играетъ, вино пьетъ, ну, и разговариваютъ.

— А обо мнѣ поминаетъ?

— Какъ же-съ, поминаетъ, часто поминаетъ.

— Что-жъ, ругаетъ, али хвалитъ?

— Хвалитъ-съ, всегда хвалитъ. Говорить: «вся рота на васъ держится».

— А папаша спрашиваетъ тебя когда про меня?

— Точно такъ-съ.

— Ну, и ты мнѣ хвалишь?

— Да-съ, хвалю. Онъ намедни сказалъ: «Поблагодарю, говорить, волновника за него (т.-е. за васъ), какъ увижусь съ нимъ, да и посчитаюсь съ нимъ встать за то, что дѣтей худо кормить».

— Всегда, смотри, хвали меня. Ты вѣдь молодецъ. Желашь быть ефрейторомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, не желаю.

— Отчего?

— Да тяжело: ефрейтору за весь десятокъ приходится отдуваться, а простому-то кантонисту за одного только за себя.

— Десяткомъ другой будетъ править, а ты становишь значки носить и не ротъ демурировать. Хочешь?

— Такъ, пожалуй, согласенъ.

— Эй, Калининъ! Храмова утвердить ефрейторомъ желая; онъ варявий. Такъ пусть онъ править десяткомъ, а Патрахику нашить значки.

— Почему это справедливо? замѣчать Калининъ.

— Ну, молчать! Чтѣ велать, то и дѣлай.

— Я вамъ докладываю, что Храмову это обидно, потому, за чтѣ же и стараться-то, коли отаранія пронадають даромъ?

— Ну, замолчи, а те уши оборву.

— Что-жь, рвите: я за правду стою; а вотъ погляжу, погляжу, да и право пожалуюсь... Про все же волковника дойдеть отъ кантачел...

— Ну, чортъ съ тобой! оставайся съ своимъ Храмовымъ. Ты, Патрахинъ, все-равно будешь ефрейторомъ на этой же недѣлѣ въ другомъ канпальствѣ. Ну, а ви, сволочь, перестанете хлѣбъ веровать? продолжайте фельдфебель, относитесь къ шеренгѣ. — Молите Бога, что Патрахина простилъ, впередъ не попадаться. По мѣстамъ.

— Слава Богу, что съ нами Патрахинъ попался! вздохнули попавшіеся въ воровствѣ хлѣба, разбѣгаясь по комнатамъ.

— А чтѣ?

— Да те, что какъ-бы не его маска, — всѣхъ бы перенорони.

Чась отдыха. Въ это время кантонисты мочиняють платье, чистятя къ новому ученью, учать уроки, пунктики, артикулы, а кому рѣшительно нечего дѣлать (такихъ, впрочемъ, не бывало), тѣ могутъ, сидя на кроватяхъ задней линіи шопотомъ разговаривать, дабы не разбудить спящихъ: правящаго и канрала, которые одни только имѣли право свать неслѣ обѣда.

Въ половинѣ втораго сна начинается ученье, сопровождаемое обычными уборкою, подметаньями, осмотрами, щипками, встрещинами и резгами. Тѣмъ только и легче, что на это ученье рѣдко является начальство, такъ что истязанія оказываются менѣе жестокими.

Въ пять часовъ — новая мука: ученье, такъ-сказать, духовное. Молча, съ замираніемъ сердца, усаживаются кантонисты

на кроватикъ задней линіи по десяткамъ. Племяши помѣщаются вслѣдъ дядекъ — съ одной стороны, не племяши и не дядьки — съ другой, а посредникъ вице-ефрейторъ и ефрейторъ. Кантонисты держатъ въ рукахъ тетради, книжки, а кто просто лоскутокъ бумаги.

— Ивановъ! начинаеть ефрейторъ:—играй сигналъ на право.

— Та-та-гра-ди-та-ти! выигрываетъ Ивановъ языкомъ нарастѣвъ и блѣднѣвъ.

— Про-ва-а-ль те-би воль-ми-и! также нарастѣвъ отвѣчаетъ ефрейторъ.—Развѣ такъ? Играй снова!

— Та-та-то,—та-та-го!

— Врешь! Долго ли мнѣ съ тобой мучиться-то-а? Высувъ языкъ, да побольше. Ивановъ молчитъ, ефрейторъ ударяеть кулакомъ ему подъ подбородокъ, онъ принуживаетъ языкъ, весь вздрагиваетъ, но не только не кричитъ, а еще радъ, что такъ дешево отдѣлался; усѣвшися на свое мѣсто и взглянувъ на соседа, Ивановъ нервически улыбнулся. Ефрейторъ замѣтилъ.

— Ты что, ужъ смѣешься? крикнулъ онъ. — Сейчасъ же на колѣни и сундукъ въ руки!

Ивановъ становится въ промежутокъ кровати на колѣняхъ, выдвигаетъ изъ-подъ кровати сундукъ съ ефрейторскими вещами, фунтовъ въ двѣнадцать вѣсу, беретъ его на руки, поднимаетъ въ уровень съ головою и держитъ; но руки дрожатъ, самъ онъ краснѣеть, пыхтитъ отъ тяжести наказанія, а опустить сундука не смѣеть.

— Федуловъ! продолжаетъ между тѣмъ ефрейторъ:—кто у тебя бригадный командиръ?

— Генераль-маіоръ и кавалеръ Иванъ Федоровичъ Драконовъ.

— Молодецъ.

— Радъ стараться, Иванъ Егоричъ.

— Арбузовъ! Какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять столь плотно, сколь можно, держась всѣми корпусомъ впередъ, и....

— Зачастаять, да и думаешь ли пойма? Нѣтъ, палишь! На колѣни..... на кириничъ....

— Простите, Иванъ Егоричъ, я себѣ-богу занимаюваль.

— Безъ отговорокъ!

Вынули изъ кроватиаго ящика набитый крупною солью кириничъ въ тряпкѣ и рассыпали его по полу....

— Засучи штаны....

Арбузовъ засучилъ штаны выше колѣкъ и сталъ.

— Теперь я тебѣ напомню, какъ солдатъ долженъ стоять,

заговорилъ снова ефрейторъ:—солдаты должны стоять прямо и непринужденно, нѣтъ каблукъ вмѣстѣ стоить плотно, сколько можно и держась корпусомъ впередъ. Слышите?

— Внучу-съ, ей-богу внучу, Иванъ Егоричъ, только смалтесъ, пожалуйста, страхъ больно.

— Простите, подхватилъ Ивановъ съ сундукомъ въ рукахъ.

— Я ужъ это слышалъ «внучу». Пойдите-ка, авось тверже запомните. Фельдманъ! Кто у насъ капральный ефрейторъ?

— Кантонистъ Евгений Васильевичъ Вирковъ.

— А военный министръ?

— Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

— Степановъ! Вызови знаменщиковъ впередъ.

— Та-ти-ти,—та-ти-ти; ти!

— Врешь.

— Нѣтъ, не вру.

— Какъ? ты еще грубить? На горохъ на колѣни!

Подобно кипичу, расшналея сухой горохъ, сохранившійся специально для наказаній. И Степановъ съ спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ сталъ на горохъ, засучивъ также штаны, какъ и Арбузовъ. Его колѣни были ужъ привычны ко всему.

— Петровъ! Сыграй застрѣльщикамъ расшнаться.

— Та-та-тра-да-та-тамъ! та-та, выпѣвалъ Петровъ.

— Бѣжать.

— Ты!

— А какой припѣвъ къ этому сигналу?

— Расшнитесь стрѣльцы, за камни за кусты, по два въ рядъ.

— Фельдфебель идетъ, кричатъ кантонисты.

— Простите, Иванъ Егоричъ, заголосили стоявшіе на колѣняхъ.—Больше не будемъ....

— Ну, встаньте, да смотри у меня, внучить, а не грубить; а то завтра нарочно продержу на колѣняхъ до фельдфебеля; пусть васъ отпоретъ.

Винювине вскочили, убрали все, расправили окоченѣвшіе отъ боли члены и усѣлись по своимъ мѣстамъ.

— Кто у насъ фельдмаршалъ? спрашиваетъ фельдфебель, остановившись у одного изъ десяточныхъ засѣданій.

— Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, звонко отвѣчаетъ вопрошавшій, лучший изъ вице-ефрейторовъ роты.

— А какъ его имя?

— Генераль-фельдмаршалъ князя Варшавскій...

— Фамилія?

Молчаніе.

— Лешеніть, какъ фамилія фельдмаршала? спрашиваетъ онъ другаго ефрейтора.

— Князь Варшавскій.

— Врешь! воѣ ефрейторы сюда.

Подбѣгаютъ пять десяточныхъ ефрейторовъ и капраль.

— Фельдмаршала какъ фамилія?

— Графъ Паскевичъ-Эриванскій, отвѣчаютъ одни.

— Не такъ.

— Иванъ Федоровичъ, продолжаютъ другіе.

— Ты, Рудинъ, какъ скажешь?

— Замятовавъ. Подтверживать, сами знаете, некогда: 70 человекъ на рукахъ.

— Капральнаго унтеръ-офицера сюда.

Явился учитель—унтеръ-офицеръ.

— Генераль-фельдмаршала какъ фамилія?

— Эриванскій.

— И вы также не знаете? какой же вы, послѣ этого, учитель, когда этого не знаете? Вѣдь это стыдно вамъ, сударь!

— Позвольте просить васъ хоть при мальчишкахъ меня не конфузить. Я такой же, какъ вы, унтеръ-офицеръ.

— Такой же, какъ я? Вотъ оно что! Руки по швамъ! Ничего не знаешь, а туда же еще съ амбиціей. Я вотъ завтра доложу капитану, такъ онъ ферсъ-то съ *тебя* спишетъ. Впрочемъ, что я? Завтра же дежурить, а ежели не станешь, тогда я съ тобой чрезъ капитана поговорю. Позвать сюда ефрейтора Орлова.

Прибѣгаетъ блѣднѣйшій, блѣдный юноша, лѣтъ 17.

— Ты, Орловъ, говорить, лучший грамотѣй изъ всей роты; выручи, братъ, этихъ скотовъ изъ бѣды: кто у насъ фельдмаршалъ, скажи имъ.

— Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій.

— А какъ настоящая его фамилія?

— Паскевичъ.

— Неужто?

— Да-съ, Паскевичъ; это вѣрно.

— Молодецъ, братъ, молодецъ. Спасибо. Дай же теперь по двѣ оплеухи всѣмъ вотъ этимъ ефрейторамъ.

Орловъ исполнилъ приказаніе.

— А ну-ка, растолкуй теперь хорошенько имъ, да вотъ этому учителю балбесу весь титулъ. Растолкуй все какъ слѣдуетъ.

— Извольте-съ, заговорилъ Орловъ.—Генераль-фельдмар-

шалъ—это самый старшій чинъ изъ всѣхъ генераловъ; послѣ государя онъ вездѣ первый. Титулъ князя Варшавскаго—ему царь пожаловалъ за покореніе города Варшавы; графа Эриванскаго—ему дали тоже за завоеваніе Эривани; это страна такая есть; Иванъ—его имя, Фадеревичъ онъ зовется по отечеству, а Паскевичъ его фамилія и есть. Вотъ и вышло генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

— Ну, слышали, осли? Если кто изъ васъ этого не захочитъ, тогда я съ вами иначе поговорю... А ты, Орловъ, сплени нѣсколько такихъ штукъ на бумагѣ, выдай имъ, шнарамъ этимъ, да и мнѣ принеси. За это я позволю тебѣ ходить со двора безъ спросу, въ свободное, разумѣется, время. Разойтись изъ десятковъ.

— Разойтись, разойтись, подхватываютъ голоса изъ комнаты въ комнату.

Сидѣнья въ десяткахъ повторялись ежевечерно цѣлую зиму. Этимъ были строги и многочисленны: изъ производило все начальство, начиная отъ ефрейтора и кончая начальникомъ заведенія. За всякое неваніе наказывали крпичемъ, сундукомъ, горохомъ, и зуботычинами; сбѣли рѣде, въ исключительныхъ только случаяхъ.

Ужинъ полагался въ 8 часовъ вечера. Во время ужина самъ начальникъ лишь нрѣдка заходилъ въ столовую, и то только для ловли воробъ хлѣба. По окончаніи ужина совершалась слѣдующая церемонія: кантонистовъ выстраивали; правящій перекликалъ всѣхъ по списку, осматривалъ каждого съ ногъ до головы, убѣждаясь опртно ли они одѣты, вычищены ли пуговицы, сапоги, шинели, хорошо ли причесаны. Свади его шелъ направо и наряжалъ на завтра въ прислугу, въ дневальню, на часы на ночь и на работу въ умывальню.

— Послѣ повѣрки живо убраться и лечиться спать, признаывалъ правящій.—Да чтобы у меня спать, не разывая ротъ, не сгибаясь въ три погібели, а лежать на правомъ боку, вытянувшись какъ во фронтѣ. Денны наволочки, простыни снять, аккуратно сложить и спрятать въ кроватные ящичи. Врѣки сбрызнуть водой и положить на ночь подъ тюфякъ, чтобы завтра сидѣли гладко, ровно. Часовымъ ночью не дремать, а ходить взадъ и впередъ, да смотрѣть въ оба, чтобы все было цѣло, чинно, чисто. Поняли? Ну, пошли спать!

Полчаса спустя кантонисты лежали на кроватяхъ и изъ нихъ безмечные—спокойно спали, а заботливые—размышляли еще о правящей имъ утромъ отвѣтственности, если не лично за себя,

те за своихъ собратьевъ-перяхъ и т. д. Въ дверяхъ каждой комнаты зажженный ночникъ тускло и уныло освѣщалъ собою комнаты, а вездѣ и впередъ ихъ мѣрно, точно маятникъ, двигались кантонисты-часовые.

Тяжело разсказывать о мученіяхъ несчастныхъ дѣтей, страдавшихъ извѣстною дѣтскою болѣзнію. Послѣ усиленной гонки въ теченіе дни, нѣтъ и ночью даже не удавалось отдохнуть, тѣмъ болѣе, что клали ихъ на голыя доски. Забившись спать, ребенокъ и не замѣчалъ, что онъ въ постели. А часовой ужъ будить его, толкая ногою въ бокъ.

— Ты, что-же это, рожа поганая, дѣлаешь? Не можешь выдти, куда нужно...

— За что жъ ты дерешься-то? пицить бѣдняга.

— А нешто мнѣ охота отдуваться за тебя? Вставай, пойдемъ къ дежурному: пусть онъ видитъ твое безобразіе. И снова толчокъ въ бокъ.

— Охъ, не дерись! Я и то весь исмочонень, сквозь слезы говорить мальчикъ. — Я ей-ей печально... Мнѣ съ просонья причудилось...

— А вотъ увидимъ, чтò тебѣ подъ розгами причудится. Идемъ.

— Оставь меня, пожалуйста, будь другъ. Я самъ не радъ....

— Толкуй, толкуй! А вытирать до дежурнаго не позволю.

— Миша! голубчикъ, родненькій, смалься: не выдавай, пожалуйста, вчера только выдрали, сегодня опять.... Мальчикъ глухо завылъ.—Вѣтъ не забуду, промолчи только ради Бога, ради матери пожалѣй, отчаянно молить онъ часоваго.

— А что дашь?

— Да что-жъ мнѣ тебѣ дать-то, коли у самаго ничего нѣтъ? Богу, на колѣняхъ, за тебя помолюсь....

— Ну, братъ, врешь. Это я и самъ могу. А ты отстой вотъ остатній часъ на часахъ за меня.

— Я и то рѣдкую ночь на часахъ не стою, рѣдкую ночь меня тридцать разъ не разбудятъ.... Я николи не высыпаюсь, позавчера вонъ... Слезы градомъ повалились въ глазъ несчастнаго и онъ не могъ договорить начатой фразы.

— Хнычь, не хнычь, а такъ не отстану! Либо порицу, либо часъ отстоять, выбирай любое. Тебѣ же добра желаю, дуракъ...

Дѣлать было нечего. Хомутанъ едѣлся, взявъ въ руку какую-то тетрадку, вышелъ на средину, озлобленно плюнулъ и остановился.

— Знаю живы-то проматая! Хоть бы сгнать, что ли, по-

скорѣй; околѣть бы, право ну, а то вѣдь и погибѣли немалой Богъ не даетъ. Господи! пошли мнѣ смѣръ.

Между тѣмъ бывшій часовой раздѣвается и ложится спать, весьма довольный своею бдительностью.

Въ другомъ капральствѣ, среди ночи, часовой соскучался. Да и какъ не соскучаться? всѣ спать, а онъ ходи тутъ, какъ дуракъ. Хочется на комъ нибудь зло сорвать. Подходить онъ къ одному изъ спящихъ мальчиговъ и безъ нужды будить его:

— Антоновъ, а Антоновъ? Это ты грошъ-то дажь, чтобъ тебя не будить?

— Я, ну я, отвѣчаетъ спрошенный, не открывая глазъ, — Не шали, пожалуйста, дай заснуть.

— Спать-то ты себѣ спи на доброе здоровье. А шумъ не наловишь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, отстань ради Христа.

— То-то же, смотри, не обмани, не то обонимъ попадетъ. Часовой отходитъ на средину.

— Антоновъ, а Антоновъ, снова пристаётъ онъ къ нему нѣсколько минутъ спустя. — Я вѣдь грошъ-то не даромъ съ тебя взымъ, а чтобъ будить, такъ вставай же братъ, вставай, да иди...

— Да отстань ты отъ меня, не то я, право, закричу.

— Спи себѣ, спи любезный, я вѣдь пошутилъ.

Часовой отправляется на свое мѣсто, Антоновъ засыпаетъ. Немного погодя часовой снова возлѣ него.

— А не слыхалъ ли ты, другъ, кто изъ нашего капральства третьяго дня калачъ укралъ за магазинами?

— А! чтобъ тебя черти побрали, да и съ калачемъ-то вмѣстѣ!

— Ты, братъ, не ругайся, потому я вѣдь только спросилъ.

— Да уйдешь ли ты, дьяволъ ты этакій!

— Уйду, сію минуту уйду, только вотъ что: грошъ-то ты вѣдь мнѣ дажь, чтобъ тебя не будить. Карасей, смотри, не лови, не то худо будетъ; право, худо.

И такъ продолжается до утра....

III.

Вторникъ. — Второй ротъ очередь въ классъ.

Въ четвертомъ часу утра въ одну изъ комнатъ роты явился высокій, сухопарый офицеръ, лѣтъ 50 на видъ. Это былъ

ротный командиръ, капитанъ Таракановъ, наканунѣ дежурный по заведенію. По крику его «вставать!» кантонисты повскакали, одѣлись; началась суета, бѣготня.

— По ротному расчету, въ три шеренги стройся! команду-етъ Таракановъ.—Головы не вѣшать, груди впередъ. Стойка! На право. Рота поворачивается.

— На три шага дистанція, тихимъ учебнымъ шагомъ въ три приема ра-а-азъ, ра-а-азъ! Не вертѣться: заморю на ногѣ. Дв-в-ва... тр-р-ри. Тихимъ шагомъ мар-р-ршъ! Ряды маршируютъ, а Таракановъ даетъ тактъ, хлопая въ ладони и приговаривая: разъ-два-три, разъ-два-три! Рота моя, слушай меня, разъ, два-три. Налѣво кругомъ маршъ! Разъ-два-три, рота моя, слушай меня. Стой!.. ва—фронтъ! Рота выполняетъ.

— А кто у тебя, Сидоровъ, ротный командиръ?

— Господинъ капитанъ и кавалеръ Макарь Мироничъ Таракановъ, ваше благородье.

— Врешь, болванъ, не Макарь, а Макарій: такъ и въ святцахъ напечатано.

— Виновать, ваше благородье.

— Виновать не виновать, а морду все равно расквашу на память. Титуль мой не забывать, говорить онъ, отпуская Сидорову оплеуху.—Въ службѣ къ отвѣту всегда быть готовымъ; днемъ ли, ночью ли что спрошу—одно и то же: служба дѣло великое, слышите—великое!

— Слушаемъ, ваше благородье.

— На дѣ-во... Скорымъ шагомъ маршъ! Рота пошла.—Въ ногу, въ ногу, держи тактъ. Перемѣни ногу. Трое сбились. Произошло смятеніе, раздался смѣхъ.

— Стой, стой, стой!.. Кто смѣялся? шагъ впередъ. Никто не трогался съ мѣста.

— Четвертый и седьмой рядъ втораго полувзвода шагъ впередъ! Шесть человекъ выдвинулись.

— Кто изъ васъ смѣялся?

— Никто, ваше бла-родье.

— Врете: я самъ слышалъ.

— Да теперь, ваше благородье, еще темно: нельзя и разглядѣть кто смѣялся, отвѣчаетъ рослый кантонистъ.—Можетъ, кто и во снѣ, говоритъ онъ; другіе вовъ еще спятъ маршируючи...

— Ну, ты, значить, и смѣялся, коли оправдываешься. Развѣ не знаешь, что такое фронтъ? Убью! Молите Бога, продолжаетъ онъ, обращаясь ко всей ротѣ:—что я зарокъ далъ не драть: сейчасъ бы всю роту вздулъ...

— Фроловъ! выдь на середину и расскажи про мой зарокъ, да такъ, какъ я тебя училъ. Понимаешь?

— Ихъ благородье, въ былыя времена, любили драть и драть безопасно, внятно и отчетливо говорилъ молодой унтеръ-офицеръ.—Лѣтъ пять тому назадъ ихъ благородье изволили замѣтить на ученьи у одного кантониста нечищенные сапоги, разсердились и сказали: «Эхма! И у тебя, Фроловъ, сапоги не чищены—драть!» Фроловъ просилъ помиловать его..

— Не дремать, прервалъ Таракановъ рассказчика.—Ноги!

— Фроловъ просилъ помилованія, продолжалъ рассказчикъ. «Нѣтъ, не въ моемъ духѣ миловать, поблажку давать», изволили отвѣтить ихъ благородье. Фельдфебель тоже сталъ просить за Фролова. Это вѣдостолю разсердило ихъ благородье и они изволили закричать: «Я простить, я простить? Въ жизнь никому не прощу». И тутъ же, отодравши Фролова....

— Не кашлять, не шевелиться, перебилъ Таракановъ:—слушать, чтò говорить. Дальше.

— Отодравши Фролова, ихъ благородье ушли домой, дорогой же ихъ схватило, они захворали такъ,—ажно чуть не умерли, и лежа на смертномъ одрѣ ихъ благородье изволили дать себѣ зарокъ никогда больше не драть никого, имя Боже все не поминаать, отслужили на томъ мѣстѣ молебенъ, выздоровѣли и съ тѣхъ поръ, точно не деруть...

Унтеръ-офицеръ былъ тотъ самый, котораго Таракановъ выдралъ послѣднимъ. И чтобы имѣть возможность чаще раскаиваться, Таракановъ исколоталъ Фролову производство въ унтеръ-офицеры и оставилъ его у себя же въ ротѣ, живымъ, такъ сказать, памятникомъ измѣненнаго имъ характера.

— Вотъ чтò значить Богъ-то! восторженно произнесъ Таракановъ, по окончаніи рѣчи Фролова.—Не шевелись! Новички! все это запомнить и благодарить Бога, что онъ наставилъ меня... не то... Гавриловъ! бедра влѣво. Ужо пойдете въ классъ, а потому я теперъ произвелъ ученье; безъ ученья нельзя: всѣ построения забудете. Разойтись и ложиться спать до 7 часовъ, потомъ въ классъ безъ осмотра, заключилъ Таракановъ, и ушелъ въ дежурную комнату.

Страсть Тараканова производить ученья доходила до сумасшествія. Онъ не могъ прожить дня безъ ученья. Оттого, когда рота шла *одимъ* очередной день въ недѣлю въ классъ,—онъ непременно училъ ее: или до класса—рано утромъ, или послѣ ужина—вечеромъ. Въ будни все это было въ порядкѣ вещей; но въ праздники никакихъ ученій не допускалось ни подъ какимъ предлогомъ. Это побудило его изобрѣсть преоригиналь-

ной способъ производить ученье дома. Настаетъ, напримѣръ, воскресенье. Онъ ждетъ не дождется, скоро ли жена уйдетъ къ обѣднѣ (дѣтей у него не было), а кухарка уберется въ комнатахъ. Лишь только то и другое исполнится, онъ живо одѣнется въ сюртукъ, застегнется, выдвинетъ на средину комнаты всѣ стулья, установитъ ихъ въ три ряда, зайдетъ съ какого-нибудь конца, сначала тихо, потомъ громче и громче начинаетъ имъ командовать: «Третій съ лѣваго фланга полъ-шага назадъ! Пятый глаза на право. Смотрѣть веселѣй; ѣшь начальника глазами. Седьмой рядъ не шевелись: всю морду расколочу. А-а? вамъ хохеньки, хахеньки, вотъ же тебѣ, мерзавецъ эдакій, вотъ тебѣ, скотина ты эдакая». И подбѣжавъ къ одному изъ стульевъ, онъ начинаетъ колотить по немъ кулакомъ, но ощутивъ боль—озлобленно бросаетъ стулъ объ полъ, ставитъ на его мѣсто другой и снова начинаетъ: «шеренга глаза на пра-во. Слушать команду, не то заморю на стойкѣ, непремѣнно заморю!.. Скорымъ шагомъ мар-ршъ»... И со стуломъ въ рукахъ пускается маршировать по комнатѣ, дѣлая различныя построения...

— Што это вы, баринъ, дебоширичаете? спрашиваетъ, бывало, Тараканова, его кухарка, остановясь у дверей.—Давно ли стулья-то чинили, а вы опять ужъ ломаете? Баринъ, а баринъ, шли бы вы лучше въ церковь Божью, чѣмъ извѣстяться-то понапрасну.

Но Таракановъ продолжаетъ свое ученье.

— Погляди ка въ окно-то: сколько на улицѣ народу столпилось глазѣть на ваше кудесничанье? И кухарка рѣшается дернуть его за руку.

— Смир-р-р-но! руки по швамъ, вскрикиваетъ Таракановъ, тоная ногами на кухарку.—Фронтъ—мѣсто священное; хоть околѣй, а не шевелись. И хлысть ее по щекѣ со всего размаху.

— Господи Иисусе, взвизгиваетъ кухарка, бросившись опретью къ двери, гдѣ сталкивается съ женою Тараканова, которая возвращается отъ обѣдни.

— Да ты, Макаръ Мироничъ, совсѣмъ ужъ, вается, сумасшедшій, сердито замѣчаетъ жена, глядя на валяющуюся на полу груды разбитыхъ стульевъ.—Вѣдь это чортъ-знаетъ на что похоже.

— Какое матушка «вадись», рыхнулся, бакъ есть рыхнулся, вмѣшиваются кухарка.—За доброе-то вонъ слово чуть зубы не вышибъ. Эко жатье-то наше рабское... хоть бы доктора-то сюда!

— Третій взводъ дирекціа на лѣво, вольнымъ шагомъ мар-р-ршъ! кричитъ между тѣмъ Таракановъ, и подойдя къ женщинамъ, начинаетъ дергать ихъ за плечи, толкать и кричать: — въ ногу, въ ногу! дивизионъ на лѣво кругомъ мар-р-ршъ!

— Поди ты къ чорту со своимъ дивизиономъ-то вмѣстѣ! вскрикиваетъ жена. — Кой тебя лѣшій носить тутъ цѣлое утро? И обѣ женщины выдаются на Тараканова, схватываютъ его за руки и общими силами приводятъ въ сознаніе.

Учене кончается. Столяръ къ вечеру получаетъ работу: починку стульевъ.

Удивительно, какъ такой крупный военный талантъ могъ остаться незамѣченнымъ!

Но обратимся къ кантонистамъ. Во время приготовленій къ классу, не рѣдкость было наткнуться на такую сцену:

— Ваня, а Ваня! говоритъ красивый собою мальчишъ, другому, блѣдному и худому. — Слышь, Ваня...

— Ну?

— Я урокъ-то вѣдь не знаю... Да нельзя ли тово... Отмѣть, что знаю.

— Вишь чего захотѣлъ!

— Ей-богу, отмѣть!.. Я те грошъ дамъ.

— Грошъ! Что мнѣ твой грошъ!

— Въ воскресенье со двора пойду, еще гостинцевъ тебѣ принесу. Ужь, ей Богу, тово... пожалуйста...

— Ну, ладно. Давай грошъ-то.

И съ передачею гроша дѣло улаживается. Проситель, совершенно довольный, отходитъ на свое мѣсто.

Подобное грошевое взятничество было въ сильнѣйшемъ ходу въ заведеніи. Классные старшіе (они же и палачи) брали съ товарищей за снисхожденіе что попало: и листъ бумаги, и грифель, и ломоть хлѣба, и осколокъ смазной щетки и иголку—словомъ, ничѣмъ не брезгали. Но давши разъ слово, кантонистъ, чего-бъ это ни стоило, не измѣнялъ уже ему.

Въ семь часовъ кантонисты обыкновенно сидѣли уже въ классѣ. Чумазы, горявые — помѣщались всегда впереди, а красивые на заднихъ скамейкахъ: первые отличались грамотностью, а послѣдніе—фронтомъ.

Унтеръ-офицеръ Лазаревъ преподавалъ въ верхнемъ, выпускномъ классѣ, между прочимъ, рисованіе и любилъ хвастнуть своимъ умѣньемъ. Гордо ходилъ онъ по классу, съ презрительною усмѣшкой посматривая на учениковъ.

— А ну-ка, говорилъ онъ, пощелкивая пальцами:—несите мнѣ рисунки. Поглядимъ, на сколько-то вы подвинулись впередъ въ теченіе недѣли. Тетрадки сунуты ему подъ носъ, десятки глазъ упорно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ.

— Тебѣ, Петровъ, заданъ былъ баранъ? спрашиваетъ учитель.

— Точно такъ-съ, баранъ, отвѣчалъ высокій, стройный юноша, вытянувшись во весь ростъ.

— А нарисовалъ ты что? Чорта?

— Не могу знать-съ...

— Вѣдь ты же рисовалъ?

— Я-съ...

— Такъ почему же ты не знаешь, что именно нарисовалъ?

— Потому, Григорій Ивановичъ, что отродясь не видывалъ чорта, каковъ онъ такой выглядить.

Раздается взрывъ смѣха.

— Ты, подлець эдакій, еще спорить! На колѣни.

Петровъ повинуется.

— Рисовать, ребята, надо такъ, чтобы каждый штрикъ имѣлъ свою линію, понимаете? Это не то, что паклю щипать, или, тамъ, воду носить. А главное дѣло круглота, и круглота во всемъ. Это самое важное. Слышите?

— Слушаемъ-съ, Григорій Иванычъ, громогласно отзывается классъ.

— Парашинъ! чего по сторонамъ глазѣешь, когда приказанье отдають, а?

— Я-съ, ничего-съ... и не шевельнулся-съ.

— Отпираться? Да еще и отвѣчаешь сидя? Ахъ ты, мерзавецъ эдакій, вотъ же тебѣ!

И аспидная доска летитъ надъ головами пригнувшихся учениковъ чрезъ весь классъ. Парашинъ едва успѣлъ заслонить руками лицо, какъ доска ударилась ему въ плечи, упала на полъ и разбилась. Онъ вскрикнулъ, обхвативъ руками плечо и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, глухо завылъ.

— Парфеновъ! продолжалъ между тѣмъ учитель, не обращая даже вниманія на несчастнаго Парашина:—откуда начинается Волга?

— Волга... Волга-съ... Парфеновъ остановился.

— Да ну-же!

— Отъ Давери-съ, модаиль ученикъ, уроженецъ Рязанской губерніи, провознося согласно мѣстному говору.

— Откуда?

- Отъ Двери.
- Отъ какой Двери?
- Отъ Двери-съ.
- Ивановъ, откуда берется Волга?
- Отъ Твери.
- Дай, Ивановъ, Парфенову два раза по шеѣ, да смотри погрѣйче, не то самому понадесть. Приказаніе исполнено.
- Потаповъ! что такое Тверь?
- Островъ, лапнулъ Потаповъ.
- Панкратьевъ, что называется Тверью?
- Сарай, гаркнулъ сосѣдъ Потапова.
- Бирюковъ! Тверь что такое?
- Губернскій городъ.
- Правда. Дерите, скоты, другъ друга за уши, да хорошеенько, или я васъ растяну,—а ты, Бирюковъ, дай имъ всѣмъ кромѣ того еще по три оплеухи. Всѣ схватываютъ другъ друга за уши и треплютъ, а четвертый обходитъ ихъ, отпускаетъ каждому назначенныя ему оплеухи и садится на свое мѣсто. Водворяется тишина. Всѣ уткнули носы въ тетрадки и не шевелятся. Вдругъ изъ самаго задняго угла кто-то зѣвнулъ во все горло.
- Фоминъ! что ты зѣваешь—а? Забился, лодарь проклятый, къ стѣнкѣ, да еще безчинствуешь? Урокъ грамматики выучилъ?
- Нѣтъ, не выучилъ-съ... беззаботно отвѣчаетъ Фоминъ, огромнаго роста, плечистый кантонистъ, лѣтъ 20, съ заспанными глазами.
- А отчего-жь ты не выучилъ?
- Въ башку не лѣзетъ эта мудреная наука-съ, да и проку-то мнѣ отъ нея, признаться, ждать нечего; я вѣдь во фронтъ пойду, а выдѣлывать ружьемъ различныя штуки можно и безъ нея. Ну еѣ!..
- Молчать, скотина!
- Это могу-съ.
- А пройденное не забылъ еще?
- Выть можетъ... а впрочемъ кажется тово-съ...
- Табуретъ какого надежа?
- Именительнаго-съ, отвѣчаетъ Фоминъ, ковыряя въ носу.
- Почему?
- Потому, ежели его толкнуть,—онъ упадетъ.
- А если я тебѣ за такой отвѣтъ всю мерду расколочу, такъ это какого будетъ надежа?
- Да мнѣ ужъ тогда не до надежей будетъ, немозутно

продолжаетъ Фоминъ:—тогда кровь пойдетъ и надо будетъ бѣжать на черный дворъ отмываться-сь.

— Такъ вотъ же тебѣ, мерзавецъ... И толстая переплетенная книга полетѣла въ Фомина. Онъ не успѣлъ еще и глазомъ моргнуть, какъ книга ударилась объ его лицо и у него изъ носа дѣйствительно хлынула кровь. Но съ прежнимъ спокойствіемъ Фоминъ выгѣвъ изъ-за свамейки, проговорилъ вполголоса: «спрошайте, ребята», медленно отправился вонъ изъ класса и ужъ больше не возвращался.

Въ то же время и въ писарскомъ классѣ шло ученіе.

— Павловъ, Спиридоновъ, Арефьевъ и Кудровскій, но мнѣ! вызываетъ учитель Лясковскій. Вызванные выходятъ на средину и становятся лицомъ къ ученикамъ.

— Павловъ, разбери столъ.

Павловъ оглядываетъ столъ, ощупываетъ его кругомъ, пошатываетъ и отходить.

— Ну? понукаетъ учитель.

— Столъ, Григорій, не разбирается-сь.

— Это почему?

— Да очень крѣпко слеенъ и склоченъ гвоздями.

— А какого онъ роду?

— Деревяннаго.

— Отчего деревяннаго?

— Да оттого и деревяннаго, что дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ,—росло въ гѣсу.

— А гѣсъ—какого роду?

— А гѣсъ разный бываетъ: и густой, и рѣдкій, и крупный, и мелкій, и основной и сосновый и... да мало ли еще какой бываетъ гѣсъ. Воишь деревелье не перечесть. Другой гѣсъ такой частый, что и носъ распарывашь объ сучья, такъ и носъ считать, что ли?

— Спиридоновъ! носъ какого рода?

— Не могу знать-сь... запомитовалъ-сь...

— Такъ припомни, припомни и припомни, приговариваетъ учитель, отсчитывая Спиридонову по носу щелчокъ за щелчкомъ.

— Эй ты, Арефьевъ! свинья какого рода? спрашиваетъ учитель, случайно увидѣвъ въ окно это животное.

— Мужскаго, брякнулъ Арефьевъ.

— Брешь, болванъ. Кудровскій, какого рода свинья?

— Женскаго.

— Спасибо. Поверни за это Арефьева кругомъ и до самаго его мѣста провожай пингами... да приговаривай: эти свинья,

ты свинья, ты свинья». Приказаніе исполняется. Классъ хочеть.

— Гавриловъ, гляди сюда! Болванъ—нмя существительное, или нарицательное?

— Нарипательное.

— Лжешъ. Ты самъ болванъ, хуже еще чѣмъ болванъ.

— Болванъ, такъ болванъ; но мнѣ все единственно. Вольно вамъ ругаться-то понапрасму.

— На колѣни.

Слѣдующій нижній классъ, по многолюдству своему, дѣлился на два участка. Въ 1-мъ участкѣ шла ариметика.

— Сколько, Ситочкинъ, въ ариметикѣ знаковъ? спрашиваетъ учитель Ословъ.

— Десять, громко отзывается Ситочкинъ.

— Какіе именно?

— Одинъ, два, три, четыре, пять...

— Стой, что засчиталъ. Развѣ не знаешь, что въ промежутокъ между двумя цифрами долженъ успѣть въ умѣ сосчитать три? Неужто мнѣ тысячу разъ повторять одно и то же? Считай снова, да отчетливо.

— Разъ, два, три, затапулъ Ситочкинъ нарасябъ:—четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и десять.

— Я тебѣ дамъ девять. Пойди сюда. Ситочкинъ медодить.—Послѣ восьми какая цифра?

— Девять.

— А дальше?

— Десять.

— Не правда, лѣнтяй ты эдакій! И завернувъ клапаны рукавовъ мундира винтъ, въ ладошь, онъ начинаетъ бить пуговицами по щекамъ Ситочкина, приговаривая: Ноль, ноль и ноль. Помни на: ноль, а не десять. Пошелъ на мѣсто.

— Лепешкинъ! на седьмомъ мѣстѣ какая цифра стоитъ?

— Милліонъ.

— А въ милліонѣ, Сорокинъ, сколько единицъ?

— Четыре.

— Какъ четыре?

— Точно такъ-съ... четыре, наставляетъ Сорокинъ, рассчитывая взять смѣлостью.

— Вотъ тебѣ четыре. И для лучшаго удара Ословъ держитъ, для вѣскости, въ скатомъ кулакѣ, перочинный ножикъ.

— Лукьяновъ! къ доскѣ. Тотъ выходитъ.

— Раздѣливши 3 пуда, 33 фунта, 16 золотниковъ на 30 человѣкъ, по сколько достанется каждому?

Лукьяновъ беретъ мѣлъ и начинаетъ дѣлать задачу на доскѣ, громко разсказывая основанія своего дѣленія.

— Да эдакъ-то и пятилѣтній ребенокъ сдѣлаетъ. Ты мнѣ высчитай въ умѣ, а не выводи цифрацію-то, вдругъ прерываетъ учитель, замѣчая, что его кулакамъ тутъ помывы не будетъ. Лукьяновъ начинаетъ высчитывать умственно. — Да скоро ли; да дождусь ли я тебя?

— По 12 фунтовъ и... и...

— Вотъ тебѣ «я». На мѣсто.—Куплено два, заплачено три, что, Дратвинъ, стоитъ четыре?

— Шесть, звонко отвѣчаетъ Дратвинъ, не зная твердо не только дробей, но и простыхъ чиселъ.

— Зная эту задачу, начинаетъ учитель, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ своего участка:—вы можете достигнуть богъ-вѣсть какихъ вычисленій. Задача эта всякому человѣку и на всякомъ мѣстѣ принесетъ пользу. Ариметика для васъ важнѣй всякихъ наукъ. Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. И вотъ тебя, напримѣръ, Фунсъ, вдругъ сдѣлали фельдфебелемъ, или каптенармусомъ въ полку и ты, не зная ариметики—пропалъ. А о писаряхъ и говорить нечего: они безъ ариметики и людьми-то даже считаться не могутъ. Всѣ вы, выйдя на службу, станете объ одномъ только жалѣть—что я васъ мало колотилъ за ариметику. Всѣ эти грамматики, географіи, исторіи, рисованіе—это все вадоръ предъ этою наукою, а я долблю вамъ, скотамъ, о ней нво дня въ день. А отъ васъ какая благодарность? Вѣдь какъ выйдете моими стараніями на службу, — такъ ншто изъ васъ, мерзавцевъ, и письмишка-то не пришлетъ учителю, тому учителю, который всѣ свои кулаки оббилъ объ ваши пустыя головы!..

Учитель опустилъ голову внизъ, вздохнулъ на всю комнату, сѣлъ на стулъ и замолчалъ. Ученики его участка не шелохнутся.

На задачѣ: куплено два, заплачено три, что стоитъ четыре? Слово просто, кажется, помѣшался. Гдѣ бы и когда онъ ни встрѣтилъ кантониста—онъ вездѣ непременно ее спрашивалъ, а чтобы не быть за незнаніе ея колоченнымъ, всякій кантонистъ твердо ее заучилъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Ученики сесѣдняго участка начинаютъ хихикать. Учитель очнулся и всогнулъ на ноги.

— Уймите, Андрей Андреевичъ, вашихъ сорванцовъ, вскривается онъ, обращаясь къ учителю втораго участка:—не то я имъ морды расколочу: они мнѣ мѣшаютъ заниматься.

— Уймитесь, дѣтушки, уймитесь, пова цѣли: прибѣтъ, шибко прибѣтъ, и за дѣло! не шуми, не мѣшай! и управивается и страшается свой участокъ учитель, чиновникъ, Андрей Андреевичъ Андреевъ, человекъ гѣтъ сорока сличкомъ.

Все утихаеть. Ословъ доволенъ и опять задумывается на нѣкоторое время, а потомъ продолжаетъ неистовствовать вопрежнему.

— Петруша Скворцовъ, начинаетъ Андреевъ:—сдѣлай-во мнѣ вслухъ такую задачу: если изъ семидесяти-трехъ вычтеть двадцать-семь—сколько останется?

— Семь въ трехъ не содержится, громко начинаетъ Скворцовъ, написавъ цифру подъ цифрой на доскѣ:—занимаю единицу у слѣдующей цифры—два; семь изъ тринадцати въ остаткѣ шесть, а два изъ шести—четыре.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо. Садись на мѣсто.

— Ваня Семеновъ?

— Чего изволите, ваше благородіе.

— Семью-семь — сколько?

— Тридцать-девять.

— Нѣтъ, братъ, неправда. Кто знаетъ: сколько семью-семь—встань и скажи.

— Сорокъ-девять, сорокъ-девять, сорокъ-девять, сорокъ-девять! вскрикнуло нѣсколько голосовъ одинъ за другимъ.

— Каково, Семеновъ? Вѣдь всѣ, бромѣ тебя, знаютъ. Что, братъ, стыдно — а?

— Да и я, ваше благородіе, знаю, оправдывается Семеновъ.

— Зачѣмъ же собралъ?

— Да заторопился, право, заторопился, ваше благородіе.

— Самъ виноватъ: надо помнить. Ивановъ вонъ первый сказалъ вѣрно, и я ему за это ужъ принесу лещенку. Онъ станетъ бѣтъ, а ты на него глядѣть, да слюнки глотать.

— Да я, ваше благородіе, всего-то на волосокъ поздило Иванова вскривалъ «сорокъ-девять», говоритъ, лещавая, другой ученикъ:—такъ ужъ и мнѣ не возмалуете ли лещенки?

— Дамъ, Миша, и тебѣ лещенки. Ты тоже стонишь.

— А я, ваше благородіе, только чучелу оговдаю сунувъ Миши, лещенки-то и мнѣ бы хотѣлось, возмалуетъ третій. — Ваши лещенки точно приняи — не обидѣте.

— Получишь и ты; садись!

— А я-то нешто не крикнулъ? раздался еще голосъ. — Ужь и меня не забудьте, я тоже...

— Вскричать ты, положимъ, и вскричалъ, да ужь очень поздно; повторилъ, значить, слышанное отъ другихъ. Впрочемъ, постой: спросимъ всѣхъ, какъ разсудить, такъ и сдѣлаемъ. Какъ вы, ребята, думаете, слѣдуетъ ему дать лепешки, или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, раздалось по классу.

— Слышалъ? Ну, и не пожай на меня. А вы, дѣти, приготовьте пока тетрадки, поучитесь правильно писать съ дикту. Всѣ заколопились.

— Помните же мое наставленіе: не торопитесь, а писать хорошо и со вниманіемъ. Начальныя буквы именъ и фамилій писать прописными, а прочія слова — строчными буквами. Кто вѣрнѣе и красивѣе всѣхъ напишетъ, того въ воскресенье вовеку къ себѣ объѣдать. Начинайте же. «Иванъ Семеновъ».

Ученики, заглядывая одинъ другому въ тетрадки, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы выиграть призъ — объѣдъ.

— Написали?

— Написали.

— «Не, особо; зналъ, еособо; урокъ, изъ, особо; ариѳметики тоже». Всѣ пишутъ. — Готово?

— Готово.

— «За, отдѣльно; чтò, отдѣльно, отмѣченъ: лѣнъ». Перья скрипятъ, ручки потѣютъ, и вообще у всѣхъ усердіе чрезвычайное.

— Да я, ваше благородье, всю таблицу вдоль и поперекъ выучу къ завтраму, только не отмѣчайте лѣнними, чуть не плача спрашиваетъ Семеновъ, конявшій въ чемъ дѣло.

— Не безнозойся, Семеновъ, не отмѣчу; я писать только диктую, на память, чтобы не лѣнились.

— Да они, ваше благородье, мнѣ проходу не дадутъ, всѣ станутъ надсмѣхаться. Будьте отецъ родной, не велите такъ писать.

— Поздно, братъ, хватился. Впрочемъ, даешь слово хорошо учиться, такъ и бить, велю замарать эти слова, какъ только пересмотрю тетрадки.

— Даю, ей-ей даю; не страмите, пожалуйста!

— Вѣрю. У кого готово, подай на просмотръ. Ученики повскакали со своихъ мѣстъ и, толкая одинъ другого, спилились подать прежде; потомъ вернулись на свои мѣста и нетерпѣливо ждали, кто выиграетъ объѣдъ.

— Послушайте-ка, ребятунки, чтò я вамъ скажу, началъ Андреевъ, пересмотрѣвъ тетрадки. — Красивѣе всѣхъ написалъ

Иголкинъ, но онъ сдѣлалъ большую ошибку въ послѣднемъ словѣ «лѣнъ», написалъ вмѣсто ѣ — е, а чрезъ это сталъ не «лѣнъ», а «ленъ». Лѣнъ, значитъ лѣнился, лѣнивый и подъ этимъ словомъ подразумѣвается человѣкъ, а ленъ — растеніе. Поняли теперь, какая разница между словомъ—ленъ и лѣнъ?

— Поняли, поняли, единодушно отзываются ученики.

— Андреевъ, продолжаетъ учитель: — хотъ и все вѣрно написалъ, за то некрасиво. Изъ всѣхъ же и красивѣе и вѣрнѣе написали трое: Знаменскій, Карповъ и Ведринъ. Знаменскій ходитъ со двора къ роднымъ, ему, стало быть, мой обѣдъ не нуженъ. Карповъ и Ведринъ оба безродные и писанье обоимъ мнѣ одинаково нравится, да и они сами ребята хорошіе. Скажите сами по совѣсти: кого изъ нихъ мнѣ взять къ себѣ обѣдать?

— Карпова! отзываются одни.—Ведрина! перебиваютъ другіе.

— Такъ, ребятушки, я не пойму васъ. Сдѣлайте-ка лучше вотъ-что: кто за Карпова—подними правую руку вверхъ.

Подняли. Учитель сосчиталъ.

— Теперь, кто за Ведрина—подними лѣвую руку.

Подняли. Сосчиталъ.

— Карпова сторона сильнѣй: за него сорокъ рукъ, а за Ведрина тридцать-три рука, значитъ Карповъ идетъ ко мнѣ обѣдать. Вотъ это безобидно. Выростете больше, будьте честны, никого не обманывайте, не обижайте и Богъ за это не оставитъ васъ безъ милости, безъ радости. А ты, Карповъ, напомни мнѣ уже дать тебѣ записку фальдфебелю, чтобы онъ тебя уволилъ ко мнѣ въ воскресенье.

— Слушаю-съ, ваше благородье.

— Теперь, дѣтушкин, отдохните немного, заключаетъ учитель:— а тамъ займемся еще чѣмъ-нибудь. Ну, хотъ чтеніемъ, что-ли.

Ученики начинаютъ отшамливаться, сморкаться, и разговаривать. Учитель прохаживается по классу.

Андреевъ никогда никого изъ учениковъ своихъ пальцемъ не трогалъ. Училъ всегда ласкою, да гостинцами. Учились у него отлично, а переходили отъ него въ высшіе классы съ горестью, и то лишь тогда, когда у него набиралось столько учениковъ, что сидѣть негдѣ было. Прочіе учителя его терпѣть не могли за доброту, которая казалась имъ несовмѣстимою съ учительствомъ. Онъ зачастую приносилъ въ классъ домашняго печенія лепешекъ, крендельковъ, булокъ, пирожковъ и дѣлилъ ученикамъ, которые все это тутъ же съѣдали. Въ масляницу онъ всякій день приносилъ по четыре блина на

каждаго ученика. По воскресеньямъ брать къ себѣ обѣдать по одному ученику, въ годовые праздники—по двое, а въ пасху и Рождество по три человѣка на всѣ трое сутокъ. Жилъ онъ на крошечное жалованье, рублей въ двѣсти ассигнаціями.

— Не сердитесь, ребяташки, что не всѣмъ дамъ гостинцевъ, говаривалъ онъ своимъ ученикамъ:—радъ бы накормить всѣхъ васъ, да не могу: самъ бѣденъ и потому, чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. На бѣдность свою я, впрочемъ, не жалуясь. Роптать—грѣхъ и вы, смотрите, не ропщите: Богъ наградитъ васъ за терпѣніе.

— Мы ничего-съ, отвѣчали ученики хоромъ.— Благодаримъ покорно за вашу ласку. Вы и то намъ отецъ родной.

И Андреевъ весь просіяеть, бывало, при этомъ отъ радости.

Въ методическомъ классѣ собственно преподавать было нечего: усядутся ученики по мѣстамъ и твердятъ буки, азъ—ба, выводятъ штрихи, буквы на аспидныхъ доскахъ, а затрудненія разрѣшаетъ имъ учительскій помощникъ, кантонистъ. Скука. Учитель посидитъ, посидитъ въ углу, встанетъ, выйдетъ на средину, поглядитъ на свой участокъ, скажетъ въ раздумьи:

«Орловъ, посмотри-ка тутъ за порядкомъ», и уйдетъ изъ класса. Проходить полкласса.

— Вотъ жисть-то! Вотъ каторга-то! вдругъ доносится къ нимъ знакомый голосъ.—Тѣфу ты пропасть этакая, право, ну...

Учитель сходитъ, садится на мѣсто.

— Азъ, буки, азъ ба, чтò такое значить? медленно спрашиваетъ онъ, немного помолчавъ.—Ну-ка, скажи, Панфиловъ!

— Изба, Ѳедоръ Иванычъ, изба, насмѣшливо отвѣчаетъ Панфиловъ.

— Полно, такъ ли? Врешь вѣдь?

— И то вру. Вру, Ѳедоръ Иванычъ, вру-съ.

— Спасибо, хоть сознаешься. Садись, осель. Ну, а ты, Ягодкинъ, какъ скажешь?

— Осель, Ѳедоръ Иванычъ, осель.

— Пускай себѣ осель осломъ и останется, а азъ, буки, азъ, ба—чтò?

— Азбука, Ѳедоръ Иванычъ.

— Ну, да, азбука; вотъ это такъ, я это давно знаю, давно, еще въ тѣ поры зналъ, когда васъ, мерзавцевъ, и на свѣтъ-то не было. Азбука, ребята, слышите, азбука!

— Слушаемъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— А слышите, такъ запомните. Да заучивать, затверживать, затверживать, заучивать. Поеторія за мной:

— Заучивать, затверживать, затверживать, заучивать, нараспѣвъ повторяють до семидесяти голосовъ.

— Ты, Грибковъ, не хочешь, вѣрно, учиться, что не повторишь словъ monkъ? Лѣнтяя тотчасъ видно: ему не то, что учиться, такъ и ротъ-то разинуть лѣнь. Архиповъ! харкни Грибкову въ роту, харкни хорошенько: пусть помнитъ, что я не на вѣтеръ говорю.

Архиповъ плюетъ Грибкову въ лицо. Классъ хохочетъ.

— Возись тутъ съ вами, продолжаетъ Ивановъ:— учи васъ, крапивное сѣмя, убивайся, а за все это тебѣ же харю расквасить, съ тебя же шкуру сдеруть. И диви бы за дѣло, а за портянки, за ногти, за волоса. И это дѣло учителя? Эхъ, подлость, подлость! Не здѣсь бы мнѣ мѣсто и я бы былъ не тотъ. А то вѣдь вѣкъ-то мой забли, загрязли, и... и поневогѣ возьмешь, да и вынешь. Кабы не водка, давно бы ужъ лежалъ и вверхъ тормашками на кладбищѣ, удавился бы отъ этой пакостной жизни; ей-ей удавился бы, потому одно спасенье. Тутъ Ивановъ склоняетъ голову на руки, облокачивается на столниъ и вскорѣ засыпаетъ.

Классъ только этого и ждалъ.

Нѣсколько учениковъ подходятъ къ нему на цыпочкахъ, и одинъ надѣваетъ ему бумажный колпакъ на голову, двое шиваютъ ему нитками рукава выѣстъ, остальные привязываютъ его за ноги къ ножкамъ табурета и возвращаются на свои мѣста.

По окончаніи урока, ученики выходятъ къ дверямъ и разомъ, кто пускаетъ въ учителя комки жованной бумаги, кто вскрикиваетъ: «Федоръ Иванычъ, домой пора, домой пора, Федоръ Иванычъ» и опрometью бѣгутъ вонъ изъ класса.

Разбуженный Ивановъ продираетъ глаза, разрываетъ и развязываетъ свои путы, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и, освободившись, отправляется опохмѣлиться. Впрочемъ, къ слѣдующему послѣобѣденному, совершенно тождественному классу, онъ совершенно забываетъ о злостной шуткѣ, сыгранной надъ нимъ учениками.

В. Никитинъ.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРЕЖИ БЫТА КАНТОНИСТОВЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣритесь съ трудомъ.

А. Грибодовъ.

IV.

Среда. Третья рота въ расходъ.

По совершеніи обычной утренней уборки, выстроили роту кантонистовъ, за исключеніемъ новичковъ, капраловъ, *постолов* классныхъ и нѣкоторыхъ изъ простыхъ кантонистовъ¹, пользовавшихся протекціею начальства. Затѣмъ всѣхъ распредѣлили по ремесламъ: въ портную и сапожную отправили по 50, въ эполетную, галунную, басонную и проч. по 15, 20 человекъ.

Расходный день былъ для кантонистовъ своего рода праздникомъ. Научившись положить латку на сапогъ, заплатку на рубашку, кантонисты втирались въ знакомство къ мастеровымъ солдатамъ, которымъ ихъ отдавали въ качествѣ подручныхъ и, придя въ мастерскую, шли прямо къ нимъ и садились за работу. За это солдаты дѣлились съ усердными помощниками своимъ харчемъ; иные платили имъ еще коп. по 2, по 3-за дневной трудъ. Неумѣвшіе еще работать варили мастеровымъ на кухнѣ клей, крахмалъ, строгали гвозди, сучили дратву, разматывали нитки и проч. и проч. Между мастеровыми солдатами встрѣчались чрезвычайно добрые люди, искренно жалѣвшіе кантонистовъ.

¹ Новички, пока не выучились фронту — ходили на учење ежедневно утромъ и вечеромъ: направили ихъ учили фронту въ расходные дни: протекруемые гуляли въ эти дни; въ классъ ходили ежедневно, кромѣ пятницы послѣ обѣда и субботы утромъ, человекъ 10 — 15 изъ роты — учились въ выпускномъ, верхнемъ классѣ и готовившіеся прямо въ учителя и въ писаря.

— И въ ротѣ измучили, говаривали они, едва имъ подведутъ подручныхъ:—такъ намъ-то пожалѣть ужь надо. На вотъ тебѣ, мальчуга, десятишникъ (3 к. сер.), бѣги за магазины, купи калачикъ, молочка, накроши въ чашечку, да, похлебавши, приходи сюда посидѣть до вечера, чтобъ въ ротѣ не увидали, а то вѣдь и мнѣ съ тобою, пожалуй, не слобровать.

И радъ-радѣшенекъ бѣдняга кантонистъ: возьметъ деньги, шапку и мигомъ очутится за магазинами.

Въ тылу трехъ фасадныхъ казармъ помѣщались, въ длинномъ строеніи, провіантскіе магазины, а сзади ихъ, въ углу, солдатскія вдовы и жены торговали зимой и лѣтомъ различными съѣстными припасами.

Кантонистъ прибѣгаетъ за магазины, жадно глядитъ на все и не знаетъ чего бы ему такого поѣсть? Надо, чтобы было и посытнѣй, и повкуснѣй, да и подешевле.

А торговки, завидя мальчика, взапуски начинаютъ зазывать его къ себѣ.

— Ко мнѣ, голубчикъ, ко мнѣ, касатикъ! кричитъ одна: — у меня самая вкусная печенка, селезенка, потроха, требуха; хлѣба даромъ дамъ!

— Не вѣрь, Петинька, не вѣрь, Ваничка; все хвастается, перебиваетъ другая.

— У меня калачи горячи, сейчасъ изъ печи, вопитъ третья!— молочко топленое, только утромъ доеное, садись, голубчикъ; досыта накормлю и всего-то семишникъ возьму: наживаться отъ васъ грѣхъ, великій грѣхъ.

— Кантонистикъ золотой, картофель разсыпной, полную шапку наладу и всего одинъ пятачокъ съ тебя возьму, подхватываетъ еще одна баба.

Сбитый съ толку, кантонистъ не знаетъ, какое лакомство предпочесть; наконецъ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшается:

— Давай, тетушка, калачъ съ молокомъ.

— Садись, родименькій, садись, голубчикъ, на мое тепленькое мѣстечко, да и кушай себѣ съ Христомъ, говоритъ торговка, подавая ему калачъ и чашечку молока. — А есть у тебя отецъ, аль мать?

— Нѣту. Мать померши, а отца я и не зналъ, какой онъ такой, отвѣчаетъ спрошенный, съ алчностью улетая за обѣщаніи.

— Выходить: сиротинушка, сердешный? Постой же, я ужь тебѣ еще молочка подолью,—да на вотъ хлѣбца подкроши и ѣшь на здоровье... Не надо, голубчикъ, мнѣ твоихъ денегъ,

не надо, говорит она, увидевъ, что мальчикъ все уже съѣлъ и суетъ ей деньги въ руку.

— Спасибо, тетюшка! И, спрятавъ деньги за обшлагъ шинели, кантонистъ, довольный и счастливый, въ припрыжку побѣжалъ въ швальню.

— Дайте мнѣ, дядинька, вакцины съ собой, униженно просить кантонистъ у одного изъ сапожниковъ. — Сапоги нечѣмъ чистить, а въ ротѣ спрашиваютъ, бьютъ... дерутъ... Будь добръ, не откажи.

— Ваксу я, братъ, самъ покупаю на деньги, отвѣчаетъ солдатъ:— и ты купи. Про вась не напасешься.

— Радъ бы, дяденька, купить, да не на что: родныхъ нѣтъ, денегъ взять негдѣ.

— Ну, ладно, дамъ ваксы; только за это — волосянку. Идетъ?

— Да вѣдь это больно... у меня и то ужъ голова болитъ... вся въ струньяхъ...

— За то вакса будетъ. Даромъ ничего, братъ, не дается.

— Ну, дери; только ваксы-то, дяденька, побольше.

Солдатъ придвигается къ просителю, вцѣпляется пальцами обѣихъ рукъ ему въ волосы на затылкѣ, и дергаетъ ихъ вверхъ сразу такъ сильно, что мальчикъ вскрикиваетъ что есть мочи. Въ окружности раздаются смѣхъ и брань.

— Я еще не успѣлъ путемъ дотронуться, а ты ужъ орешь, укоряетъ его солдатъ.— Стой смирно: сейчасъ порѣшимъ. Солдатъ снова деретъ просителя за волосы, тотъ снова вскрикиваетъ шибче прежняго. — Вишь разрюмился, нѣженка эдакая, укоряетъ солдатъ, недовольный кантонистскимъ плачемъ. — На-вотъ ваксы, да еще съ банкой вмѣстѣ, только не хнычь.

Такия сцены повторялись повсюду, куда кантонистовъ только ни послали въ расходъ.

Въ ротѣ, между тѣмъ, идетъ выправка новичковъ. Вдругъ ученіе прерывается неожиданнымъ образомъ.

— Разойтись! сердито командуетъ внезапно появившійся молодой красивый офицеръ, командиръ роты, Добреевъ.

Кантонисты, услышавъ знакомый голосъ, живо разбѣгаются. Фельдфебель спѣшитъ къ своему начальнику.

— Я такъ и зналъ, что ты не можешь безъ ученя, съ укоривною заговорилъ Добреевъ.

Онъ судорожно пожалъ плечами и продолжалъ съ досадою:

— Привнаюсь, рѣшительно не понимаю, какъ это ты пристрастился мучить дѣтей этой шагистикой?

— Я ничего-съ; не виновать-съ; такъ начальству угодно; приказаніе исполняю-съ! отвѣчаетъ фельдфебель. — Самъ Генералъ терпѣть и намъ велѣлъ-съ...

— Такъ вѣдь и я начальство составляю и тоже десятки разъ предлагалъ тебѣ давать дѣтямъ отдыхъ въ тѣ дни недѣли, когда они въ роздыхѣ, или въ банѣ. Ты, значить, не считаешь меня начальникомъ?

— Полковникъ старше-съ... изволить приказывать. Мнѣ не разъ въ зубы попадало отъ нихъ...

Пока Добреевъ толковалъ съ фельдфебелемъ, кантонисты его роты возвратились въ казарму. Увидѣвъ ихъ, онъ недоумевался съ ними и весело крикнулъ:

— Ребята! Я дежурный; скоро ужинать, берите смѣло хлѣба: обшновъ не будетъ.

— Ради стараться, ваше благородье, откликнулись дѣти.

По уходѣ Добреева, кантонисты начали вытаскивать, изъ рукавовъ своихъ шинелей, изъ-подъ мышки, доскутки холста, кожи, сукна, нитки, дратву, комки ваксы, и прятали все въ кроватные ящики. А изъ-за стола въ этотъ вечеръ унесли хлѣба сколько кто могъ, — въ общей сложности нѣсколько пудовъ.

Кантонисты любили Добреева за его снисходительность и доброту. Въ его ротѣ и наказывали и муштровали на половину меньше, чѣмъ въ прочихъ ротахъ; совершенно вывести истязанія онъ не могъ: начальникъ заведенія, отстудившись собственно отъ него, усиленнѣе обыкновеннаго придирался къ фельдфебелю, къ правящимъ его роты и побуждалъ ихъ наказывать кантонистовъ, мало того, самъ наказывалъ во время отсутствія Добреева, который, пренебрегая службою, ходилъ въ роту раза-три-четыре въ недѣлю. Сбыть его совсѣмъ изъ заведенія было довольно трудно: онъ былъ человекъ относительно образованный, богатый; былъ молодецъ, холостъ, велъ знакомство со всею городскою аристократіею, имѣлъ кромѣ того и связи, протекцію.

Кантонисты все-таки лишились его вслѣдствіе одной чрезвычайной его выходки. Вотъ какъ было дѣло. Онъ былъ охотникъ, уходилъ лѣтомъ постоянно въ лѣсъ, забравъ съ собою человекъ по 40—60 кантонистовъ своей роты, и часто не попадалъ на ученя. Однажды начальнику вздумалось произвести вечеромъ ученье всему заведенію, и такъ-какъ Добреева не оказалось на лицо со множествомъ кантонистовъ его роты, — то начальникъ послалъ за нимъ въ лѣсъ.

Забравшись въ чашу лѣса, Добреевъ усѣлся среди своей

команды на маленькой волкѣ, въ вѣшкови повинули хричи—
тытину, волбасы, огурцовъ, печения, и едокники загусивали
съ волчьими анистетоми. Вдругъ предъ ними выростаютъ гонимы.
Добреевъ разсердился, поднялъ свой отрядъ и отправился въ
городъ, а услышавъ у заставы барабанный бой, означавшій,
что ученье еще продолжается, — онъ остановилъ отрядъ, далъ
отдохнуть, и сказалъ:

— Ребята! Не въ службу, а въ дружбу! Когда дойдемъ до
плаца—я затрублю въ рожокъ; у кого рожки—подхватите; у кого
трещотки, хлопушки — трещи, хлопай, какъ можно сильнѣй, и
когда собаки побѣгутъ, бросайтесь впередъ, кричите: «ату его,
ату», науськивайте ихъ на офицеровъ вообще, а на начальника
особливо, кидайте въ нихъ чѣмъ полагло.

Кантонисты съ восторгомъ приняли это предложеніе: напа-
костить начальству имъ всегда было по сердцу. Остальную
часть пути кантонисты не шли, а чуть не летѣли; такъ попра-
вилась имъ оригинальная затѣя ихъ любимаго начальника.

Тихо, крадучись, подошелъ отрядъ къ плацу и за угломъ
казармъ пріостановился.

Смерклося. Заведеніе стояло вольно, т.-е. говорило, кашляло
и оправлялось.

Воспользовавшись этою удобнѣйшею, для нападенія, мину-
тою, Добреевъ вдругъ затрубилъ въ рожъ, отрядъ подхватилъ,
загренчалъ, захопалъ, собаки залаяли, бросились впередъ,
отрядъ за ними, съ крикомъ: «ату его, ату его».

Заведеніе смѣшалось, въ рядахъ его поднялся шумъ, визгъ,
началась давка, бѣготня, драка и суматоха невыразимыя.
Большинство кантонистовъ заведенія, собравшись въ чѣмъ
дѣло, мгновенно передалось въ непріятельскій лагерь и вмѣстѣ
съ нападающими начали щипать, колотить свое начальство.
А Добреевъ, помахивая въ воздухъ бѣлымъ платкомъ, все силь-
нѣй и сильнѣй напиралъ съ удесатерившимся отрядомъ на офи-
церство заведенія.

Около получаса продолжалась битва и кончилась тѣмъ, что
непріятель разбѣжался и на плацу остались трофеями: канто-
нистскія и офицерскія шапки, ключья разорванныхъ собаками
кундировъ, штанинъ, обломки шпаженокъ и проч.

Осмотрѣвшись, побѣдители сами перепугались своего под-
вига и вопросительно переглядывались.

— Спасибо, ребята, сказалъ Добреевъ: — сто разъ спасибо
вамъ. Если васъ станутъ допрашивать, говорите, я приказалъ.

На утро оказалось, что сверхъ множества загренчанъ, кото-
рыя получили начальственные лица, еще и собаки покусали

нѣсторыгъ. Затѣмъ официально участвовавшимъ въ намазаніи кантонистамъ 3-й роты задали, дня чрезъ два, общественную поронцу, т.-е. драли человѣкъ 50 сразу, и, хотъ имъ жутко было лежать подъ рогамн, зато они приобрѣли громадную славу, о которой знало и съ благоговѣніемъ рассказывало не-томя отдаленнѣйшее потомство кантонистовъ. Долго думали, что сдѣлать съ Добревымъ; наконецъ въ уваженіе разныхъ обстоятельствъ, компрометировавшихъ само начальство, сочли его пестунокъ шалостью, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ заведе-ніе.

V.

Четвергъ. Четвертая рота въ ванъ и на спѣвкѣ.

Одно изъ наиболѣе тягостныхъ событій казарменной жизни составляли тѣлесные осмотры, производившіеся по четвергамъ. Ожиданіе такихъ осмотровъ подвергало многихъ кантонистовъ въ уныніе.

— Огляди меня, пожалуйста, Федоровъ, а потомъ я тебя, говорить раздѣтый до нага кантонистъ одному изъ своихъ товарищей.

— Ты, братъ, чистъ, чесотки нигдѣ нѣтъ, утѣшаетъ тотъ, внимательно осматрѣвъ его: — вотъ только и есть на лѣвой лажкѣ параннина. Подойдешь къ правящему, такъ ногн-то, знаешь, сдвинь по плотнѣй, онъ, при огнѣ, ее и не замѣтитъ. Ну, а у меня ничего нѣту?

— Ничего, окромя рубцовъ отъ роговъ. А рубцы-то, братъ, синіе, рассиніе...

— Ужь, братъ и поруютъ! Вѣдь сегодня недѣля, какъ отодрали, а синяки еще не сходятъ. Ну, да по мнѣ пушай ихъ хотъ вѣкъ не сходятъ: это не чесотка, а сѣченье, стало бытъ отвѣчать не зачто.

Въ другой парѣ осматривающихъ другъ друга кантонистовъ идетъ такой разговоръ:

— Ахъ, сердешный! Выдеруть безпремѣнно: вишь обчесался какъ!

— О, чтобъ ихъ! Нешто я виновать? Намазали прошедшій разъ въ банѣ какой-то поганой мазью, и болачи замѣсто того, чтобъ заживиться, еще нуще разгноились... Ежели опять отдереть—расковырять, чѣмъ ни на есть, большое бедро, уйду въ

лазаретъ, а оттуда въ неспособіе: авось вырвусь изъ этого смута. Вѣдь ужь пора: 20-й годъ пошелъ.

Явился правящій.

— Эй, вы! кричите отъ, обвода взоромъ толпу раздѣтыхъ денара кантонистовъ: — подходи по ранжиру!... Вышлинутый подходить. Капралъ тщательно освѣщаетъ его тѣло съ ногъ до головы, а унтеръ вездѣ разсматриваетъ.

— Егоръ Антоновъ, подходи ближе! Унтеръ осматриваетъ.— И ты начинаешь чесаться? Отпусти-ка ему десятокъ горячихъ, чтобъ не чесался. Не успѣлъ Антоновъ и рта разинуть, какъ его ужь стегали.

Въ заведеніи вообще полагали, что розги—лучшее лекарство отъ всякихъ, особенно наложныхъ болѣзней. И потому, въ видахъ искорененія недуговъ, въ дни осмотра начальство бывало особенно щедро на розги. Совершенно невредимыми выходили изъ тѣлеснаго осмотра очень немногіе. За то всѣ, по окончаніи этой тягостной процедуры, отправлялись въ баню, гдѣ чесоточныхъ ожидали новныя мученія.

Баня была на казарменномъ же дворѣ и состояла изъ предбанника и самой бани; каждая комната, будучи не особенно тѣсно набита народомъ, могла вмѣщать въ себя человѣкъ 30—40. Но съ кантонистами не церемонились: ихъ вгоняли туда человекъ по сту. Въ предбанникѣ на скамеекѣ, ни лавокъ не полагалось. Когда кантонисты раздѣлись, ихъ, чтобъ не выстудить баню, вогнали туда всѣхъ разомъ и замерли на задвижку снаружи. Въ самой банѣ, у одной изъ стѣнъ, стояли два ушата громадной величины, наполненные теплою и холодною водою, которую служитель раздавалъ по одной только шайкѣ на два человека. При этомъ были приняты мѣры къ тому, чтобъ никто не могъ два раза явиться за водою. Кантонисты располагались для мытья на ступенькахъ пола, на самомъ полѣ, на лавкахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, подъ лавками, посреди бани и на полу. Кто опаздывалъ захватить мѣсто, тому приходилось мыться стоя, держа шайку съ водою въ воздухѣ. Мыло выдавалось десяточнымъ и ефрейторамъ въ самомъ скудномъ количествѣ, именно по кусочку, золотниковъ въ 10 вѣсомъ на цѣлый десятокъ. Кантонисты, намочивъ голову полученною теплою водою, подходили, по очереди, къ ефрейтору, тотъ намыливалъ имъ одну лишь голову, отнюдь не дотрогиваясь ни до какой другой части тѣла. Въ нии отнускались тоже по одному на десятокъ, но и ихъ, при выходѣ изъ теплой бани, отбирали въ сдачу, для слѣдующихъ парильщиковъ.

Тѣснота въ банѣ, давка, ругань изъ-за мѣста, гдѣ сѣсть, драка изъ-за вѣника, плачь изъ-за расплесканной воды, уграденной портянки, которая была захвачена съ собою для стирки; густой, удушливый жаръ, обнаженные тѣла, гладко стриженные головы, истомленные, блѣдныя лица и чады,—все это представляло такую картину, которая поразила бы и самого хладнокровнаго зрителя.

Черезъ часъ, по командѣ унтеръ-офицера, кантонисты бросились въ предбанникъ, одѣваться. Всѣ ли вымылись, хорошо ли вымылись—до этого никому не было дѣла: вся забота начальства заключалась именно въ томъ, чтобъ приказаніе свести роту въ баню было въ точности исполнено, очередь была бы отведена. Оттого, ежели кто послѣ команды «выходить» хоть минуту запаздывалъ, то неминуемо отвѣдывалъ комля вѣника. Минуть черезъ 10 по выходѣ въ предбанникъ, изъ котораго дверь вела прямо на улицу, кантонистовъ фронтомъ вели уже обратно въ казармы.

Часу во второмъ пополудни доходила и до чесоточныхъ очередь идти въ баню. Ихъ водили всегда отдѣльно отъ чистыкъ. Загнавъ ихъ въ баню, также сразу человекъ 80, имъ раздавали вышеописаннымъ порядкомъ мыло, воду и вѣники, и заставляли мыться. Потомъ, когда они размывали болячки на тѣлахъ, ихъ выгоняли въ предбанникъ, подводили поочередно по два человекъ къ служителямъ, которые намазывали каждому съ ногъ до головы мазью, составленной изъ дегтя, соли и квасцовъ. Затѣмъ ихъ пропускали человекъ по 30 снова въ баню и загоняли на полкъ, гдѣ имъ приказывалось непременно стоять; служителя поддавали пару такъ сильно, что дыханіе захватывало, а два унтера занимали позицію на нижнихъ ступенькахъ полка, держа въ рукахъ роги и наблюдая, чтобы всѣ парились вѣниками и не смѣли сойти внизъ. Такъ продолжалось около получаса времени, т.-е. до тѣхъ поръ, пока мазь взойдетъ въ тѣло и засохнетъ въ немъ. Мазь страшно кусала; на полкѣ поднимался плачь, вѣй и стонъ. Затѣмъ, прямо съ полка, чесоточныхъ выгоняли въ предбанникъ одѣваться. Окачиваться водой имъ строгаише воспрещалось.

Пока чесоточные мылись, здоровые кантонисты 4-й роты успѣвали съ часъ поучиться фронту, а съ возвращеніемъ чесоточныхъ тотчасъ раздавался крикъ: «Пѣсенники и новички къ фельдфебельской, а остальные—слушать! Живо!»

Начинался урокъ пѣнія. У фельдфебельской, кровати десять сдвинулись въ сторону; до 40 кантонистовъ становились въ кружокъ въ двѣ шеренги; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ру-

важъ бубни, тарелки, у одного камертонъ. Посрединѣ кружка становили табуретъ, а на немъ усаживался здоровый, высокій мужчина лѣтъ 45, поручикъ Федоренко, ротный командиръ этой роты.

— Прибывшихъ сюда! крикнулъ Федоренко, молотковато поводя глазами. Кружокъ разступался и фельдфебель вводилъ въ него двухъ, трехъ мальчиковъ.

Федоренко осматривалъ новичковъ съ головы до ногъ.

— Какую пѣсню знаешь? спрашивалъ онъ одного изъ нихъ.

Новичокъ смотритъ ему въ глаза, съ недоумѣніемъ.

— Какую пѣсню знаешь?

— Знаю... Знаю...

— Какую же? топнулъ ногой Федоренко отъ нетерпѣнія.

— «Вдоль по улицѣ мятелица мететь».

— Всю? ужъ ласково продолжаетъ Федоренко.

— Всю.

— Пой. Новичокъ терлется.

— Пой же! Новичокъ запѣваетъ. — Громче, громче! Вотъ такъ, вотъ эдакъ. Новичокъ ободряется и постепенно входитъ въ голосъ. — Молодецъ, братъ, молодецъ! хвалитъ Федоренко, ощутивъ пріятность звонкаго, чистаго голоса. — Въ пѣсенники его, въ пѣсенники! Становись сюда. Мальчикъ присоединяется къ хору. — А ты умѣешь пѣть? обращается онъ къ другому новичку.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Какъ не умѣешь? быть не можетъ, чтобы ничего не пѣлъ. Въ деревняхъ всѣ пѣсни поютъ.

— Вотъ те Христось, не пѣвалъ.

— Такъ кричи: «Слу-шай», да смотри, въ растяжку: «Слу-шай». Новичокъ молчитъ. — Что-жь ты? Кричи!

— Слу-шай! вполголоса затягиваетъ новичокъ.

— Шибче, шибче, приказываетъ Федоренко и, для пушача вразумленія, хлестъ его здоровѣннѣйшею ладонью по щекѣ. Тотъ взвизгиваетъ на всю комнату. — Хорошо, хорошо... И этого въ пѣсенники. А ну-ка ты! приказываетъ онъ третьему. Третій вскрикиваетъ «слу-шай», что есть мочи. — Ну, ты ни въ чорту не годишься. Пошелъ прочь, дрянъ эдакая. Немного помолчавъ, Федоренко обращается къ хору съ наставленіемъ:

— Хорошенько отпашляться; въ пѣньи у меня не кричатъ, впередъ не высказывать, позади тоже не оставаться. Братъ твой дружно, вмѣстѣ, всякій голосъ знай свой тактъ. Гдѣ нужно тихо—щебечи какъ свистирь, гдѣ надо громко—стрѣльни, какъ пушка. Чувствуете? Ну, а гдѣ надо ровно, плавно—

раздробись на соловьиую трель и тни раскатието, какъ ружейная стрѣльба. Слышали? Поняли? Ну, съ Богомъ! «Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный?». Сапуновъ, начинай со мной вмѣстѣ. (Сапуновъ, малый лѣтъ 20, былъ главнымъ его помощникомъ и заправкой).—Разъ, два-три.

— «Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный?», заговариваетъ Федоренко, подперевъ щеку лѣвою рукою.—«Такъ капитанъ солдату говорилъ; Ты помнишь ли, какъ громъ грозы военной Святую Русь внезапно возмутилъ?» Пѣсенники подхватываютъ.

— Отставити! вдругъ, среди пѣсни, гаркнулъ Федоренко, побагровѣвъ. Хоръ смолкаетъ.

— Ну, какъ васъ не пороть, свиньи? Какъ васъ не пороть, когда вы своимъ крикомъ рѣжете кишки мои, визжаньемъ пилите мнѣ по сердцу? Кошлы вы эдакіе! Берегись! «Грянулъ внезапно...» Служать меня! припѣвать въ тактъ! вздую, ей-ей вздую.

«Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ;
Все запылало мщеньемъ, войною,
Ай донцы,
«Донцы молодцы»,

Подхватываетъ хоръ.

— Спасибо, ребята! хорошо, хорошо!

— Рады стараться, ваше благородіе.

— Теперь—«Вдоль да по рѣчкѣ». Уши, ребята, не вѣшать, а пѣть смѣло, весело. Сапуновъ, начинай!

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ», затагиваетъ Федоренко, притопывая ногами, припрыгивая всѣмъ туловищемъ и хлопая въ ладоши.

«Вдоль да по берегу...

Продолжаетъ хоръ.

«Онъ со кудрями, онъ со русыми.

Разговариваетъ!

Федоренко входитъ въ азартъ, выдѣлывая головою самыя вычурныя киванья.

Кому мои кудри, кому мои русы,—

Поетъ хоръ.

— Стой, стой, стой!... Семеновъ, что ты орешь-то въ чужой голосъ—а? Впередъ; разогы!

— Это не я, ваше благородіе; ей-ей не я, отпирается Семеновъ, блѣднѣя отъ страха.

— Я тебѣ дамъ «не я»; меня, братъ, не надуешь! Я давно замѣчаю, что ты нарочно фистулой дерешь, думаешь отбиться отъ хора. Нѣтъ, шалишь!

— Да у меня, ваше благородіе, ей-богу грудь болить: какъ только стану нагуливаться, такъ все нутро и рвется, такъ и хочеть выскочить. Простите, ваше благородіе!

— Я тебѣ выскочу! Вздую хорошенько, такъ перестанешь лодарничать. Ишь выдумалъ «грудь болить»!

Такъ продолжались уроки пѣнія изо дня въ день дѣлаю зиму. А съ наступленіемъ лѣта Федоренко водилъ хоръ пѣть за городъ. Для загородныхъ пѣній у него и репертуаръ пѣсенъ былъ особенный—поэтический. Выбереть онъ, бывало, пригорокъ надъ обрывомъ Волги, недалеко отъ лѣсу, посреди поля, усадется посреди хора на травѣ и заляжется, заляжется такъ, что заслушаешься. Особенно любилъ онъ воздушный корабль, Лермантова, пѣсню Кольцова «Полоса-ль моя, коло-сонька» и Некрасовскую «Тройку».

По горячему увлеченію, съ каинимъ онъ пѣлъ, видно было, что Федоренко не на свое мѣсто попалъ: человѣку состоятъ бы въ хорѣ дыгать, а онъ каинимъ-то страннымъ случаемъ попалъ въ военные и очутился учителемъ каптоиистовъ. Правда, онъ прилагалъ тутъ все свое стараніе. Путемъ розогъ и долгихъ усилій, онъ образовалъ отличный хоръ пѣсенниковъ и слава его прогремѣла по всей окрестности. Едва германе завидятъ, бывало, его съ пѣсенниками въ полѣ, какъ ужъ бѣгутъ послушать. Частенько на загородныя сѣвни являлись баре, барини и даже барышни. Федоренко былъ въ модѣ. Весь городъ говорилъ о немъ и не могъ нахвалиться его хоромъ. Бывало, какой-нибудь расчувствовавшійся помѣщикъ, послушавъ пѣнія, раздастъ изъ своихъ рукъ каждому изъ басовъ и теноровъ по серебряному гривеннику, а альтамъ и дискантамъ по патналтнинному. Мѣщанинъ, солдатин и другія простые женщины придвигаются толпою къ пѣсенникамъ и, крадучись, суютъ имъ въ руки: кто—кавачъ, кто—сдобную лепешку, кто—кусокъ пирога, а кто и мѣдный пятакъ.

— Этъ начальникъ—атъ какой добрый, да ласкательный, говорить деревенская баба, обращаясь къ городской старушкѣ, стоя невдалекѣ отъ пѣсенниковъ.—Самъ поѣтъ, да роблять веселить, да балуетъ. Знать, душа-человѣкъ.

— Да, голубушка, душа - человѣкъ! тоскливо отзывается старуха. — Закоешь, небось, какъ съ лозой-то стоять надъ тобой. Позавчера вонъ энтотъ-то самный, душа-человѣкъ, при всемъ честномъ народѣ, на атомъ же самомъ мѣстѣ одного малаго такъ исполосовалъ розгачами, что бѣднягу въ телегѣ вздадъ свезли!

Впрочемъ, несмотря на то, что Оедоренко и въ полѣ не миловалъ пѣсенниковъ, они все-таки ради были лѣтному пѣнью: они дышали свѣжимъ воздухомъ, прогуливались до-рогою, да и денжошки переспадали, а кантонистъ, имѣя въ обшлагѣ шинели гривенникъ, считалъ себя богачемъ и былъ несказанно счастливъ. Быть пѣсенникомъ кантониста считали для себя великимъ несчастіемъ и вслѣдствіи старались не попасть въ хоръ. Но разъ очутившись на свѣжѣ, не было ужь положительно никакой возможности освободиться изъ пѣсенниковъ, кромѣ развѣ смерти, да выхода на службу. Но и отъ службы Оедоренко удерживалъ, для пользы хора, года по три по четыре сразу, такъ что нкой годовъ двадцати-двухъ, трехъ едва вбиривался на службу, и это вызывало иногда кантонистовъ на крайнія мѣры. Одинъ кантонистъ, которому особенно опротивѣла обязанность пѣсенника, рѣшился во что бы то ни стало выйдти изъ хора. Доставъ гдѣ-то постнаго масла, онъ вышелъ потихоньку на морозъ, вынулъ все масло и продержалъ съ четверть часа ротъ разинутымъ—къ вечеру оснѣлъ, а утромъ другаго дня ужь нетолько чисто пѣтъ, но и говорить не могъ.

Первоначально Оедоренко сформировалъ хоръ съ разрѣшенія начальнииа изъ всего заведенія, а потомъ пополнялъ убилъ новичками и переманкою изъ другихъ ротъ голосистыхъ мальчиговъ. Принадлежности пѣнія, какъ-то: пѣсенники, ва-жертонны, бубны и проч. покупалъ онъ ежегодно на свои деньги. Хорошій пѣсенникъ могъ смѣло ничего не знать изъ пунктиговъ и другихъ наукъ и ничуть не тревожиться: все это Оедоренко считалъ пустяками сравнительно съ пѣснями и звонкимъ голосомъ и никогда за это не взыскивалъ. Его помощники, низшіе начальники кантонистовъ, тоже остерега-лись, въ угоду ему, быть пѣсенниковъ зря. Одѣвалъ онъ пѣсенниковъ всегда въ крѣпкую, хорошую казенную одежду. Страсть къ пѣнью до того въ немъ была сильна, что какъ бы начальникъ жестоко ни распеетъ его, если только пѣсенники тотчасъ потомъ стройно сповтъ пѣсню, онъ вполне утѣшенъ, забытъ и полковника, и все на свѣтѣ. Онъ былъ одинокій, старшій холостякъ, происходилъ изъ крестьянъ, вышелъ въ офицеры изъ гвардейскихъ фельдфебелей, велъ себя скромно, удивленно и, казалось, вся жизнь его заключалась исключи-тельно «въ пѣсенникахъ», подобно тому, какъ жизнь Тара-панова ушла въ шагистку, а Живокурова—въ эзскуціи.

VI.

ПЯТНИЦА. ПЯТАЯ РОТА НА РУЖЕЙНОМЪ И СТРЕЛКОВОМЪ
УЧЕНЬЯХЪ.

Манежъ расположенъ сзади казармъ. Тамъ въ 7 часовъ утра рота со своимъ командиромъ, штабъ-капитаномъ Свиныевымъ, тоже отчаяннымъ фронтовикомъ.

— Ружье на плечо, командуетъ онъ, хотя у кантонистовъ никакихъ ружей не было. Кантонисты ударяютъ ладонью правой руки по собственному лѣвому плечу и моментально опускаютъ руки по швамъ, загибая пальцы лѣвой руки къ горсти, какъ бы держа въ нихъ ружье.

— Эй, кто тамъ плечемъ вертитъ! Ружьемъ, помни, владѣешь! На кра-улъ! Кантонисты сгибаютъ обѣ руки въ кулакъ и ударяютъ правою—въ лѣвый бокъ, а лѣвою въ грудь.

— Отчего плохъ темпъ? (звукъ). Отставить! Кантонисты опускаютъ руки по швамъ.—На кра-улъ! Кантонисты снова стучатъ себя въ бокъ и въ грудь. Свиныевъ заходитъ съ лѣваго фланга и смотритъ, ровно ли вытанулись кулаки рукъ.— На плечѣ! Дѣлать приемъ плавно; когда берете на караулъ, не дребезжать, а дѣлать ударъ сразу, какъ одинъ человекъ. Ровнѣй штаны, штаны! продолжайтъ онъ, съ праваго уже фланга. Вдругъ кто-то оглянулся.

— А-а?.. это ты, Самсоновъ, шевельнуться вздумалъ? Ты? Важности фронта, каналья, не понимаешь? Ладно! Грудь впередъ. Ружье на ру-ку! И горячась, и командуя, онъ забѣгаетъ то справа, то слѣва, какъ будто въ самомъ дѣлѣ чтонибудь путное дѣлаетъ. Какому-то кантонисту надобля вся комедія и онъ вздумалъ потѣшиться—опустилъ обѣ руки.

— Ты какъ смѣлъ опустить ружье къ ногѣ, не дождавшись команды? закричалъ на него, побагровѣвъ, Свиныевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье, громко отвѣчаетъ виновный:—я ничего не опускалъ.

— Какъ ничего? всѣ держатъ ружье на руку, а ты зачѣмъ опустилъ его къ ногѣ?

— Никакого, ваше благородье, ружья у меня въ рукахъ не бывало.

— Ка-акъ?... У тебя нѣтъ ружья?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородье.

Т. СХСVIII. — Отд. I.

— Что за дьявольщина? Какъ нѣтъ? Эй ты! обращается онъ къ другому кантонисту:—есть у тебя ружье, или нѣтъ?

— Есть, ваше благородье.

— Да вреть онъ, выѣшивается шутникъ:—и у него нѣту. Мы отродясь ружья и не видывали. Какое же ружье? извольте сами поглядѣть.

— Такъ ты еще спорить? Три пощочки и снова команда: «ружье на руку».

— Хоть убейте, ваше благородье, а на руку ружья взять мнѣ неоткуда. Понапрасну только деретесь.

— Тьфу ты, сволочь проклятая!.. Свиньевъ плюетъ ему въ лицо и отходить на средину.

— Разснпаться! командуетъ онъ, собравшись съ мыслями и приступая къ исполненію на практикѣ тѣхъ сигналовъ, которые кантонисты теоретически разучивали, сидя въ десѣткахъ.

— Та-ти-ти, та-ти-ти, ти! выигрываетъ на рожкѣ горнисть. Происходить дѣятельное ученье, кантонисты сходятся, расходятся; задніе ряды выбѣгаютъ впередъ, дѣлая видъ, будто прицѣливаются. Пронзводится даже мнимая стрѣльба, при чемъ хлопанье рукъ замѣняетъ выстрѣлы. Свиньевъ мечется въ сплывѣшемъ волненіи, воображая, что присутствуетъ при настоящемъ сраженіи.

— Въ грудь, ребята, прямо въ грудь непріятелю цѣлься! кричитъ онъ.

— Головы на лѣвый бокъ! Стрѣлять правильно! Ивановъ, лѣвую ногу больше впередъ! Куда, бестія, цѣлишься, куда стрѣляешь? Прицѣливайся снова. Да глазъ-то лѣвый, глазъ прищурь. Аванасьевъ! что легъ головой-то на полъ? спать, что ли, собрался? Отбой!

Послѣ обѣда, по пятницамъ, всѣ роты, въ полномъ составѣ, муштруются ротными командирами, или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ помощниками.

— Завтра на батальонное ученье, объявляетъ капральству правящій, на вечерней переключкѣ.—Одѣться почище, маршировать съ прилежаніемъ и рты не развѣвать. А кто изъ большихъ желаетъ идти за опилками—шагъ впередъ. Человѣкъ десять съ праваго фланга выдвинулись. Выборъ, однако, палъ только на четверыхъ; остальные отступили назадъ, повѣсивъ головы.

Идти за опилками желалъ всякій: этимъ онъ освобождался отъ батальоннаго ученья и мытья ноловъ, а то и другое, какъ читатель убѣдится ниже, было слишкомъ тяжелою работой. Ходили за опилками человѣкъ по 12-ти изъ роты, подъ

командою унтера, за городъ, на берегъ Волги, гдѣ постоянно пилились бревна на суда, барки и лодки, отправлявшіеся ежегодно съ казенною солью и хлѣбомъ вверхъ по Волгѣ. Каждне два человѣка обязывались прикести опилокъ по рогажному мучному кулю. Опилки доставались, большею частію, съ трудомъ, такъ-какъ пильщики, нерѣдко обрадываемые вѣчно голодными кантонистами, не любили послѣднихъ. Изъ-за опилокъ кантонисты затѣвали обыкновенно съ пильщиками ссору, всегда переходившую въ драку. Среди схватки, пустать, бывало, работникамъ въ глаза по пригоршнѣ предварительно на подобный случай запасеннаго песка, или даже нюхательнаго табаку, и пока рабочіе протирають, да промываютъ глаза, кантонисты успѣваютъ набрать опилокъ и уйти съ добычею.

VII.

СУББОТА. ЗАВЕДЕНІЕ ЦѢЛКОМЪ НА ФРОНТОМЪ УЧЕНЬИ И МОЕТЬ ПОЛѢ.

Все заведеніе стоитъ, въ полномъ его составѣ, въ 7 часовъ утра, тремя шеренгами, вдоль 3-хъ стѣнъ манежа и выравниваетъ ноги по протянутой веревкѣ. Не только нижніе чины и кантонисты, но и офицеры тщательно осматриваютъ себя, боясь, какъ бы въ нихъ одеждѣ, въ осанкѣ, даже въ физиономіи не оказалось чего-нибудь такого, къ чему могъ бы начальникъ придратъся.

— Ъдетъ, кричитъ унтеръ, караулившій начальника за угломъ.

Беревки мгновенно сняли и все замерло. Вошелъ Курятниковъ, поздоровался, величественною, надменною постоушью обошелъ фронтъ, сталъ посреди манежа и обвелъ орлинымъ взоромъ фронтъ. Всѣ сдерживаютъ дыханье; ничто не шелохнется. На бѣду кто-то чихнулъ.

— Замѣтить, и послѣ ученья выпоротъ! закричалъ Курятниковъ.—Маршировать съ тактомъ, съ выдержкой, не ошибаться.

Началось ученье.

— Подпоручикъ Гусевъ, гдѣ стоите? спросилъ Курятниковъ, выстроивъ изъ заведенія каре. — Вонъ изъ фронта!

Гусевъ вышелъ и сталъ у стѣны.

— Отчего унтеръ-офицеръ не занимаешь офицерскаго мѣста, а? Учитель-унтеръ-офицеръ, трясась, какъ въ лихорадкѣ, вы-

двигается въ переднюю шеренгу. — Да у тебя еще и крючки мундира растегнуты? Впередь.

— Вашескородье, простите; въ первый и послѣдній разъ; больше никогда не замѣтите.

— Впередь, безъ разговоровъ! Учитель выходитъ.

— А ты, поросенокъ, что смѣешься, а? обращается Курятниковъ къ право-фланговому кантонисту того же взвода, офицеру и унтеръ-офицеру котораго такъ не посчастливилось. — О чемъ смѣялся?

— Я, вашескородье, не смѣялся, плаксиво оправдывается кантонистъ: — у меня верхняя губа шибко зачесалась, я дернулъ ее нижней губою, точно такъ-съ...

— Вертѣлъ губами, значить, шевелился. На средину.

Окончивъ экзекуцію, Курятниковъ снова повелъ свои колонны къ атакѣ воображаемаго непріятеля, снова строилъ каре, развертывалъ и свертывалъ фронтъ, бранилъ всѣхъ безъ разбора, собственноручно колотилъ и вообще неистовствовала самымъ дикимъ манеромъ.

Около 12-ти часовъ кончилось ученье. Кантонисты, ни въ чемъ не замѣченные, стремглавъ бѣжали въ казармы; замѣченные же, понурия головы, шли шагъ за шагомъ, раздумывая: «Простятъ ли совсѣмъ, нарядятъ ли на ночь на часы, или же отдерутъ?». Степень наказанія въ этихъ случаяхъ находилась также въ полной зависимости отъ Курятникова: если онъ сильно распекалъ—замѣченныхъ драли, если только выговаривалъ—ихъ наряжали на часы, если же благодарилъ за ученье — ихъ совсѣмъ прощали. Послѣднее, впрочемъ, случалось рѣдко.

Мытье половъ производилось послѣ обѣда. Въ спальняхъ кровати сдвигались въ уголь, и кантонисты, въ одномъ бѣльѣ, держа въ рукахъ голики, насаженные на длинныя палки, выстраивались въ шеренги.

— Гдѣ Парашкинъ? спрашиваетъ капраль.

— Голикъ, надо полагать, ищетъ, отвѣчаетъ кто-то.

— Вонъ онъ идетъ, подхватилъ другой.

— Люди стали ужь мыть, а ты гдѣ еще шляешься? Да и безъ голика?

— У меня былъ хорошій голикъ, да кто-то его утащилъ изъ кровати, оправдывался Парашкинъ, а у самаго уже зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Вишь, чѣмъ вздумалъ оправдываться—«вытащили». Чтобъ чрезъ пять минутъ былъ у тебя голикъ, не то запорю; слышишь? Пошелъ.

При мытьѣ, полъ полевали водою, послѣ чего ефрейторы по-

спинали его опилками, а простые кантонисты, по командѣ вап-раловъ, принимались растирать опилки, медленно двигаясь ше-ренгою впередъ и назадъ, отъ одной къ другой стѣнѣ. Послѣ троекратной перемѣны опилокъ и трехчасоваго, мучительнаго труда, полъ оказывался вымытымъ такъ чисто, и становился такъ бѣлъ, какъ деревенскій столъ у чистоплотной хозяйки.

Въ субботу вечеромъ кантонистамъ было предоставлено поль-зоваться отдыхомъ. Несмотря на то, многіе изъ нихъ сновали изъ угла въ уголъ съ овабоченными физиономіями. Это были мальчики, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, родственниковъ или даже, просто, земляковъ, къ которымъ намѣревались проситься на воскресенье въ отпускъ.

При всей тяжести кантонистской жизни, повидимому, одина-ково убійственной для всѣхъ, житье мальчиковъ было различ-ное. Некрасивымъ было тяжелѣе, нежели тѣмъ, которые обладали смазливою физиономіей. Некрасивыхъ обходили должностями, чаще били и одѣвали хуже, давая имъ донашивать старую одежду съ плечъ красивыхъ (масокъ), которую приходилось ежедневно чинить, и въ которой со двора никонимъ образомъ не пускали.

Бывало, передъ праздникомъ, какой-нибудь корявый просилъ маску:

— Дай, Тимоша, вуртку, со двора сходить. Твоя куртка мнѣ въ самую впору; а тебѣ за это калымъ (домашнее неченье) принесу.

— Отчего не дать, отзывается маска:—мнѣ все равне дома сидѣть. А что принесешь?

— Право, не знаю, потому идти-то хочу не къ родной ма-тери, а къ двоюродному дядѣ. Съ пустыми, иначе, руками никогда не ворочался. Что принесу, — тѣмъ и подѣлюсь по-поламъ.

— Калымъ твой мнѣ не нуженъ, а принеси ты мнѣ пятако-вый калачъ, не то и куртки не трогай.

— Да вѣдь калачъ-то, Тимоша, купить надо, а денегъ мо-жетъ и не дадутъ: какъ же я тебѣ впередъ слово дамъ?

— По мнѣ хоть укради, хоть купи, все единственно, а толь-ко подай. Пятакъ, чай, и христа-ради набрать недолго.

— Да ужъ буду стараться.

— Ну, а кровать твою кто же сторожить будетъ? Вѣдь явоннуть.

— Ну, и пушай. Не тебѣ отвѣчать.

— Извѣстно мнѣ. Потому я вице-ефрейторъ. Ну, да ладно: тащи калачъ да калымъ. Я ужъ присмотрю.

Въ другомъ мѣстѣ, дядька самъ предлагаетъ племяшу идти со двора.

— И куртку дамъ, и брюки достану, внушаетъ онъ:—только, чтобы, знаешь, съѣдобнаго побольше. А ужъ ефрейтора я упрошу. Пустить; ты ему яритащи листовъ шесть бумаги.

— Слушаю-съ.

Аристократія также готовится къ отпуску. Капралъ разсуждаетъ съ однимъ кантонистомъ, имѣющимъ сильную протекцію и потому никого не боящимся:

— Идешь завтра со двора?

— Известно.

— Что же не чистился?

— Чай, племяшъ давно уже вычистилъ.

— А ефрейтору сказывался?

— Это зачѣмъ?

— Зачѣмъ! Порядокъ.

— Ну, это для другихъ порядокъ, а мы иначе. Захотимъ со двора—иду прямо къ фельдфебелю, выпрашиваюсь у него и вся недолга.

— Лафа тебѣ прятаться за маменькину-то спину.

— А тебѣ развѣ хуже моего? Чай твой отецъ казначей, одежду тебѣ шьетъ тонкую, денегъ даетъ, вататься съ собой вонитъ, застуается. Чего же тебѣ еще?

— А все же твое дѣло получше. Ты ни за себя, ни за кого и ни за что не отвѣчаешь, живешь себѣ по вольности дворянства, а я? Миѣ никогда покою не даютъ. Противно миѣ напрамомъ быть. Потому что я такое? Палачъ. Своихъ же драть долженъ. Другіе вонъ капралы съ удовольствіемъ деруть, шагу не дѣлаютъ безъ розги, а я какъ заслышу: «розогъ», убѣгаю, сломя голову, въ корридоръ, въ цейхаузъ, даже въ чужую роту, чтобъ только драть не пришлось. Ну, а вѣдь не всегда же удается улизнуть.

— Да, ужъ житье! со вздохомъ замѣтилъ собесѣдникъ.

— На чтѣ хуже!

— Особливо новичкамъ.

— Бѣда! Прибудетъ малый кровъ съ молокомъ, а чрезъ годъ еле-еле дышетъ. Жалости подобно, ей-Богу! Я вотъ хочу въ свое капралство подобрать ефрейторовъ подобрѣе, чтобы не дрались, значить.

Кантонистовъ съ такимъ образомъ мыслей, какъ у вышеупомянутыхъ собесѣдниковъ, приходилось человѣкъ по 5—8 на роту и они служили предметомъ обожанія остальныхъ, простыхъ кантонистовъ. Къ нимъ, всякій слабый, некрасивый канто-

нись смѣло обращался за защитой предъ ротнымъ командиромъ, унтеромъ и фельдфебелемъ. Къ нимъ прибѣгали съ просьбами объ освобожденіи отъ дядки, о переводѣ въ другой десятокъ, объ увольненіи въ отпускъ за городъ, о перекинь рваной куртки, худыхъ сапогъ. Имъ жаловались на жестокое обращеніе ефрейторовъ и дядекъ. У нихъ же выпрашивали: бумаги, перьевъ, въ голодную пору хлѣба, либо копейку, иголку, нитокъ, пуговицу, кестажу; просили о сложеніи со счёту потерянной казенной портянки, мѣднаго креста и т. д. Личности эти, цѣня свое положеніе, никому ни въ чемъ не отказывали, если исполненіе просьбы было по ихъ силамъ, а выше ихъ силъ было очень небольшое, благодаря ихъ связямъ; числительность же ихъ, въ сравненіи съ составомъ заведенія, оттого была такъ ничтожна, что начальство всячески старалось овлеблять кантонистовъ другъ противъ друга, наказывая одного за неисправность нѣсколькихъ, поощряя жестокосерднхъ похвалами и осмѣивая и нерѣдко наказывая мягкосерднхъ.

VIII.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЗАВЕДЕНІЕ ПРАЗДНУЕТЪ.

Начинаетъ свѣтать.

Кантонисты встаютъ и начинаютъ копошиться: кто у печи, кто у ночника.

— Ты, Куронаткинъ, пойдешь со двора? спрашиваетъ кантонистъ другаго, начищая сапоги.

— Радъ бы идти, да не знаю какъ быть.

— А чтѣ?

— Да билета нѣтъ.

— Этой бѣдѣ, я, пожалуй, пособлю: писарь пишетъ билеты по копейкѣ серебромъ, а у меня есть семетка (2 коп.), вотъ намъ и два билетика. Чуръ за мѣсто одной — вернуть мнѣ послѣ двѣ копейки.

— Спасибо, другъ; большое, Гриша, тебѣ спасибо.

— И стоило жъ мнѣ труда приберечь этотъ семинику?!.. Нѣсколько разъ голодать, вотъ-вотъ хотѣлъ проѣсть, а удержался-таки. Лучше, молъ, со двора идти, чѣмъ проѣсть.

Около нисьменнаго стола ротнаго писаря толпятся, спозаранку, множество кантонистовъ. Одни подходятъ смѣло, другіе робко; одни, отходя отъ стола, прыгаютъ отъ радости, дру-

гіе — плачуть съ горя. Рука писаря проворно скользитъ по доскуткамъ сѣрой бумаги и такъ же проворно беретъ съ просителей копейки, опускаетъ ихъ въ ящикъ стола, живо перескакиваетъ на бумагу и снова строчитъ билетки.

— Пахомовъ! твой билетикъ не годится, говоритъ писарь, сбрасывая со стола доскутокъ бумаги. — Если хочешь самъ писать, — впередъ спроси, какъ.

— Отчего-жь не годится? плачевно спрашиваетъ Пахомовъ, поглядывая. — Я съ вашего же списывалъ и, кажется, вѣрно.

— А зачѣмъ же ты подписался за капитана? Этого сдѣлать нельзя.

— Да вѣдь вы же подписываетесь за него; отчего же и мнѣ нельзя?

— То я, а то ты. Я вонъ подписываю за капитана и рапорты, и книги, не чета вашимъ поскуднымъ билетикамъ, а ты этого не смѣешь. Хочешь со двора — заплати, напишу новый билетъ, а не хочешь — убирайся прочь отсюда.

— Радъ бы заплатить, да денегъ нѣтъ ни полушки. Изъ дому идучи будутъ безпремѣнно. Подождите пожалуйста!

— Хорошо. Принеси мнѣ на двѣ копейки орѣховъ; готовься поди, получишь билетъ.

— Парадные къ фельдфебельской! слышится зовъ, по комнатамъ роты, въ девятомъ часу.

Наканунѣ наряженные по очереди къ обѣдни, человекъ по пяти изъ капральства, одѣтые въ лучшую, по возможности, одежду, тщательно осматриваются фельдфебелемъ и отправляются фронтомъ въ церковь, подъ командою дежурнаго унтера.

— Рота къ артикуламъ! раздается новый зовъ, по уходѣ парадныхъ.

Кантонисты собираются въ самую большую комнату роты и выстраиваются рядами и группами между кроватами. Противъ нихъ располагается, у высокаго стола, учитель, раскрываетъ толстую книгу и начинаетъ читать во всеуслышаніе. Чтò такое онъ читаетъ — богъ-вѣсть. Ясно, правда, звучать въ ушахъ кантонистовъ выраженія: «прогнать шинцрутенами чрезъ сто человекъ три раза, шесть разъ», «ссылается въ каторжную работу на двадцать лѣтъ», «наказывается лезонами тремя стами ударовъ». При этомъ трусливые кантонисты вздрагиваютъ, блѣднѣютъ, опасаясь, какъ бы ихъ сейчасъ не разложили и не отсчитали бы имъ такое число ударовъ. Чтеніе продолжается до возвращенія парадныхъ изъ церкви. Во все время чтенія никто не смѣетъ шевельнуться. Происходило это чтеніе еженедѣльно по воскресеньямъ.

Кончилась обѣдня, кончилось и чтеніе; остается идти въ отпускъ. Но, какъ на зло, предстоитъ еще осмотръ. Собрать всѣхъ гуртомъ и осматриваютъ: сперва—дядьки, потомъ ефрейторы, капралы, правящіе и наконецъ фельдфебель. Сколько придирокъ, сколько неприятностей! Иной совсѣмъ увѣренъ, что сейчасъ уйдетъ домой—и вдругъ препятствіе.

— Отчего сапоги не вычищены? грозно кричитъ ефрейторъ.

— Да они, Ермило Ефимичъ, ужъ такіе шаршавше-сь. Кто ихъ знаетъ? Чистилъ, чистилъ—не отчищаются.

— Ну, и сиди тутъ; домой не пойдешь, рѣшаетъ ефрейторъ и уже обращается къ другому кантонисту, чѣмъ-нибудь провинившемуся предъ нимъ въ теченіе недѣли:

— Ты тоже въ отпускъ? Нельзя. Ступай въ столовую, замѣнишь Егорова. Онъ тамъ дежурный, приказываетъ фельдфебель.

— Будьте добры, пустите. У меня мать при смерти...

— Толкуй, толкуй! Въ столовую!

Немногимъ счастливымъ удается благополучно уйти со двора. Оставшіеся дома пообедали. Унтера, фельдфебеля тоже разошлись кое-куда. Ротами остается править одинъ лишь дежурный унтеръ.

Тутъ только настаетъ настоящій праздникъ. Дозволяется играть, бѣгать, шалить безъ стѣсненія.

Начинаются игры.

Тогчасъ же въ одной комнатѣ сдвигаются двѣ кровати вмѣстѣ, четыре человѣка нагибаются, придерживаясь одинъ за спину другаго руками, и свѣсивъ голову на бокъ (образуя такимъ образомъ изъ себя родъ гимнастической кобылы), а человѣкъ шесть-семь со всего разбѣгу прыгаютъ на нихъ и садятся верхомъ, одинъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не свалится, или не уронитъ другаго. Тогда прыгавшіе замѣняютъ собою кобылу, а служившіе кобылою начинаютъ прыгать.

Въ другой комнатѣ сдвинута, также въ сторону, нѣсколько кроватей, сошьютъ изъ двухъ полотенецъ «жгутъ», сядутъ человѣкъ десять въ однихъ брюкахъ и рубашкахъ на полъ, въ кружокъ, ногами въ средину, накроютъ ноги до туловища двумя одѣялами и всѣ прччутъ подъ нихъ руки, а кто-нибудь и самъ жгутъ. Одинъ, по жребію, садится въ средину, на одѣяла, и по условному крику: «готово»,—его ударяютъ со всего размаху по спинѣ жгутомъ, который мгновенно спрячутъ; ударенный начинаетъ искать жгутъ, между тѣмъ какъ тотъ передается изъ рукъ въ руки, снова ударяетъ его по

боку и снова исчезаетъ подъ одѣлами. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока жгутъ не будетъ найденъ, послѣ чего въ средину круга садится тотъ, кто не успѣлъ схватить жгута. Играющіе входятъ, мало по малу, въ азартъ, шумятъ, пугаютъ, обманываютъ сидящаго въ срединѣ и хлещутъ его безпощадно. Если же искателемъ жгута очутится какой нибудь злой ефрейторъ, или снлетникъ,—ему отомстить за все. Жаловаться, въ этомъ случаѣ, нельзя: игра дозволена, и отъ доброй воли наждаго зависить играть въ нее, или нѣтъ. А когда общественный врагъ ловокъ, ему подкинуть жгутъ подъ бокъ, нодъ спину, знаками дадутъ понять это ищущему, и все-таки заманять его на средину. Стоитъ ему разъ понасть туда, какъ его уже пошли хлестать, пока не натѣшатся вдоволь. Жажда мщенія была чрезвычайно сильно развита въ кантонистахъ. Такъ они, напримѣръ, частенько впередъ сговаривались, человекъ десять, задать баню врагу; поручали кому нибудь изъ его пріятелей пригласить его играть, сами притворно передъ нимъ юлили, егозили, сначала нарочно поддавались ему, а потомъ, раздраживъ успѣхомъ, залучали на средину и такъ колотили, что, по собственному ихъ выраженію, чертямъ тошно становилось.

Многіе изъ уволенныхъ со двора бродили, между тѣмъ, по базару, собирали Христа ради, а гдѣ не подавали—тамъ воровали все, что попадало подъ руку. Ихъ, разумѣется, ловили, причемъ дѣло не обходилось безъ побоевъ.

По воскресеньямъ, пользуясь большою свободою, нѣкоторые смѣльчаки предпринимали экскурсіи съ мародерскою дѣлюю. Снявъ съ шинелей погоны, чтобы не узнали чьи онѣ, берутъ они съ собой, для большаго удобства, еще нѣсколько человекъ и вмѣстѣ отправляются за магазины. Тамъ въ это время множество простонародья изъ военныхъ и невоенныхъ мужчинъ и женщинъ. Это своего рода клубъ.

Тихо, скромно подходятъ компанія къ торговкамъ, съ разныхъ сторонъ, человекъ по три, по четыре. Тѣ, кто съ погонами, начинаютъ спрашивать цѣны продуктамъ, торгуются, а безпогонные высматриваютъ свади ихъ, что ловчѣе схватить. Торговки хоть и глядятъ въ оба, но за многлюдствомъ едва успѣваютъ получать деньги, давать сдачи и отвѣчать на вопросы. Немного постоявъ и улучивъ благопріятную минуту, погонные раздвигаются, безпогонные разомъ выступаютъ впередъ, схватываютъ съ лотковъ торговое что можно,—два, три валача, кусокъ говядины, полпеченки, цѣлую требуху, полпрога или каравай чернаго хлѣба. Затѣмъ они пускаются бѣжать въ разные стороны, бѣгутъ такъ, чтобы ужъ не до-

гнали, а погонные моментально сдвигаются въ прежнее положеніе и опять начинают торговаться, да ругать безпогонныхъ, давая этимъ понять, что между ними и грабителями нѣтъ ничего общаго, подстрекають торговокъ бѣжать ловить мошенниковъ, вызываясь, между тѣмъ, покараулить ихъ товаръ. Иная неопытная торговка поддается ихъ притворному участию и дѣйствительно бросится въ догонку за безпогонными; тогда погонные, пользуясь ея отсутствіемъ, расхватываютъ весь ея товаръ и сами мигомъ разбѣгаются. Опытная же торговка ограничивается тѣмъ, что закричитъ благимъ матомъ, заругается, запроситъ помощи у публики. Но публика, конечно, остается безучастною, состоя преимущественно изъ влюбленныхъ марь, явившихся сюда на гулянье. Когда къ торговкамъ приходили, но праздникамъ, на помощь, ихъ мужья, друзья, имъ иногда удавалось, правда, славливать грабителей; но тогда затѣвлялась чистая война, борьба на жизнь и на смерть. Случалось, что и кантонисты бывали жестоко поколачиваемы; но схваченное съѣстное чрезвычайно рѣдко удавалось отнять у нихъ: кусокъ моментально перелетаетъ въ 10—15-я руки, и исчезаетъ. И купленный на послѣдній пятакъ калачъ, и схваченный грабежемъ брендель, были одинаково дороги кантонистамъ, которые, вернувшись въ казармы, приступали къ пожиранію добытаго превианта. Находились затѣйники, любившіе оживлять ширшество разными необыкновенными подробностями.

— Ну-ка! кричитъ ктонибудь изъ таковыхъ любителей:—кто съѣсть калачъ безъ конца?

— Я!.. Я!.. Я!.. отзывается нѣсколько голосовъ разомъ.

— Не всѣ, не всѣ вдругъ. Ёшь ты, Тихановъ. Только помни: съѣшь—твое счастье, не съѣшь—платишь семидесять (2 коп.) штрафа и остатокъ калача мой. Давай закладъ; вотъ хотъ Иванову.

Залогъ внесенъ; начинается забава. Калачъ вѣшается на нитку, концы которой Ивановъ, какъ посредникъ, держитъ въ воздухѣ, ставъ на подоконникъ. Тихановъ становится на нолу, возлѣ Иванова, опускаетъ руки по швамъ, поднимаетъ голову вверхъ и начинаетъ ѣсть калачъ, прямо ртомъ, отнюдь не дотрогиваясь до него ничѣмъ, кромѣ губъ, зубовъ, и языка. Владѣлецъ калача наблюдаетъ за правильностію операціи, а толпа любопытныхъ окружаетъ ихъ, желая узнать, кто останется въ выигрышѣ. Тихановъ топчется кругомъ калача, кривляетъ лицо, вытягиваетъ губы и дѣлаетъ пресмѣшными гримасы; но никто не смѣется. Занятію, видно, придается серьезность. Отъ калача ужъ остается одинъ тоненькій, обкусанный

крендель, а его-то и надо вобрать въ ротъ цѣликомъ; это-то и составляетъ весь фокусъ, *«съесть безъ конца»*. Медленно, осторожно вбираетъ Тихановъ въ ротъ, понемножку, сгибая крендель, наполняетъ имъ ротъ, дрожить, смѣется, глаза у него наливаются кровью, онъ пыхтитъ, глухо кашляетъ, но продолжаетъ жевать, и наконецъ выплевываетъ одну нитку, привскакивая съ мѣста въ восторгѣ.

— Молодецъ, Тихановъ, право! кричить толпа.

— Экий, дьяволъ, этакій! перебиваетъ бывший хозяинъ калача.—Сожралъ-таки, чтобъ тебѣ лопнуть, чортово отродье. И плюнувъ съ досады на полъ, онъ отходитъ въ сторону. Тутъ же Тихановъ получаетъ назадъ свои 2 коп.

Другой предлагаетъ:

— А кто, ребята, перешибетъ одною рукою четыре кренделя? Объ десятишникъ (3 коп. сер.) закладъ.

— Идетъ, отзывается Колоколовъ, силачъ, лѣтъ 20 съ хвостикомъ.

Толпа окружаетъ и этихъ.

Колоколовъ отдаетъ закладъ, беретъ изъ рукъ Пустошкина крендели, кладетъ ихъ на планку кровати, притискиваетъ одну половину ихъ сверху лѣвою рукою, раскачиваетъ, въ воздухъ, правою, и ударяетъ ею съ размаху по кренделямъ. Три половинки отлетѣли на полъ, а четвертая осталась въ висачемъ положеніи.

— Сорвалось! вскрикиваетъ толпа со смѣхомъ.

— Ну, да, сорвалось, сволочь проклятая! ругается Колоколовъ.—Да и какъ тутъ не сорваться, ежели крендели мягки, какъ тѣсто? Будь они сухіе—десятокъ перешибу, а тутъ ничего не подѣлаешь!

— Да ужъ не оправдывайся—не повѣримъ, дразнить толпа.—Какой же ты такой силачъ, когда четырехъ кренделей не перешибъ? Отинишь ты, братъ, ужъ не силачъ, а скоморохъ, ящерица; вотъ ты чтó такое сталъ.

— Ребята, салазки на бокъ сворочу. Видѣли чѣмъ пакнеть? И Колоколовъ показываетъ толпѣ свой увѣсистый кулакъ.

Толпа утихаетъ. Пустошкинъ собираетъ съ полу кусочки кренделей, беретъ отъ посредника 3-копеечную монету Колоколова и хочетъ уйти.

— Эй ты, Пустошка! Дай-ко кренделька отвѣдать, не то просить, не то требуетъ Колоколовъ.—Разбодудеь деньгами—самъ подѣлюсь.

— На, отвѣчаетъ Пустошкинъ, подавая Колоколову два полукрендела.

— Кто, ребята, хочет въ орлянку играть, либо въ карашки—маршъ за мной, говорить Колоколовъ и уходить. Нѣсколько человѣкъ послышѣе и побойчѣе отправляются за нимъ.

Сзади манежа, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, велась игра въ орлянку и на рубли, и на гривенники, и на нѣсколько копеекъ, и на связку костяжекъ, и на дюжину мѣдныхъ пуговицъ, и даже на лишнюю ситцевую рубашку. Здѣсь сходились солдаты, смѣльчани-кантонисты, мѣщане и иной простой людъ. Образовавъ кружокъ, игроки вызывали желающихъ караулить: не идетъ ли начальство, или полиція; за это выигравшій обязанъ былъ вознаграждать ихъ по копейкѣ съ выиграннаго гривенника, по 3 пуговицы и по 4 костяжки съ выигранной дюжины. Начинали игру всегда съ пуговицъ и костяжекъ, потомъ, присмотрѣвшись къ игрѣ другъ друга, переходили къ деньгамъ. Рѣдная игра кончалась безъ драки. Вили тѣхъ, кто металъ двухорловою монетою, кто фальшивою тревогою схватывалъ съ кону деньги.

Игра въ самомъ разгарѣ.

— Эхма! послѣдній пятакъ ставлю ребромъ, молвилъ Колоколовъ, пристально оглядывая игроковъ.—Ахъ! братцы мои, въ слободѣ-то никакъ пожаръ? внезапно вскрикиваетъ онъ.—Ну, ей же ей пожаръ! Поглядите-ка дымъ-то, дымъ-то, столбомъ такъ и валить, такъ и валить. А-ну, да ежели и моя тетушка сгорить? разсуждаетъ онъ, нѣсколько спокойнѣй.—Эхъ тетушка, тетушка, что-то съ тобой станется...

— Да гдѣ пожаръ-то? И дыму не видать, возражаютъ неопытные игроки.—Вишь какъ схлопалъ.

— Глазъ, что ли, у васъ нѣтъ? подхватываетъ другой опытный игрокъ.—Глядите влѣво-то, влѣво, за крѣпость... Вонъ пламя-то, какое страшное. Толпа оглядывается по указанію.

— Разъѣвайте рты пошире, авось галка влетитъ, крикнулъ Колоколовъ, схвативъ съ земли, сколько удалось, денегъ, и стрѣлою полетѣлъ въ сторону. Два, три ловчака послѣдовали его примѣру.

Толпа опомнилась. Увидавъ себя обманутою, она съ остервенѣніемъ кинулась подбирать остатки, била, грызла и душила другъ-друга, а обманувшіе ихъ, отбѣжавъ на порядочное разстояніе, дразнятся: «Ну что, пожаръ-то большой? Пламя-то красное, али бѣлое? Ахъ вы фофоны, фофоны этакіе». Толпа не вытерпѣла—бросилась въ погоню.

— Подступись-ка, подступись, кому жизнь надоѣла: убью какъ пять дамъ! кричитъ Колоколовъ, помахивая длиннымъ

железнымъ прутомъ и постепенно убѣгая къ казармамъ.—Подходи, ребята, подходи, авось черепъ раскрою пополамъ!

Изъ множества способовъ разнимы на чужой счетъ, кантонисты придерживались преимущественно грабежа посредствомъ фальшивой тревоги. Они были такъ легки на ногу и преворны, что почти всегда убѣгали съ деньгами. Начальство, провѣдавъ про игру въ орлянку за манежемъ, частенько посылало туда и кантонистскую и городскую полицію; но и та и другая оказывались бессильными. Для защиты отъ непріятеля у игроковъ постоянно водились и палки, и камни, и свинчатки, и все, чѣмъ только можно драться. Въ руки нитю не давался. За то и пойманныхъ жестоко, до полусмерти наказывали.

— Эй вы, сволочь, кто жрать хочеть, бѣги за калачами, выываеть Колоколовъ, вернувшись въ роту съ деньгами.

— Я!.. я!.. я!.. Колоколова окружаетъ цѣлая толпа.

— Сказалъ «раздобуду денегъ», и раздобылся. Нѣ-вотъ, Голубевъ, пятиалтынный, поиди купи десятокъ пятаковыхъ калачей. А другой пятиалтынный побережемъ про черныи день.

— Неужели тридцать копеекъ стащилъ? спрашиваетъ завистливая толпа.

— Извѣстно; что-жъ тутъ мудренаго: я вѣдь не вы—сморчки такіе; я всякого, кто помѣшаетъ, либо остановить—въ смятку разшибу.

Немного погодя посланный приносить на мочалкѣ связку калачей, которые Колоколовъ тутъ же и раздаеть, оставляя себѣ львиную долю. Всѣ совершенно довольны.

Съ наступленіемъ сумерекъ, уволенные въ отпускъ возвращаются въ роты, и всякій что-нибудь несетъ изъ съѣстнаго, у иныхъ даже потъ градомъ ватится съ лица отъ тяжести ноши. Начинается дѣлежъ харчей глядя по достоинству и значенію каждаго. Немного погодя всѣ ѣдятъ, оживляются; смѣхъ, шутки слышатся отовсюду; почти всѣ въ веселомъ настроеніи духа.

Время это самое опасное для многихъ кантонистовъ-начальниковъ. Имъ частенько грозитъ опасность быть избитыми гдѣ-нибудь въ темномъ углу; бойцовъ найти не трудно, когда есть чѣмъ заплатить за услугу. За нѣсколько кусковъ съѣстнаго, какой-нибудь смѣльчакъ подговариваетъ товарищей и съ ними, подварауливъ врага, набрасываетъ ему на голову, часто съ его же кровати снятое одѣяло, зажимаетъ ему ротъ и поколачиваетъ сколько удастся, послѣ чего всѣ разбѣгаются въ разные стороны, какъ ни въ чемъ не бывало...

Ужинать ходили по воскресеньямъ весьма немногіе. Повѣра

производилась безъ осмотровъ одежды и фізіономій; освѣдомлялись только, всѣ ли на лицо.

Такъ кончалась кантонистская недѣля, однообразная, тупая, одуряющая недѣля! А съ слѣдующаго утра—опять прежняя пытка, горячечная гоньба изъ угла въ уголъ, безъ мысли, безъ цѣли, безъ малѣйшаго признака человѣчности. И такъ долгіе, долгіе годы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Впечатлѣнія и интересы новобранцевъ.

Тяжелъ былъ гнѣтъ мрачной жизни въ заведеніи. Дни тонули за днями, принося съ собою новыя мученія, физическія и нравственныя, которыя жестоко извращали натуру несчастныхъ мальчиковъ. Прямо изъ деревни, съ воли, попадали они въ этотъ омутъ и дѣйствительность сразу обдавала ихъ всею грязью, которою думали замѣнить кантонистамъ воспитаніе. На каждомъ шагу кобон, ровги, примѣры злобы, зависти и несправедливости—такова была программа, принятая въ руководство. Новичокъ, съ перваго же дня вступленія въ заведеніе, начинаетъ чувствовать на собственной шкурѣ всю тяжесть этого быта, изъ котораго не предстоило выхода въ теченіе многихъ лѣтъ. Дядька колотилъ его чѣмъ попало за малѣйшую оплошность, капралъ съѣлъ розгами, морилъ по ночамъ на дежурствѣ. Начальство, съ своей стороны, не скупилось на истязанія. Голодные и холодные, бѣдняги и ночью не знали отдыха.

На эту каторгу, между прочими дѣтьми, попали двое мальчиковъ: Ивановъ и Степановъ. Уже съ полгода находились они въ заведеніи и начинали мало по малу выкарабкиваться изъ новичковъ. По натурѣ оба впечатлительныя, они нелегко мирились съ окружавшею ихъ обстановкою. Сблизившись между собою, они привязались другъ къ другу съ дѣтскою горячностью и любили проводить время вмѣстѣ, толкуя объ общемъ горѣ, вспоминая о родныхъ и о томъ, что дѣлалось тамъ, на родинѣ. Бесѣды ихъ, ради удобства, происходили болѣею частію по ночамъ. Много горькихъ слезъ проливали

они вмѣстѣ, и эти слезы еще крѣнче запечатлѣвали ихъ дружбу.

Разъ, ночью, когда Степановъ стоялъ на часахъ, къ нему подошелъ Ивановъ, уградкою пробравшійся съ своей постели, чтобы потолковать съ пріятелемъ.

— За свою очередь часы-то стоишь? спросилъ вполголоса Ивановъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Степановъ, очень довольный посѣщеніемъ.— За дядьку. Потому, я третьева-дни пуговицу потерялъ, ну, а онъ мнѣ досталъ другую.

— Онъ добрый?

— Противъ другихъ — добрый.

— Ишь, счастье тебѣ! А мой-то, — Боже упаси! Таска каждый день, да еще голодомъ морить. Господи, да за что же?.. Слезы завапали у мальчика изъ глазъ.

— Знаешь что? сказалъ онъ вдругъ, стиснувъ зубы.

— Ну?

— Убѣжимъ отселева!

— Что ты!

— А что? Ей-богу. Потому лучше въ рѣкѣ потопимся... знаешь, тамъ, за оврагомъ... Нешто жизнь сладкая?..

— Убѣжишь тутъ! въ раздумѣ возразилъ Степановъ:— слыхалъ, что съ бѣглыми-то дѣлаютъ? Вчера, вонъ, фельдфебель приказывалъ капралу намочить въ теплой водѣ пучковъ тридцать розогъ, да соли насыпать въ воду: лучше, вишь, размокнуть. Самъ начальникъ, слышь, станеть наказывать бѣглаго. Говорятъ, шестой ужъ разъ убѣгаетъ, да все славиваютъ.

— Нейметса?.. Да вѣдь житя-то нѣтъ! Бьютъ-то вѣдь ужъ очень больно...

— А за побѣгъ-то еще больнѣй попадетъ! Вотъ чего я боюсь. А ты, Вася, ежели тебѣ ученье нейдетъ въ голову,—попросись въ классъ у своего ефрейтора, у Орлова. Онъ, сказываютъ, тамъ старшимъ, — онъ тебя выхлопочетъ въ классъ, а тамъ, можетъ, и грамота пойдетъ тебѣ на умъ. Писаремъ станешь, а писарямъ, слышь, славное житье. Право, попросись-ка ты въ классъ; попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

— И то, нешто попроситься? Грамотѣ выучусь, домой вѣсточку напишу. То-то, чай, обрадуются! Денегъ, можетъ, пришлютъ; мы съ тобой говядины купимъ.

— Извѣстно. Эхъ, напрасно ты про говядину вспомнилъ: смерть ѣсть захотѣлось...

Далѣе разговоръ ихъ перешелъ къ деревенскимъ воспоминаніямъ и роднымъ. Увлечшись близкимъ сердцу предметомъ,

они не замѣтили, когда смѣнилась вторая смѣна, и очнулись только тогда, какъ услышали крикъ дежурнаго: «печки затоплять», что значило 4¹/₂ часа утра, — половина третьей смѣны. Струхнули мальчики: начальство могло подумать, что они проспали смѣну, а за это грозило наказаніе. Во избѣжаніе неприятностей, разбудивъ потихоньку очередныхъ часовыхъ, они попросили ихъ никому не говорить о поздней ихъ смѣнѣ. Тѣ, не совѣмъ еще старше кантонисты, слѣдовательно, не остервененные противъ ближнихъ, сочувствуя горю новичковъ, охотно согласились молчать.

Настало утро слѣдующаго дня, а съ нимъ все, читателю коротко уже знакомое. Кончилось ученье. Роту свели въ самую большую комнату, куда явились барабанщики-палачи. Кантонисты поблѣднѣли, даже позеленѣли отъ страха. Всѣ поняли, что готовится истязаніе. Но кого, за что будутъ наказывать? Это оставалось загадкою для большинства. Вскорѣ пришелъ начальникъ заведенія, полковникъ Курятниковъ.

— Кровати сдвинуть и выстроиться въ каре, произнесъ онъ. Передвиженіе совершилось. — Бродягу сюда!

Ввели кантониста Месарева. Онъ былъ лѣтъ 14, маленькаго роста, худенькій, черненькій, точно мертвецъ блѣдный и весь трясся. Остановясь среди каре, онъ повелъ кругомъ мутными глазами. Картина была невеселая: въ углу ушатъ съ водою, изъ котораго торчали пучки розогъ; сдвинутыя кровати и вокругъ толпа блѣдныхъ, исхудалыхъ кантонистовъ и нѣсколько сытыхъ, румяныхъ начальниковъ. Месаревъ опустилъ голову, руки машинально упали по швамъ и онъ сталъ, какъ вкопанный.

— Мало, вѣрно, я тебя прошедшій разъ поролъ? Еще захотѣлъ? началъ начальникъ. — Изволь, спущу теперь шкуру съ шеи до пятокъ. Говори: изъ-за чего опять бѣжалъ? говори! Начальникъ злобѣще сверкнулъ глазами и подступилъ къ Месареву со сжатыми кулаками.

— Ей-богу, противъ воли бѣжалъ, заговорилъ Месаревъ глухимъ голосомъ. — Голодъ, холодъ, побои, дранье, бессонныя ночи... Не могу я... мочи моей нѣтъ... Ваше благородье! Будьте отецъ! отпустите меня въ деревню!.. Лицо мальчика вдругъ вспыхнуло и тотчасъ же снова поблѣднѣло; голосъ у него оборвался.

— Ну? Еще что? спросилъ Курятниковъ, играя со своею жертвою.

— Ваше благородье, ваше вскоблагородье! застоналъ Месаревъ и, захвативъ руками свою голову, повалился на колѣни.—

Пусти́те, пусти́те меня́ въ дере́вню! Тамъ́ ма́ть у меня́... Меня́ здѣ́сь бьютъ, меня́ здѣ́сь голодомъ́ морятъ... Господи!

Курятниковъ́ усмѣхнулся.

— Тамъ́ тебѣ́ ласки́ надо?.. Все это мы тебѣ́ дадимъ́, сейчасъ́ дадимъ́ вдоволь. Раздѣ́вайся!

Месаревъ́, какъ́ ужаленный́, вскочилъ́ на ноги. Легкая́ судорога́ пробѣ́жала по его́ членамъ́ и лицо́ еще́ сильнѣ́е поблѣ́днѣло. Въ́ первый́ разъ́ въ́ жизни́ взглянулъ́ онъ́ смѣ́ло начальнику́ въ́ глаза; потомъ́ спокойно́ скинулъ́ съ́ себя́ рваную́ шинелишку́, разостлалъ́ ее́ по́ полу, за нею́ зимнія́ брюки́, бѣ́лье, все́ положилъ́ въ́ голову, легъ́ и жда́ть...

Страшно́ было́ видѣ́ть въ́ ребенкѣ́ это́ мертвое́ спокойствіе.

— Начи́най! скомандова́лъ нача́льни́къ.

Варабапщии́ подступили́ съ́ обѣ́ихъ́ сторо́нь. Сначала́ Месаревъ́, послѣ́ кажда́го́ удара́, однообразно́ вскригива́лъ попере́мѣ́нно: «поми́луйте, вашескоро́дье, вашескоро́дье, поми́луйте!» потомъ́ го́лосъ́ его́ постепенно́ сла́бѣ́лъ, сла́бѣ́лъ и онъ́ точно́ уснулъ́ подъ́ ударами́...

Безчувственный́, еле́ дыша́щій лежалъ́ Месаревъ́ съ́ дѣ́йствительно́ спущенною́ шку́рою съ́ ше́и до́ пято́къ. Страшные́ волдыри́, живо́е мя́со, лоскуты́ кожи́ видѣ́лись повсю́ду. Грома́дныхъ́ трудовъ́ стоило́ вы́тащить́ изо́ рта́ его́ руку́, пальцы́ кото́рой́ были́ иску́саны́ до́ костей; запе́кшаяся́ кро́вь преврати́лась въ́ багровую́ массу́, тогда́ какъ́ изо́ рта́ струи́лась́ пи́на. На́ близь́ стоя́вшей́ кровати́ разостла́ли прости́ню, подняли́ Месарева́ съ́ полу́, положи́ли на́ эту́ кровать́, сбрызнули́ хо́лодною́ водою́, завернули́ прости́нею́ и на́крыли́ одѣ́яломъ́.

— Ну, что́? говори́лъ между́ тѣ́мъ Курятниковъ́, поглядыва́я на́ растеря́вшихся кантонистовъ́. — Пусть́ кто-нибу́дь попро́буетъ́ бѣ́жать!

Но, вмѣ́сто словъ́, рота́ отвѣ́чала́ глухимъ́ стономъ́.

Курятниковъ́ ушелъ́. Роту́ повели́ обѣ́дать, но́ многіе́ кантонисты́ и не́ прика́сались́ къ́ пи́щѣ: предше́ствовавшее́ обѣ́ду зрѣ́лище́ отняло́ у́ нихъ́ аппети́тъ. И не́ только́ это́тъ, но́ и нѣ́сколько́ послѣ́дующихъ́ дней́ сряду́ кантонисты́ продо́лжали́ толкова́ть о́ случившемся́ съ́ ужасомъ́ въ́ лица́хъ; а́ тѣ́, кто́ пре́жде и самъ́ не́ чу́ждъ́ былъ́ намѣ́ренія́ убѣ́жать, тепе́рь́ страши́лись́ даже́ и вспо́мнить́ свою́ за́вѣ́тную́ мы́сль.

Месаревъ́, отпра́вленный́ въ́ лазаре́тъ, по́лечившись́ тамъ́ мѣ́сяца́ полтора́, выпи́сался́, по́жилъ́ въ́ ротѣ́ съ́ мѣ́сяць́ и о́пять́ убѣ́жалъ́, но́ снова́ былъ́ пойманъ́, на́казанъ́ и лече́нь. По́ возвраще́ніи́ въ́ роту́, онъ́ снова́ бѣ́жалъ́; такъ́ что́, въ́ общей́ сложности́, онъ́ за́ совершенные́ имъ́ 10—12 побѣ́говъ́ получи́лъ

до четырехъ тысячъ розогъ. Въ результатѣ у него оказалась такая привычка къ розгамъ, что его никогда не держали, онъ никогда не вертѣлся подъ ударами и не кричалъ, а въ послѣднее время даже самъ велъ счетъ имъ, и, что всего замѣчательнѣе, никогда не ошибался. Этого мало: онъ добровольно позволялъ себя наказывать 20—30-ю ударами любому кантонисту, требуя за это какой-нибудь ломоть хлѣба, въ голодную пору. Всѣ побѣги его оказывались неудачными, вѣроятно, по той причинѣ, что всѣ полицейскіе въ городѣ и всѣ сотскіе и десятскіе окружныхъ мѣстностей коротко знали его и тотчасъ ловили. Убѣжавъ въ послѣдній разъ, онъ, однако, какъ въ воду канулъ.

Исторія съ Месаревымъ имѣла подавляющее вліяніе на двухъ маленькихъ друзей: Степанова и Иванова. Съ тѣхъ поръ у нихъ и рѣчи уже не было о побѣгѣ. За то пущено было въ ходъ все стараніе, чтобы попасть въ классъ. Стараніе привело къ цѣли: ефрейторъ Орловъ выхлопоталъ исполненіе просьбы Иванова: онъ былъ переведенъ въ классъ. Степанову также вдругъ повезло: его сдѣлали вице-ефрейторомъ. Впрочемъ, повышение это имѣло для него и непріятную сторону. Походивъ наружностію на одного изъ ординарцевъ, состоявшаго въ должности ефрейтора, онъ былъ приставленъ къ нему въ качествѣ вѣстового. Тутъ онъ подвергся особенно сильной выправкѣ, которая, наконецъ, привела къ тому, что не вынесъ, заболѣвъ горячкою и попалъ на излеченіе въ лазаретъ заведенія.

Х.

ЛАЗАРЕТЬ.

Лазаретъ отличался отмѣнною чистотою и опрятностію какъ внутри, такъ и снаружи. Это и составляло, конечно, главную заботу начальства, которое совершенно забывало въ своихъ предначертаніяхъ тѣхъ, для кого былъ построенъ лазаретъ. Больныхъ кормили до того скверно, что надо было удивляться, какъ они не умирали съ голоду. На лекарство начальство также не любило тратиться, предпочитая домашнія средства, въ родѣ горчичниковъ, слабительнаго, шалфея и ромашки. Въ большомъ ходу были также, такъ-называемыя, *заволоки*, какія дѣлаются лошадямъ и уже совершенно ничего не стѣять.

Начальствовали надъ лазаретомъ: старшій и младшій лекаря, старшій и два младшихъ фельдшера. Старшій лекарь и млад-

шіе фельдшера въ медицинѣ положительно ничего не смыслили; младшій лекарь самъ былъ постоянно боленъ и въ отпускахъ, а старшій фельдшеръ Осиповъ хоть и хорошо зналъ свою часть и былъ человекъ добрый—но горьчайшій пьяница и нерѣдко, будучи во хмѣлю, причинялъ множество бѣдъ въ лазаретѣ.

Отправлялись въ лазаретъ преимущественно извѣщенные, искалѣченные и заморенные кантонисты, а частію и добровольно. Бывало, опротивить иному кантонисту ходить на ученье, или захочется отдохнуть отъ казарменныхъ тревоженій, натретъ глаза мелкимъ кирпичомъ, или известью, расковыряетъ гвоздемъ ногу, или надрѣжетъ кускомъ стекла палець, и дастъ ему распухнуть. Затѣмъ, получивши за это изрядную поронцу, отправляется въ лазаретъ лечиться. Долго залеживаться въ лазаретѣ, впрочемъ, никому не давали.

Больныхъ, державшихся на ногахъ, посылали ежедневно, весною и половину лѣта, подъ командою унтера, въ поле, въ лѣсъ, собирать различныя, для леченья пригодныя, травы. Осенью же ихъ заставляли обчищать, промывать и сортировать эти травы по цвѣтамъ, по величинѣ и по достоинству листьевъ. Наконецъ, зимою больныхъ занимали толченьемъ различныхъ медицинскихъ снадобій, клейкою коробочекъ, щипаньемъ корпіи, приготовленіемъ бинтовъ, компрессовъ и проч. За неисправности, лѣность и шалости въ лазаретѣ съили и колотили совершенно такъ же, какъ въ ротѣ. Вся выгода лазаретнаго житья противъ ротнаго заключалась въ томъ, что въ немъ не было ученій, не было экзаменовки пунктиговъ и прочей муштровки.

Больные дѣлились на три отдѣленія: въ первомъ находились трудные больные; во второмъ—съ наружными болѣзнями, а въ третьемъ—глазные.

Утро. Старшій, древній лекарь производитъ визитацію.

— Какъ твое здоровье? спрашиваетъ оцъ лежащаго больного.

— Плохо-съ, едва выговариваетъ спрошенный. — Ночь не спалъ... кашель... грудь... изныла...

— Говори шибче: не слышу!

— Не могу-съ... духъ захватываетъ.

— Духъ захватываетъ? Это еще что за вздоръ. Не молишь-ся, вѣрно, Богу, вотъ и духъ захватываетъ. Читай вслухъ «Отче нашъ».

— Голосу нѣтъ-съ... не могу...

— Читай, читай, тебѣ говорить, не то сейчасъ же дошибу!

кричать лекарь, трепля больного за ухо, или отпустивъ ему щелчокъ по носу.—Лѣннисья, а не «не могу». Ну-же!

— Отче нашъ, иже еси... шепчетъ больной, обороняя голову отъ лекаря обѣими руками.

— Громче, не слышу! Громче!

— Яко на небесѣхъ и на землѣ-сь...

— Врешь, подлець. Начиная снова, да не пропускать. Больной снова читаетъ «Отче нашъ», лекарь слушаетъ, понукая его кричать громче. Повторивъ молитву два-три раза, больной выбивается изъ силъ, закрываетъ глаза и затихаетъ.

— Положить ему на лобъ полотенце, намоченное уксусомъ, приказываетъ лекарь:—окутать хорошенько одѣяломъ, чтобы вспотѣлъ; а какъ очнется, дать ему слабительнаго и къ завтраму вся хворость сойдетъ съ него, какъ съ гуся вода. И онъ уходитъ дальше.

— Покажи-ка, въ какомъ положеніи твоя нога? продолжаетъ онъ, во второмъ отдѣленіи.

— Больно очень развязывать-то-сь, позвольте лучше такъ оставить, просить больной.

— Я те оставлю! Развяжи!

Больной морщась и ёжась развязываетъ.

— Вишь, какая мерзость! Смотрѣть-то даже тошно. Воды и мочалку сюда! Является служитель съ тазомъ холодной воды и мочалкою.

— Промой ему хорошенько рану.

— Помилосердствуйте, вашескородье! Ей-ей, не вытерпѣть.

— Молчать!

Служитель начинаетъ дѣйствовать мочалкой съ такимъ усердіемъ, будто онъ не ногу, а полъ моетъ. Больной терпитъ, терпитъ, и наконецъ съ крикомъ вырываетъ ногу.

— Пачкайся около тебя, внушаетъ ему раздосадованный докторъ:—хлопчи, а ты вмѣсто благодарности—еще ревешь и врешься? Ахъ ты, мерзавецъ этакій! Подержать его!

Два служителя стиснуть больного, а третій моетъ рану, нажимая съ такою силою, что не только изъ нея, но и изъ сосѣднаго здороваго мѣста начинаетъ сочиться кровь. Больной кричитъ во все горло.

— Будеть! скомандуетъ лекарь.—Вложить въ рану корпию, обвязать покрѣпче ногу, а за его крикъ дать ему на сегодняшня сутки полбулки и смотрѣть за нимъ въ оба. Послѣ такого внушенія, лекарь отправляется въ глазное отдѣленіе.

— А твои глаза все еще гноятся? скажетъ, бывало, онъ, под-

ходя къ одному изъ мальчиковъ.— Должно быть, опять натеръ ихъ известкой?

— Никакъ нѣтъ-съ... Ей-богу не виновать.

— Я вотъ тебѣ дамъ «не виновать!» Подать мнѣ лянисъ.

— И такъ заживуть, право слово, заживуть-съ, не жгите только глаза... Сжальтесь ради Бога.

— Подержать его!

Тутъ происходитъ сцена: больного схватываютъ, а лекарь принимается прижигать ему глаза. Больной вертится, кричитъ.

— Вотъ же тебѣ, вотъ же тебѣ, дрянъ эдакая, приговариваетъ врачъ, тыкая больному лянисомъ въ глаза, куда попало.

Напрягши всѣ свои силы, больной вдругъ вырывается отъ мучителей.

— Такъ вотъ ты каковъ? Ге-ге-ге! Поймать его и подать мнѣ инструментъ: сейчасъ мы ему заволоку зададимъ.

Больной снова въ мощныхъ рукахъ, а лекарь, проколовъ ему за ухомъ здоровое тѣло, просовываетъ насвозъ веревочку, которую дергаетъ изо всей силы взадъ и впередъ.

Единственное утѣшеніе несчастныхъ кантонистовъ состояло въ томъ, что судьба послала имъ хоть одного хорошаго человѣка, въ лицѣ старшаго фельдшера, Осипова. Онъ одинъ, среди этой массы зла, относился къ мальчикамъ съ состраданіемъ. Бывало, сядетъ на кровать какого нибудь больного, а у самаго глаза такіе ласковые.

— Что, другъ, говорить:—небось притворяешься?

— Иванъ Осипычъ, тамъ въ ротѣ житья нѣтъ, отвѣчаетъ больной.

— Отдохнуть, значить, хочешь?

— Такъ точно-съ. Не гоните.

— Ну, ужъ ладно; только не залеживайся. Тутъ, братъ, отъ одного здѣшняго поганого воздуха помрешь. Небось и ѣсть хочешь?

— Какъ не хотѣть!..

— Ну, я тебѣ первую порцію выпишу.

— Нельзя ли, Иванъ Осипычъ, и мнѣ первой порціи? просить другой больной:—а то какъ я на полбулкѣ-то проживу?

— Тебѣ, голубчикъ, первой порціи я назначить немогу: лекарь за это меня самого отдуетъ. А ты зайди ужѣ ко мнѣ въ комнату, тамъ и поужинаешь.

— Слушаю-съ. Чувствительно васъ благодарю-съ.

— Позвольте, Иванъ Осипычъ, просить васъ снять съ меня мушку? просить глазной. — Вся шея распухла, кожа слѣзла,

твой печетъ внизъ; рубашка дрищдаетъ къ спинѣ. Мнѣ рѣдительно спать невозможно.

— Теперь, голубчикъ, снять не могу; а потерпи до завтраго: лекарь уѣдетъ въ деревню, я и сниму.

— Будьте такъ добры; вѣкъ не забуду.

— Сниму, сниму, потерпи немного. Что дѣлать? всѣ терпимъ.

На слѣдующее утро, едва лекарь уѣхалъ въ деревню, лазаретъ мигомъ превратился въ гудбище. Управлять лазаретомъ остался Осиповъ. Снявъ съ больныхъ всѣ мушки, всѣ заволоки, повыкинувъ за окно всѣ стеклянки съ прописанною лекаремъ микстурою, Осиповъ выписалъ отличныя порціи, а труднѣе, въ добавокъ къ порціямъ, и топленого молока, пива, краснаго вина, и самъ пустился ухаживать за ними, захопотаъ, засуетился. Больные сыты по горло, спокойны, повеселѣли, запрыгали. День прошелъ незамѣтно. Но къ вечеру Осиповъ ужъ выпилъ, по обыкновенію, не въ мѣру, ушелъ прогуляться и не являлся цѣлыя сутки. Младшіе фельдшера и служители, пользуясь его отсутствіемъ, тоже отправились погулять, оставивъ больныхъ безъ лекарствъ, безъ ухода.

Въ такое время случалось, что больные, брошенные на произволъ судьбы, умирали—да и хорошо дѣлали, потому что хоть смертью освобождались отъ мученичества.

Вернувшись изъ деревни, лекарь принимался водворять въ лазаретѣ старыя порядки; разсылалъ по городу искать Осипова, котораго обыкновенно приводили пьянаго, безобразнаго. Лекарь, вспрямивъ, требовалъ розогъ и тутъ же задавалъ старшему фельдшеру превосходную поронку.

— Перестанешь ты, скотина, пьянствовать, или нѣтъ? такъ начиналъ онъ увѣщевать Осипова, послѣ эвекудинъ.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ, по обыкновенію, Осиповъ, пощадившись изъ стороны въ сторону.—Ручаться нельзя-съ, быть можетъ... Пожалуйте на косушечку.

— Стыдно! стыдно! внушаетъ лекарь.—Человѣкъ ты способный, вездѣ принять, имѣешь хорошую практику, а не отстаешь отъ этой поганой водки. Вѣдь мнѣ за тебя совѣстно, право; совѣстно пороть-то тебя, да нельзя: изъ терпѣнья выводишь. Ради Бога не пей! ошастливлю... въ чиновники провизведу, одѣну-обую на славу, богатую невѣсту найду; все для тебя сдѣлаю, только не пьянствуй.

— Все это такъ-съ... Я всего стою, это точно-съ... Ну, а ежели вы меня ужъ выдрали, то пожалуйста же на косушечку. Опохмѣляться мнѣ теперь крайне необходимо, а тамъ впереди, Богъ милостивъ. Произведусь, женись и какъ разъ перемѣ-

нись. Да-съ, и водку пить перестану, право перестану. Пожа-
луйте-жь полтинничекъ на поправку чердака.

— На тебѣ цѣлый рубль, только ради Бога не напейся.

— Нѣтъ-съ, не напьюсь, а только поправлюсь, а то и тѣ-
ло, да и чердакъ трещать.

Получивъ деньги, Осиповъ уходилъ, въ сопровожденіи слу-
жителя, въ свою комнату, послалъ за водкою и, «поправив-
шись», снова вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей и
велъ себя безукоризненно до слѣдующаго кутежа.

Лекаръ снисходилъ къ Осипову не изъ чловѣколюбія, а изъ
личной выгоды: онъ прописывалъ рецепты частнымъ своимъ
паціентамъ всегда съ совѣта Осипова, къ труднымъ больнымъ
бралъ его съ собою на консультацію и подъ веселую руку
самъ сознавался, что Осиповъ знаетъ дѣло лучше его. Будь
Осиповъ чловѣкъ трезвый, онъ бы навѣрное отбилъ у лекаря
всю практику; но теперь *юспода* боялись, какъ бы онъ, съ пья-
ныхъ глазъ, не далъ больному, по ошибкѣ, яду, вмѣсто ле-
карства. Тѣмъ не менѣе, если лекарю приводилось прописать
какому-нибудь барину рецептъ экспромptomъ, то почти всякій
такой больной тотчасъ прислалъ за Осиповымъ и показывая
ему (трезвому) рецептъ, спрашивалъ: «годится ли лекарство?»
и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, тотчасъ же посылалъ въ
аптеку; отрицательный же отвѣтъ Осипова имѣлъ послѣдствіемъ
то, что больной рвалъ рецептъ и, ругая лекаря «остолопомъ»,
просилъ фельдшера прописать новое лекарство.

Попавъ въ лазаретъ, Степановъ также вкусилъ всѣхъ пре-
лестей тамошней жизни, хотя, къ счастью, большую часть
своего пребыванія тамъ находился въ безпамятствѣ. Выздоров-
леніе его пришлось, впрочемъ, ко времени одной изъ отлучекъ
лекаря въ деревню, когда лазаретъ, по обыкновенію, очутился
подъ надзоромъ Осипова. Весьма довольный этимъ обстоятель-
ствомъ, Степановъ рассчитывалъ, что ему удастся хорошенько
отдохнуть въ больницѣ; но тутъ случилось обстоятельство, раз-
рушившее его предположеніе. На дворѣ была весна, а въ это
время года въ заведеніи ежегодно совершался инспекторскій
смотръ. Начальство выказывало усиленную дѣятельность по
части приведенія всего въ должный порядокъ, отчего кантони-
стамъ приходилось еще круче обыкновеннаго. Больныхъ также
не забывали: ихъ гнали изъ лазарета, не давъ окончательно
поправиться и заботясь только о томъ, чтобы высшее началь-
ство, заглянувъ въ опустѣлую больницу, вынесло благопріят-
ное мнѣніе о санитарномъ состояніи заведенія. Въ числѣ из-
гнанныхъ изъ лазарета былъ и Степановъ.

XI.

Годи́чный инспекторскій смотръ.

Съ конца апрѣля по всему уже можно было замѣтить, что въ заведеніи ожидаютъ инспекторскаго посѣщенія. Кантонистамъ велѣно было приносить, между ученьями, изъ цейхауза, смотровыя вещи и по двѣ перемѣны бѣлья на каждаго; вездѣ стали рѣзать казенныя мучныя кули, щипать ихъ на мелкую мочалу съ тѣмъ, чтобы набивать ею новыя тюфяки и подушки. Потомъ всю будничную, рваную одежду попрятали на чердаки: носить это время дозволялось только смотровую. Затѣмъ слѣдовало неприятѣйшее изъ приказаній—пришить къ шинелямъ, курткамъ, брюкамъ, галстукамъ, подтяжкамъ и сапогомъ ярлыки. Послѣдніе состояли изъ небольшихъ кусковъ холста или кожи, на которыхъ, со всею тщательностью, надлежало выставить *печатными* буквами въ двѣ строки названіе роты, имя и фамилію кантониста. Ярлыкъ пришивался съ чрезвычайною аккуратностью и за дурное печатаніе его отвѣчалъ печатальщикъ, а за кривую, невѣрную, или некрасивую его пришивку — владѣлецъ вещи. Ярлычокъ, пришитый къ одному смотру, никогда не годился къ другому: смотровыя вещи лежали по полугоду и болѣе въ пыли, въ сырости, отчего краска на ярлычкахъ желтѣла, стиралась и марала весь ярлычокъ. Печатаніемъ ярлычковъ занимались человѣкъ 5 — 6 въ ротѣ. Кантонистъ, выучившись самоучкою печатать ярлычки, имѣлъ постоянный хорошій доходъ отъ своего ремесла, такъ-какъ ярлычки пришивались и къ будничной одеждѣ. Но предъ смотрами кантонисты, умѣвшіе печатать, просто богатѣли. За напечатаніе десяти ярлычковъ на собственномъ матеріалѣ, печатники брали 4—7 коп. сер., а на хозяйскомъ—3 коп. Печатали, впрочемъ, и за гостинцы, и за отбываніе всякой повинности. Исправный кантонистъ всегда имѣлъ въ запасѣ отъ пяти до десяти ярлычковъ. Отовзаться неизмѣнимъ ярлычковъ никто не смѣлъ, хотя ни холста, ни краски для ярлычковъ кантонистамъ никогда не давали. По приведеніи вещей въ должный порядокъ и по осмотрѣ ярлычковъ, пошли усиленные осмотры и экзамены, которые производились всѣмъ начальствомъ, начиная отъ дядекъ и кончая самимъ начальникомъ заведенія. Въ это время и дранье было ужъ не обыденное, а смотровое: намочать въ водѣ простыню, завернуть въ нее раздѣтаго и сбкутъ сквозъ простыню. Такъ дѣлалось по многимъ причинамъ. Провинившіяся

въ предусмотревое время считался преступнѣе обыкновеннаго; само наказаніе признавалось гораздо сильнѣйшимъ; къ тому же и тѣло не иссыкалось: на немъ не дѣлалось рубцовъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ тѣлеснаго осмотра, наружныхъ признаковъ сѣченія никакихъ не оставалось.

Пріѣхалъ, наконецъ, инспекторъ и назначилъ на слѣдующее утро смотръ.

Всю ночь накануне кантонисты и глазъ не сомнули: чистка, уборка, примѣрка и одѣванья поглотили все время до разсвѣта, и едва взошло солнце, они ужь были на готовѣ.

Въ шестомъ часу утра въ роты явились ротные командиры, и лично произвели тѣлесный осмотръ, потомъ присутствовали при одѣваньи бѣлья и сапоговъ, брюкъ и куртокъ. Затѣмъ они перестановили всѣхъ по ранжиру, закрывавъ плохо марширующихъ въ среднюю и заднюю шеренги, и, въ заключеніе, отдали приказаніе маршировать какъ можно лучше, отвѣчать на вопросы инспектора громче, глядѣть ему въ глаза веселѣй. Всѣ эти приказанія сопровождались угрозою жестокаго наказанія за малѣйшую неисправность.

Въ ординарцы были собраны изъ каждой роты по два кантониста, самые красивые и похожіе одинъ на другаго. Они одѣвались въ фельдфебельской комнатѣ, въ одежду, собственно для нихъ сшитуя изъ самаго лучшаго матеріала. Ихъ одѣвалъ лично фельдфебель и, когда они одѣлись, ихъ напоили даже чаемъ, для очищенія голоса. Въ семь часовъ утра самъ начальникъ заведенія отправился, вмѣстѣ съ ординарцами, въ квартиру инспектора. Оправившись въ передней, ординарцы вошли въ приемную—большую комнату, въ которой полъ былъ выложенъ и свѣтился, точно зеркало. Въ простѣнкахъ помѣщались зеркала; обои на стѣнахъ были самыя вычурныя, дарныя золотыя, вверху и внизу; мѣбель бархатная, розоваго цвѣта, съ самою фантастическою рѣзбою. У одной изъ стѣнъ комнаты стояли: жандармскій начальникъ, полицеймейстеръ, гарнизонный командиръ и смотритель провіантскихъ магазиновъ,—старые военные штабъ-офицеры; они пріѣхали представиться инспектору. Изъ смежной комнаты вскорѣ показался и самъ инспекторъ. То былъ старичокъ, лѣтъ шестидесяти, весь лысый, толстѣйшій, громаднѣйшаго роста, съ сѣдыми, стоячими усами и узенькими бакенбардами. Одежда его состояла изъ зеленой ермолки, съ золотой кистью, красной рубашки, на выпускъ, съ разстегнутымъ на боку воротомъ, на ногахъ были пестрые широчайшіе шаровары и темносиніе спальные сапоги.

— Здравствуйте, господа! здорово дѣти! заговорилъ онъ,

кивая головою то въ одну, то въ другую сторону. — Извините, господа, мое недуге: что малый, то и старый — придулдыри. Не хотѣлось одѣваться, потому что рано, да и жарко. Притомъ я съ вами не въ первой вижусь, вы не осудите.

Власти низко поклонились ему, приделкнувъ шпорами. Вслѣдъ затѣмъ, полицеймейстеръ и гарнизонный командиръ подали инспектору рапортички о состояніи ихъ управленій. Поговоривъ съ ними кое о чемъ, инспекторъ вторично поздоровался съ кантонистами-ординарцами, оглядѣвъ ихъ съ ногъ до головы, отошелъ въ передній уголъ и, усѣвшись въ широкихъ, высокихъ креслахъ, пригласилъ *стать* возлѣ себя всѣхъ штабъ-офицеровъ.

— Ну-ка, ребята, подходи поочередно, молвилъ онъ, обращаясь къ кантонистамъ.

Ординарцы повернулись одинъ къ другому въ затылокъ, поправились и фланговый изъ нихъ отмаршировалъ къ инспектору восемь шаговъ, остановился, приступилъ подборомъ и произнесъ, безъ перерыва, громко:

— Отъ N—скаго заведенія военныхъ кантонистовъ, первой роты, кантонистъ Петръ Алексѣевъ, къ вашему превосходительству на ординарцы присланъ. Здравія желаю, ваше превосходительство!

Произнеся однимъ духомъ эту тираду, ординарецъ замеръ.

— Давно ли ты, братецъ, въ кантонистахъ? спросилъ генераль.

— Съ 25-го мая 1849 года, ваше превосходительство.

— Старый служака. На мѣсто.

Ординарецъ повернулъ кругомъ, отмаршировалъ обратно туда, откуда пришелъ, остановился, перевернулся и сталъ сзади другихъ ординарцевъ. Подошелъ его вѣстовой и отрапортовалъ то же самое, замѣнивъ только слова: «на ординарцы присланъ» другими — «вѣстовымъ присланъ».

— Растегнись-ка, братецъ, приказалъ инспекторъ.

Вѣстовой растегнулъ и широко распахнулъ свою куртку. Внимательно оглядѣвъ подкладку куртки, ревизоръ пожелалъ видѣть ярлычокъ на подтяжкахъ. Вѣстовой показалъ.

— Самъ печаталь ярлычокъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, вашество; печаталь кантонистъ втораго капральства Иванъ Храмовъ.

— Хорошо, очень хорошо, молодецъ Храмовъ; такъ ему и передай отъ меня. А самъ стань сюда, къ окну. Этотъ, господа, ярлычокъ и превосходно напечатанъ и также превосходно пришить, съ одушевленіемъ замѣтилъ генераль, относясь къ окружающимъ. — Прошу васъ, полковникъ, лично озаботиться, чтобы ярлычки ко всѣмъ вещамъ и печатались и пришивались

точно такъ же, какъ этотъ. А этотъ ярлычокъ пусть будетъ вамъ образчикомъ къ слѣдующему смотру. Поглядите-ка, господа, на ярлычокъ: вѣдь любо-дорого смотрѣть на него; не такъ ли?

— Слушаю-сь, ваше прес-ство, почтительно произнесъ начальникъ, бросаясь вмѣстѣ съ своими соратниками къ ярлычку.

Всѣ пристально разглядывали ярлычокъ, будто ничего подобнаго никогда еще не видывали.

— Съ лѣвой ноги сапогъ долой, вдругъ привазалъ инспекторъ слѣдующему, подошедшему ординарцу.

Ординарецъ, снявъ сапогъ, положилъ портянку на полъ, сапогъ поставилъ около, и самъ вытянулся въ струнку.

— Покажи портянку!

Ординарецъ бережно взялъ портянку на обѣ ладони и поднесъ ее инспектору.

— А ногти острижены? спросилъ онъ, не найдя въ портянкѣ ничего противозаконнаго.

— Острижены, ваше превосходительство.

— Пошелъ на свое мѣсто.

Ординарецъ, подхвативъ сапогъ въ одну руку, а портянку другую, маршируетъ до задней стѣнки и тамъ уже обувается.

— Брюки долой, скомандовалъ инспекторъ слѣдующему вѣстовому.

Вѣстовой растегнулъ и спустилъ брюки до колѣнъ; а самъ стоитъ, не моргая.

— Отчего у тебя на подштанникахъ костяжки обшиты холстомъ?

— Всѣмъ, ваше превосходительство, такъ обшили въ швальнѣ.

— Это для чего?

Вѣстовой растерялся, не зная, что отвѣчать.

— Такъ, ваше превосходительство, костяжки благообразнѣе выглядятъ, вкрадчиво поспѣшилъ на выручку вѣстовому начальникъ. — Ординарцы всегда на виду, я и распорядился такъ сдѣлать всѣмъ имъ.

— А отъ кого вы на это получили разрѣшеніе? А такая развѣ дапа мною вамъ форма?.. Костяжку, какъ виточенную изъ кости, всегда пріятнѣе видѣть въ настоящемъ ея видѣ. А когда она обшита холстомъ, почему я знаю, какая она? Можетъ быть, тамъ не костяжка, — а деревяжка какая-нибудь. Понимаете?

— Я, ваше прев-ство... помигуйте...

— Меня, братецъ, не проведешь: я старый воробей... Отнынѣ никогда не нашивать такихъ костяжекъ. Слышите? никогда, чтобъ я этого больше не видалъ.

— Подштанники долой! сказалъ инспекторъ. Вѣстовой спустилъ к нимъ до колѣнъ.

— Подними рубашку повыше! по грудь.

— На лѣво кругомъ! Вѣстовой повернулся, но не совсѣмъ ловко: опущенные штаны и поднятыя вверхъ руки нѣсколько нарушали грацію движеній кантониста, который при томъ сильно сконфузился, почуввшись почти голымъ въ присутствіи начальства.

— И поворачивается не умѣешь, каналья эдакая! И превосходительная рука ударилась всею ладонью по тѣлу вѣстоваго съ такою силою, что звонкое эхо раздалось въ отдаленныхъ комнатахъ квартирн. Вѣстовой задрожалъ и отъ боли и отъ страха, но не пикнулъ. Товарищи-ординарцы тоже перепугались за вѣстоваго, лично за себя и даже за всѣхъ кантонистовъ заведенія. «Кругомъ!» грозно заключилъ инспекторъ. Вѣстовой напрягъ всѣ свои силы и удачно повернулся кругомъ.

— Какой губерніи?

— Рязанской, ваше прев-ство, крикнулъ онъ, изъ всей мочи.

— Будто? спросилъ инспекторъ, внезапно повеселѣвъ и привскочивъ на креслахъ. Онъ, суровый, безпощадный ко всему, питалъ нѣжныя чувства къ своимъ землякамъ, которымъ прощалъ всѣ ихъ прегрѣшенія. Кантонисты знали это и, при случаѣ, пользовались слабостью генерала. Съ тою цѣлію и въ составъ кантонистскихъ обязательныхъ знаній нарочно введена была географія Рязанской губерніи, которую многіе кантонисты знали до подробностей.

— А уѣзда, другъ мой, какого?

— Касимовскаго, ваше прев-ство, а села Ижевскаго.

— Молодецъ, другъ мой, молодецъ. И инспекторъ нѣжно погляделъ вѣстоваго по лицу тою же самою рукою, которою за минуту предъ тѣмъ такъ жестоко ударилъ его. — Ты ефрейторъ? добавилъ онъ.

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Прошу васъ, полковникъ, завтра же сдѣлать его кап-раломъ, непременно кап-раломъ. Мои земляки всѣ вѣдь молодцы: чистенькіе, гладенькіе, — одно слово молодцы.

— Теперь, ваше прев-ство, вакансіи кап-рала нѣтъ-съ, вгра-дчиво заговорилъ начальникъ...

— Что... о... о?... грозно перебилъ инспекторъ. — Для меня вакансіи нѣтъ? Да чтобъ завтра-же былъ кап-раломъ, и все тутъ! Когда я что приказываю, прошу исполнять!

— Слушаю-съ, ваше прев-ство.

— А есть у тебя, дружокъ, кто-нибудь изъ родныхъ дома? продолжалъ инспекторъ, попрежнему нѣжничая съ вѣстовымъ.

— Одна мать, ваше прев-ство, въ деревнѣ живетъ, а отецъ убитъ на войнѣ.

— Ну да, мои земляки народъ храбрый, восторженно заговорилъ инспекторъ, обращаясь къ свѣту. — Въ войнѣ мы отчаяннѣе. Это я тысячу разъ самъ видѣлъ и въ двѣнадцатомъ году, и въ Турціи, и въ Персіи, и на Кавказѣ и...и... Чѣмъ другимъ, а ужъ геройствомъ мы вполне можемъ похвалиться. Какъ осмотрю всѣхъ, дамъ тебѣ на орѣхи. А вы, полковникъ, смотрите: пальцемъ его не трогать.

— Не безпокойтесь, ваше прев-ство. Ваше слово — законъ, самый священный для меня законъ-съ...

— То-то-же...

Подошелъ еще ординарецъ.

— А ну-ка, братецъ, съумѣешь ли ты раздѣться до нага въ двѣ минуты? Я смотрю на часы, а ты за дѣло — живо! Ординарецъ очутился въ адамовскомъ костюмѣ. — На право! Ординарецъ повернулся. — Тихомъ шагомъ мар...ршъ...

— Скорымъ шагомъ мар...ршъ... Голову выше, бедра въ лѣво, разъ, разъ, разъ, командовалъ инспекторъ, хлопая въ ладоши. — Вольнымъ шагомъ маршъ. Перемѣни ногу. Разъ, разъ, разъ. Брюхо подбери; что выставилъ его; разъ, разъ; бѣглымъ шагомъ мар...ршъ... Лѣвое плечо выше! Что скосился? Ужъ не рязанскій ли? Земляки всегда кривобоки: этотъ, господа, грѣшокъ издавна водится за нами. Землякъ, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, землякъ-съ.

— Стой, стой, стой! Во-фронтъ! Ординарецъ сталъ какъ вкопанный. — Какой губерніи?

— Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, села Олохушки, ваше прев-ство, зачастилъ ординарецъ, слышій однимъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи родины инспектора.

— Распотѣшилъ, дружокъ, ты меня по самое горло. Вотъ, господа, каковы мои земляки-то! Въ чемъ мать родила, а вѣдь какъ отлично маршируетъ. Чудо, чудо, какъ хорошо! Ты, дружокъ, ефрейторъ?

— Капральный ефрейторъ 2-й роты, 2-го капральства, ваше превосходительство.

— Потому-то ты, значить, и разубавилъ меня, старива. Я теперь такъ доволенъ вашими, полковникъ, ординарцами, что не знаю какъ и благодарить васъ за нихъ. А все земляки. Ну-ка, нѣтъ ли еще кого рязанскихъ? Двое ординарцевъ выступили впередъ.

— И вы земляки?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Ай родина! Изъ 20-ти четверо земляковъ, изъ четырехъ тысячь, значить, тысяча лучшихъ слугъ отечества. Вотъ такъ

ми! А покажите-ка мнѣ, полковникъ, своихъ земляковъ! Небось ни одного здѣсь нѣтъ—а?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, да и гдѣ ужъ намъ тигаться за вашими земляками? Ваши изстари славятся...

— Конечно, конечно, славятся. Послѣ смотра дайте ординарцамъ отдыхъ на недѣлю, а отъ меня они сейчасъ получаютъ на гостинецъ. Инспекторъ всталъ, вышелъ въ смежную комнату и, вернувшись оттуда, собственноручно раздалъ ординарцамъ по серебрянному пятаку на человѣка.

Веселые, радостные вышли ординарцы отъ инспектора и отправились на плацъ¹.

Погода между тѣмъ прояснилась и солнце весело играло своими яркими лучами. Фронтъ стоялъ на плацу въ томительномъ ожиданіи. Около часа продолжалось выравниваніе по веревочкѣ и охорашиванье, сопровождаемыя внушеніями. Пріѣхалъ наконецъ инспекторъ въ парадной формѣ, выдѣвъ, при помощи офицера, изъ коляски, подошелъ къ фронту, поздоровался и началъ смотръ съ одежды, обуви, ярлычковъ и волосъ. Тутъ нашлось нѣсколько сотъ человѣкъ самозванныхъ его земляковъ. Потомъ онъ началъ водить фронтъ всевозможными шагами.

— Дирекція на право, скорымъ шагомъ мар...ршъ...

Фронтъ замаршировалъ.

— Стой, стой, стой! Эй ты, тюфякъ, соломою набитый, куда роту-то свою увелъ? А ты, Фетюкъ, коломенская верста, что шагито по сажени отмѣриваешь, развѣ не видишь: мальчики не успѣваютъ за тобой? Радъ, вѣрно, что ноги-то съ оглоблю выросли?

Со стороны офицеровъ не слышалось ни одного протеста. Муштрованье продолжалось часа 4 сряду. Затѣмъ инспекторъ приказалъ выстроить кантонистовъ поротно, а офицерамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ удалиться за фронтъ.

— 2-я рота окружи меня, — бѣгомъ, воскликнулъ онъ. Рота его окружила.

— Вы, дѣти, всѣмъ довольны?

— Довольны, ваше превосходительство.

— Смотри, ребята, не лгать: не обижаетъ ли васъ кто изъ начальства?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Ты, братецъ, что молчишь? обратился онъ къ какому-то новичку, непонимавшему, отчего это всѣ заявляютъ довольство ѣми порядками, которые сами же обыкновенно проклинали.

¹ Авторъ очерковъ лично участвовалъ въ описанномъ представленіи ординарцевъ, въ числѣ ихъ.

— Говори, милый, кто тебя обижает?

— Бьютъ, деруть, северно кормять, съ трудомъ выговорилъ недовольный.

— А давно ты въ заведеніи? ужь серьёзно спрашиваетъ инспекторъ.

— Скоро годъ-съ, почти плача отвѣчалъ недовольный, у котораго отъ одного воспоминанія о побояхъ слезы на глаза навернулись.

— А откуда родомъ?

— Изъ... изъ деревни... Бѣдняги, остановился, забывъ отъ страха даже названіе роднаго пепелища. — Ко... Костр...

— Рязанской, Рязанской, подсказываютъ отовсюду.

— Рязанской, брянулъ онъ, повинувъ общему подсказыванью, и вдругъ заплакалъ.

— Эхъ ты, нюня, шутя замѣтилъ инспекторъ. — Наши, братъ, земляки никогда не плачутъ, и ты не плачь. Въ службѣ не въ деревнѣ: ко всему надо привыкать; научись — и бить перестанутъ. Моли Бога, что ты землякъ мой и новичокъ, — а то розги посвистали бы... Кромѣ меня никто не узнаетъ про твою жалобу, а вы, ребята, тоже ни гу-гу; не то запорю, шельменцы эдакіе, а ты, нюня, оботришь и смирно!

— Спасибо, ребята, за смотръ, заключаетъ инспекторъ, еще разъ обведа взоромъ обступившую его толпу дѣтей. — Учитесь хорошенько; ужь веду васъ отправить въ деревню, къ бабамъ подъ подоль, играйте себѣ тамъ съ дѣвками въ жмурки, бѣгайте въ горѣлки. Молодцы ребята!

— Ради стараться, ваше превосходительство!

Инспекторъ пошелъ въ 3-ю роту.

— Сѣкутъ ли васъ, дѣти? спросилъ онъ.

— Нивагъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Полно такъ-ли?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Напрасно, напрасно; сѣчь, хорошенько сѣчь васъ надо. Эй, полковникъ, кричитъ онъ за фронтъ: — сѣйте ихъ, какъ Сидорову козу, сѣйте въ мою голову.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, самодовольно отзывается издали начальникъ.

— Хорошо ли васъ кормить?

— Хорошо, ваше превосходительство.

— То-то же. Голову выше, глядѣть веселѣй, ѣшь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ.

Такимъ порядкомъ инспекторъ ежегодно опрашивалъ претензію кантонистовъ. Жаловались ему, правда, зачастую, но изъ этого

не только не получалось ни на волосъ пользы, но жалованіеся еще дорого платились грѣшнымъ тѣломъ за свою смѣлость.

Кончивъ опросъ, инспекторъ объявилъ, что идти въ казармы, смотрѣть все ли тамъ въ порядкѣ. Для этого онъ велѣлъ выстроить кантонистовъ возлѣ ихъ провратей. Всѣ, кромѣ начальника и дежурнаго офицера, опрометью бросились въ казармы приготовливаться къ его встрѣчѣ. Выждавъ нарочно нѣкоторое время на плацу, инспекторъ дошелъ, потихоньку, до казарменнаго двора, въ сопровожденіи начальника и дежурнаго, и вмѣсто того, чтобы идти въ казармы, свернулъ на черный дворъ, зашелъ въ конюшню, осмотрѣлъ стоявшія на дворѣ бочки съ водою, потомъ заглянулъ въ баню (она же и подвижная прачешная). Тамъ на полу оказалась грязь, потолкакъ былъ законченъ, полъ весь въ дыркахъ и щеляхъ. Реввзоръ началъ уже хмуриться, какъ вдругъ услышалъ, въ предбанникѣ, звонкій, дѣтскій голосъ. Это его удивило.

— Кто здѣсь разговариваетъ, откликнись! громко молвилъ онъ, пристально оглядываясь. Все молчало. Минуту спустя снова послышался говоръ.

— Кто и гдѣ тутъ разговариваетъ? переспросилъ онъ начальника.— Ужъ не спрятаны ли тутъ кантонисты?..

— Помилуйте, ваше прев-ство, для чего же намъ ихъ врать-съ? отвѣчалъ начальникъ, вдругъ вспыхнувъ.

— А что у васъ такое дѣлается на чердакѣ?

— Тамъ бѣлье сушится, ваше прев-ство.

— Такъ это бѣлье между собой, значить, и разговариваетъ? Мудреное дѣло! Гдѣ лѣстница отъ чердака?

— Лѣстница?.. Лѣстница?.. Въ конюшнѣ: по ней доставятъ сѣно сверху. А самый чердакъ завертъ, продолжалъ, путаясь, начальникъ.— Ключи у прачекъ, а ихъ теперь едва-ли гдѣ съищешь...

Между тѣмъ на чердакѣ продолжался говоръ и смѣхъ.

— Отъ чердака лѣстницу и ключъ сюда! рывнулъ разсерженный инспекторъ, высунувъ голову за дверь прачешной.

Перепуганные конюхи повискочили изъ конюшенъ, живо принесли лѣстницу, подставили ее потихоньку къ стѣнѣ и остановились.

— А ключъ? почти шопотомъ, но грозно, повторялъ инспекторъ.

— Ключа у насъ, ваше прев-ство, нѣтъ-съ, тоже шопотомъ отвѣчалъ здоровенный конюхъ.

— Влѣзь, братецъ, на верхъ и сломай замокъ, или вытащи пробой, только поосторожнѣе, чтобы мухи не испугать. Понимаешь?

Конюхъ полѣзъ и чрезъ минуту спустился, держа замокъ въ рукѣ?

— Подержи-ка теперь покрывче лѣстницу, а мы съ полковникомъ влѣземъ туда и посмотримъ, что тамъ такое. Пожалуйте, полковникъ. Инспекторъ, пыхта и вряхта, натащилъ свое грузное тѣло на чердакъ, съ трудомъ поднимаясь со ступеньки на ступеньку лѣстницы.

Кантонисты, спрятанные на чердакѣ, были вполне увѣрены, что внизу можетъ разговаривать одинъ только банщикъ со своею марухой, и еслибъ кто и лѣзъ къ нимъ, то развѣ эта маруха, «душа-человѣкъ» попомнотовать ихъ, «сердешникъ», ржальными лепешками, а потому и разговаривали, не остерегаась. Но увидавъ внезапно влѣзшаго къ нимъ инспектора, въ красной лентѣ, съ крестами на шеѣ, на груди, они всполошились до крайности и бросились съ испугу на крышу: черезъ слуховое окно, черезъ отверстіе возлѣ трубы, съ топотомъ забѣгали по крышѣ, поскакали съ крыши бани на крышу магазинновъ, конюшенъ, карабкались по стѣнамъ, спускались какъ кошки по водосточнымъ трубамъ, перебѣгали изъ одного угла въ другой, и прятались въ бѣлье, и другъ за друга. Суматоха была ужасная. Глядя на все это, ошеломленный инспекторъ сперва только ротъ разинулъ, потомъ, опомнившись, сталъ кричать, бѣгать по чердаку, ловить выскакивавшихъ на крышу; тѣ вырывались у него изъ рукъ и бросались, кто куда могъ.

— Ребята! ни съ мѣста! гаркнулъ онъ, поймавъ за ноги влѣзшаго въ слуховое окно кантониста и таща его навадь. Тотъ спустился на чердакъ и сталъ ни живъ, ни мертвъ.

— Почему ты, каналья эдакая, бѣжалъ отъ меня? началъ инспекторъ, вытирая потъ съ лица и окончательно загорюдивъ собою одинъ изъ выходовъ на крышу.—Что я, чертъ, что ли? или звѣрь какой, что вы бѣжите отъ меня?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, едва выговорилъ пойманный.

— Кто же я? кто я? отчего бѣжите? Мальчикъ молчалъ, искоса поглядывая на начальника.

— Ты, братецъ, не пугайся: никто тебя пальцемъ не тронетъ, только скажи мнѣ правду.

— Намъ приказано бѣжать-съ, тихо началъ кантонистъ:— въ случаяхъ чего—бѣги, говорить, прячься кто куда можетъ, а тѣхъ кто не убѣжитъ—послѣ смотра драть.

— А сколько васъ здѣсь всѣхъ было?

— Человѣкъ съ сорокъ-съ.

— Всѣ изъ одной роты?

— Изъ двухъ-съ.

— А зачѣмъ васъ сюда запрятали?

— Да побоялись вашему прев-ству показывать; мы тутъ всё калеки: кто изсѣченный, кто искалеченный, проговорилъ сквозь слезы кантонистъ.

— А ты самъ зачѣмъ здѣсь?

— Колѣнко больно распухло.

— Отчего?

— Когда марширую — не могу такъ ровно вытянуть ногу, чтобъ колѣнко не выдать: оно у меня все высовывается. Правящій, значить, осерчалъ на меня на ученъи, наканулъ вашего прѣзда, схватилъ полѣно... Помилосердствуйте, ваше прев-ство! Кантонистъ заплакалъ на взрндъ ¹.

— Перестань, дружочекъ, не плачь: никто больше не станетъ тебя бить, утѣшалъ инспекторъ, погладивъ его по головѣ.—А покажи-ка колѣнко-то?

Кантонистъ осторожно засучилъ широчайшую штанину совсѣмъ не его роста нижнихъ брюкъ (верхнихъ онъ не могъ надѣть по случаю сильнѣйшей опухоли), и глазамъ инспектора представилась почти почернѣвшая нога, страшно опухшая отъ нижней щиколки и до самого паха.

— Какова нога-то? сказалъ онъ начальнику, весь побагровѣвъ.—Знаете вы объ этомъ безобразіи, которое творится у васъ подъ носомъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, не знаю... Мнѣ не успѣть... я...

— А если нѣтъ, то для чего же ты тутъ? Какой же—спрашиваю я, ты послѣ этого начальника? Нѣтъ, спуску вамъ отъ меня больше ужъ не будетъ. Шалишь! Подъ судъ отдамъ, подъ сѣрую шинель упеку, честное слово—упеку! Эго по вашему порядку?

— Помилуйте, ваше прев-ство, простите невѣднью... Вы всегда были великодушны, взмолился начальникъ точно такимъ же, тономъ, какимъ просили его пощады кантонисты.

— Невѣднью? Великодушень? Гм... Ну! Стой, стой, стой! вдругъ кривнулъ инспекторъ, бросившись въ сторону и схватившись обѣими руками за массу двигавшагося бѣлья. Онъ мигомъ разбросалъ его и предъ нимъ очутился разоблаченный кантонистъ.

— У тебя отчего глазъ распухъ? спросилъ онъ, пристально взглядываясь въ лицо кантониста.

¹ Кантонистъ этотъ, теперь чиновникъ въ Петербургѣ, до сихъ поръ хромаетъ.

— Подбить, ваше превосходительство, жалобно отвѣчаетъ тотъ.

— Кто подбилъ? Кантонистъ молчалъ.

— Да кто же, кто подбилъ тебѣ глазъ?

— Да ихъ высокоблагородію угодно было подбить-сь, рѣшился вымолвить кантонистъ, указывая на начальнига и потупясь отъ страху.

— Онь вретъ-сь, вмѣшался начальнигъ.

— Не тебя спрашиваютъ, перебилъ ревизоръ.

— Когда и за что?

— Въ прошлую субботу-сь, на баталіонномъ ученьи, я не успѣлъ скоро выровняться...

— Слышите, полковникъ, слышите ли?

Разсерженный инспекторъ не пошелъ въ казармы, а велѣлъ подать коляску, посадилъ въ нее искалеченныхъ, сбѣгъ посреди нихъ, и уѣхалъ въ лазаретъ, гдѣ, сдавъ ихъ лекарю, наказалъ ему непременно вылечить ихъ и хорошенько кормить. Затѣмъ онъ съ ругательствами уѣхалъ домой.

Кантонистовъ со всякаго рода изъянами, во время смотровъ, всегда прятали на чердакахъ, въ конюшняхъ и тому подобнхъ темныхъ мѣстахъ; численность ихъ по всему заведенію простиралась всякій разъ отъ 150 до 200 человекъ.

По отъѣздѣ инспектора, заведеніе пошло обѣдать—ровно въ 5 часовъ пополудни. Проголодавшіеся кантонисты ѣли до отвала, до тошноты. Да и очень естественно: такіа свѣжіа, вкусныя щи, такой мягкой, чудесный хлѣбъ, такую размочатую крутую кашу и такой крѣпкій, точно пиво, квасъ имъ только разъ въ годъ и доводилось пробовать.

Пока всѣ успѣли пообѣдать, уложить по формѣ смотровую одежду, поразсказать другъ другу новости дня—ужь и стемнѣло. Горнисть протрубилъ ужинать. За столъ пошли одни обжоры, да воры по призванью. Кража хлѣба во время смотра хоть формально и не дозволялась, тѣмъ не менѣе и не преслѣдовалась, а нашимъ ребятамъ то и на руку: иной кантонистъ въ дра-три смотровыхъ дня наворуетъ фунтовъ 15-20 и потомъ, когда настанетъ обыденный голодъ, и самъ наслаждается и торгуется хлѣбомъ.

На слѣдующій день ожидали, что инспекторъ станетъ производить экзамень.

Съ наступленіемъ утра всѣхъ кантонистовъ заведенія согнали въ классныя комнаты, гдѣ учителя размѣстили ихъ по участкамъ и знаніямъ. Но такъ-какъ знаній за большею частію изъ нихъ ровно нивашихъ не считалось, и такъ-какъ всѣмъ имъ сидѣть въ классѣ было совершенно негдѣ, то ихъ вывели въ

свѣдѣнне съ классами пройдеузы. Тутъ имъ стрѣжайше наказали: какъ скоро инспекторъ прѣезжаетъ, какой-нибудь участюкъ и пройдетъ дальнѣе, чтобъ они частями выходили изъ своихъ засадъ и потихоньку присоединялись къ тому участку. Далѣе, сдѣлали рѣшительнѣе такое приспособленіе, при чемъ планъ оказался удобопримѣнимымъ. Затѣмъ остальныхъ пересортировали и усадили: лучшихъ учениковъ впередъ, худшихъ назадъ и опять наказали: первымъ глядѣть инспектору прямо въ глаза, напрашиваться, такъ сказать, на вопросы; послѣднимъ же — уткнувъ носы въ тетрадки и отнюдь не зѣвать по сторонамъ, а если онъ кого-нибудь изъ нихъ спроситъ, отвѣчать громко, не запинаясь и, главное, не молчать.

Инспекторъ явился прямо въ верхній классъ, поздоровался и остановился въ раздумьѣ. По бокамъ его стали: начальникъ и инспекторъ, позади которыхъ помѣстались офицеры. Всѣ вытянулись въ струнку.

— Выйди-ка, братецъ, къ картѣ и покажи мнѣ, гдѣ Англія, приказалъ инспекторъ кантонисту, сидѣвшему крайнимъ на первой скамейкѣ. Ученикъ подошелъ къ картѣ Европы, и ткнувъ пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ было отмѣчено «Великобританія», смѣло отвѣтилъ: «вотъ здѣсь, ваше превосходительство».

— Да гдѣ же здѣсь-то? Я, братецъ, что-то ее тутъ не вижу.

— Самая Англія отсюда очень далеко-съ, а тутъ показано только, какъ до нее доѣхать, чрезъ какія т.-е. страны дорога туда лежитъ.

— Руки по швамъ, корпусъ назадъ, въ то же время въ полголоса командовалъ начальникъ.

— А ты, братецъ, бывалъ когда нибудь въ Англіи?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, не бывалъ-съ.

— И не дай Богъ тебѣ бывать тамъ.

— Слушаю-съ, ваше прев-ство.

— Вообразите себѣ, господа, что это за сторона! началъ инспекторъ, обращаясь къ офицерамъ. — Лежатъ она вся въ болотѣ, люди живутъ въ подземельяхъ, нищихъ пропасть: такъ за поля и рвутъ. А ужъ порядки какіе недѣшны!

Офицеры, выслушавъ рѣчь инспектора, низко поклонились ему, въ знакъ согласія.

— Эй, ты, поднялъ инспекторъ другаго ученика: — чѣмъ славется Курская губернія?

— Соловьями, ваше прев-ство. Птицы такія есть, чудесно поютъ по ночамъ. Они за то и прозываются курскіе соловья.

— Хорошо; ну, а что есть солдатъ? неожиданно спросилъ онъ третьяго ученика.

— Солдаты есть или общее — знаменитое: солдатовъ назывался и первый и последний генералъ, и послѣдній рядовой.

— Ну, а ты кто? обратился ревизоръ къ четвертому.

— Кантонистъ Иванъ Ивановъ, ваше прев-ство.

— Голову выше, подбородокъ подбери. А, напротивъ, ты генералъ, или рядовой? послѣдовалъ вопросъ, обращенный къ послѣдующему.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же ты?

— Не могу знать, ваше прев-ство.

— Не знаешь? такъ я тебѣ скажу: ты, да и всѣ вы, просто поросата, и ничего больше. Тутъ инспекторъ высунулъ классу языкъ, обливнулъ себѣ усы и ушелъ въ писарскій классъ.

Опять пошли разспросы:

— А когда приходилъ Наполеонъ въ Москву?

— Въ 1812 году, ваше прев-ство.

— А зачѣмъ онъ, братецъ, приходилъ?

— Воевать съ русскими-съ.

— Бедра влѣво, бедра влѣво! журчитъ между тѣмъ начальникъ.

— Что-жъ онъ дѣлалъ въ Москвѣ?

— Отъ русскихъ прятался, ваше прев-ство.

— Ышь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ. Почему же онъ прятался?

— Да русскихъ испугался, ваше прев-ство; русскіе очень быстро били его войска, ну онъ ихъ и пряталъ.

— Ты думаешь?

— Точно-съ: такъ и въ исторіи написано.

— Чудесно, братъ, чудесно знаешь. — Наполеонъ, господа, именно насъ струсилъ и прятался, заговорилъ опять инспекторъ, относясь къ офицерамъ. — Я самъ былъ очевидцемъ, какъ французы прятались; они не то, что наши молодцы, а дрянъ, мерзляки.

— Совершенно справедливо, ваше прев-ство, гаркнулъ кто-то изъ офицеровъ.

— Да, господа, быстро французамъ досталось тогда отъ насъ, очень быстро. Правду, впрочемъ, говоря, и нашей побѣдоносной арміи тяжело было гнать ихъ по пятамъ до самаго до Парижа. Вольно тяжело было! Ну, да никто, какъ Богъ, да мы, храбрѣе вонны: все вынесли. Да, вынесли вотъ, заключилъ онъ, качая головою и тяжело вздыхая. — Ты, — что пріятель, глазѣнкіто на меня вытаращилъ-а? спросилъ онъ, немого помолчавъ. — Хочешь, вѣрно, чтобъ я тебя чтонибудь спросилъ, — да? Скажи-ка мнѣ: какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять прямо и непринужденно, нѣмѣ каблукѣ вмѣстѣ столь плотно, сколь можно, эвенно затрепалъ спрошенный.

— Довольно, довольно, прервалъ его инспекторъ.— Вижу, что ты на этомъ собаку съѣлъ; насквозь, братъ, вижу тебя. Отличнѣе фальдфебелемъ будешь. А теперь кто?

— Капральный ефрейторъ Иванъ Паньковъ, ваше прев-ство.

— Bravo, Паньковъ, bravo. А ну-ка ты, рядомъ съ нимъ: какъ называется твое отечество?

— Россія, ваше прев-ство.

— Ай-да Тамбовщина проклятая! Ты вѣдь Тамбовской губершн?

— Тамбовской, ваше прев-ство.

— Эй ты, чрезъ три человека дальше: гдѣ пекутъ пряники?

— Въ городѣ Вязьмѣ, ваше прев-ство.

— А хочешь пряниковъ?

— Никакъ нѣтъ-сь, ваше прев-ство.

— Люблю за это; солдатъ не долженъ лакомиться: отъ лакомства брюхо болѣтъ, а солдату надо всегда бѣть здоровымъ.

— Никакъ нѣтъ-сь, ваше прев-ство.

— Слушай ухомъ, а не брюхомъ, а то и выходить: въ лѣсу родился, пнямъ молился— штыковая работа и выискалъ. Впрочемъ, не печалься, ты тоже прекрасный мальчикъ. Учтись, ребята, хорошенько, прилежно учтись.

— Слушаемъ-сь, ваше прев-ство.

— И прекрасно, когда слушаете. Съ этими словами инспекторъ отправился въ нижнй классъ.

— Тутъ что такое? спросилъ онъ учителя ариметики, Ослова.

— Ариметика, ваше прев-ство, брякнулъ Ословъ.

— Какая ты, чортъ, ариметика? Собственно ты кто такой?

— Учитель ариметики, ваше прев-ство.

— Такъ бы и говорилъ, а то извольте порадоваться: онъ ариметика. Чему же ты тутъ учишь?

— Читать, писать и, главнѣе всего, ариметикѣ-сь.

— Ариметикѣ, такъ ариметикѣ. Вызови мнѣ когонибудь сюда.

На средину выходить ученикъ, знающй ариметикку немного развѣ хуже самаго учителя, но ученикъ маленький, худой, точно щепка; нѣки и глаза его ввалились; онъ блѣденъ, какъ смерть. Инспекторъ пристально поглядѣлъ сначала на ученика, потомъ взводлобья на начальника, накурнулъ брови и покраснѣлъ.

— Знаешь, братецъ, задачу: «летѣло стадо гусей»? спросилъ онъ, вешного погоды.

— Знаю, ваше прев-ство, твердимъ, но болѣзненнымъ голосомъ отвѣчалъ сиромышнѣй.

— Такъ расскажи!

— Летѣло, ваше прев-ство, стадо гусей, началъ ученикъ: — нибъ на встрѣчу попался одинъ, ваше прев-ство, гусь и сказалъ: «здравствуйте, сто гусей»; ему отвѣчали: «насъ, ваше прев-ство, не сто, а еслибъ было столько же, полстолько, четверть столько, да ты, ваше прев-ство, гусь съ нами, тогда-бы...»

— Что ты говор...ришь? грозно прервалъ мальчишка инспекторъ, побагровѣвъ.—Я — развѣ гусь? Кто я? онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Павелъ Прохоровичъ Толстопузовъ, едва выговорилъ ученикъ и замеръ отъ страха.

— Славно же они у васъ учатся, нечего сказать, продолжалъ инспекторъ, обращаясь къ начальнику.—Вы не учите, а мучаете ихъ: вѣдь въ гробъ краше кладуть-ся!... онъ указалъ на ученика.—Меня, генерала, назвать гусемъ!

И онъ почти бѣгомъ ушелъ изъ класса.

Всѣ стояли точно вкопанные. Прошло минутъ десять.

— Господинъ полковникъ, инспекторъ давно ужъ уѣхалъ домой, доложилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А-а?.. Уѣхалъ, будто съ просонья заговорилъ начальникъ, протирая глаза и озираясь кругомъ.—Расходитесь! молвилъ онъ, оправляясь.—А съ вами я ужъ послѣ смотра разсчитуюсь, добавилъ онъ, глядя на учителя и ученика артиметики.

Тѣмъ и кончился классный экзаменъ. Въ подобномъ же родѣ кончался онъ постоянно съ незапамятныхъ временъ. Инспекторъ спрашивалъ всегда одно и то же, а потому и его вопросы, и свои отвѣты кантонисты заучивали вдолбизку впередъ. До первоначальнаго класса ревизоръ почти никогда не доходилъ; одинъ и тотъ же мальчишка, часто случалось, отвѣчалъ ему въ одинъ часъ въ трехъ мѣстахъ, перебѣгая, по приказанію начальства, изъ участка въ участокъ. Однимъ и тѣмъ же почеркомъ писались 15—20 тетрадей, ему показанныхъ, и все это благополучно сходило съ рукъ. Мало того, начальство еще вознаграждали, по его ходатайству, «за прекрасныя умственные способности, имъ въ мальчишакъ развитыя...».

По окончаніи смотра, начальника заведения, много глѣтъ сряду, постоянно угощали инспектора торжественнымъ обѣдомъ, послѣ котораго онъ объявлялъ, что нашеть заведеніе въ превосходномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи, и уѣзжалъ восвояси.

В. Никитичъ.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ БЫТА КАНТОНИСТОВЪ.

(Окончаніе).

XII.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ, СУДЪ И РАСПРАВА.

Смотръ кончился, и будничная жизнь, со всею своею монотонностію, снова вступила въ свои права. Приѣздъ инспектора возбуждалъ въ кантонистахъ надежду, что ревизоръ, быть можетъ, вникнетъ въ ихъ положеніе и хоть въ чемъ-нибудь измѣнитъ его къ лучшему. Теперь оказывалось, что никакихъ улучшеній не предвидится, и тѣмъ тяжелѣе стало на душѣ кантонистовъ. Носились слухи, будто учитель Сибиряковъ ходилъ къ инспектору съ жалобой, но зоркое начальство не допустило его къ нему; стало быть, можно было рассчитывать, что невзгоды еще усилятся...

Учителей, «людей, занимавшихся воспитаніемъ юношества, — людей, которыхъ должно содержать въ благоприличномъ уваженіи»¹, воспрещалось подвергать тѣлесному наказанію. Несмотря на то, ихъ всегда и за все наказывали безъ малѣйшаго стѣсненія; они, забитые, приученные къ дранью, сносили его, какъ нѣчто должное, неизбѣжное, много лѣтъ сряду. Но вотъ среди учителей появился нѣкто Сибиряковъ, человекъ молодой, развитой и съ пылкимъ характеромъ. Будучи хорошимъ учителемъ, онъ, какъ нарочно, никуда не годился по фронту, а такъ-какъ фронтъ составлялъ главнѣйшую часть кантонистской науки, то и не проходило ученья, чтобы онъ не подвергся послѣ него побоямъ, униженіямъ и оскорбле-

¹ Такъ гласило циркулярное предписаніе по заведеніямъ департамента военныхъ поселеній, отъ 9-го октября 1818 года.

ніямъ. Долго терпѣлъ онъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, пошелъ жаловаться инспектору, у квартиры котораго его задержали. Это его не остановило. Онъ склонилъ учителей на общую жалобу, которую написалъ, прочиталъ имъ и отправилъ въ Петербургъ. Нѣкоторое время спустя, по казармамъ разнеслось, будто бы Сибиряковъ укралъ у кого-то изъ учителей часы; его за это арестовали и тотчасъ же предали суду. Вѣсть эта просто ошеломила все вѣзденіе: въ честности Сибирякова никто не сомнѣвался, и большинство говорило, что ему, за его намѣреніе жаловаться, съ умисломъ подкинули часы, чтобы имѣть право придратъ къ нему. Пока тянулось судбище, наѣхалъ ревизоръ, другой ужъ генералъ, прошелъ по казармамъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ учителей. Учителя выстроились въ длинную шеренгу и получили приказаніе входить въ слѣдующую комнату по одному.

— Сколько лѣтъ въ службѣ? ласково спросилъ ревизоръ перваго, Орлова.

— Двадцать-первый годъ пошелъ, ваше прев-ство.

— И имѣешь нашивки?

— Двѣ-съ, да кромѣ того, представленъ къ производству въ чиновники¹.

— Такъ скажи же мнѣ, братецъ, по совѣсти: сѣкъ тебя начальникъ тогда-то и тогда?

— Виновать-съ, ваше прев-ство, наказали два раза, сорвалось у него съ языка.

— За что именно?

— За неисправности по капральству, которымъ я управляю.

— Въ чемъ неисправность заключалась?

— Съ планокъ кроватей пыль не была стерта, начальникъ это замѣтилъ и изволилъ наказать-съ...

— А другой какой былъ твой проступокъ?

— Не... не... пом... не припомню-съ, въ расплохъ...

— Важнѣе перваго, или нѣтъ?

— Въ этомъ же родѣ-съ...

— И шибко посѣяли?

— Ударовъ тридцать угодно было дать.

— Пооди теперь въ смежную комнату, да тамъ не кашлай, не стучи и не прохаживайся.

Орловъ вышелъ по указанію, сталъ у стѣны и задумался.

¹ Когда получили приказъ о производствѣ его, то начальникъ, придержавъ его у себя, сперва выдралъ его, а потомъ объявилъ ему чрезъ день, такъ что наказалъ его ужъ въ качествѣ чиновника.

— Припомни-ка, братецъ, дѣйствительно ли начальникъ назвалъ тебя недавно два раза, за что именно и по сколько ударовъ? спрашивалъ, между тѣмъ, ревизоръ второго.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, меня не наказывали.

— Не лги: я достовѣрно знаю, что наказывали.

— Виновать-съ, ваше прев-ство, запоматовалъ: точно, два раза отодрали.

— За какіе проступки?

— Разъ за то-съ, что у кантониста были на ногахъ черныя портянки, а другой разъ за то, что у двухъ дурно были починены брюки. Брюки чинять себѣ кантонисты сами-съ.

— А по сколько ударовъ получилъ?

— Въ первый разъ... въ первый разъ... во... во... восемь, а во второй разъ четырнадцать, ваше прев-ство-съ.

— А сколько тебѣ отроду лѣтъ?

— Сорокъ-пять лѣтъ, ваше прев-ство.

— Пошолъ вонъ туда, да не разговаривай.

Къ ревизору вошелъ слѣдующій.

— Правда ли, братецъ, что начальство васъ, учителей, наказываетъ тѣлесно?

— Правда, ваше прев-ство.

— И тебя сѣяли?

— Точно такъ, ваше прев-ство. Самъ начальникъ меня два раза наказывалъ: первый разъ пятидесятью ударами за то, что у нѣкоторыхъ кантонистовъ моего капральства были дурно починены брюки. Но наказанія эти я получилъ сообразно моей винѣ и безъ всякихъ жестокостей.

— Гм!.. произнесъ ревизоръ.—Значить, не претендуешь?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, по благоусмотрѣнію-съ изволили выдрать.

— И то хорошо; ступай. Слѣдующій!

Итакъ далѣе; затѣмъ, ввели Сибирякова.

— Ну, а что скажешь ты о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ заведеніи?

— Вамъ угодно знать? Извольте, твердо заговорилъ Сибиряковъ.—И меня, и всѣхъ учителей наказывали и продолжаютъ жестоко наказывать, несмотря на то, что, на основаніи закона, мы избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Намъ достается за грязныя кантонистскія портянки, за щель подъ кроватами, за ошибки по фронту, за неисправности капральствъ, которыми мы управляемъ, за недосмотръ, за рваную одежду, за шалости и чесотку кантонистовъ, за ихъ больные глаза. Насъ и кантонистовъ кормятъ скверно, мундиры и куртки мы носимъ рва-

ные; чинимъ все это сами и кто чѣмъ можетъ; матеріаловъ для починокъ не дадутъ никакихъ, а требуютъ, чтобы все это было въ лучшемъ видѣ. Вечера проводимъ мы при мерцаньи однихъ тусклыхъ ночниковъ; о казенныхъ свѣчахъ знаемъ только по наслышкѣ. Отъ варварскаго обращенія кантонисты рѣшаются на крайности: топятся въ рѣкѣ и въ отхожихъ мѣстахъ, рѣжутся.

— Да правду ли ты все это говоришь? переспросилъ ревизоръ. — Есть же въ заведеніи хоть что-нибудь да хорошее?

— Все, что я сказалъ вамъ—сухая правда. Хорошаго здѣсь ровно ничего нѣтъ. Вы близко незнакомы съ нашей жизнью, и, можетъ быть, не повѣрите мнѣ. Тутъ нужно мѣсяца два пожить, чтобы ознакомиться съ дѣломъ.

— А не слыхалъ ли ты, кто писалъ отъ имени учителей доносъ на жестокое съ ними обращеніе? Мнѣ бы это хотѣлось узнать, для дальнѣйшихъ соображеній.

— Самъ я писалъ эту жалобу.

— Ты-и? И лицо ревизора просіяло.—А были у тебя сообщники?

— Я писалъ съ согласія всѣхъ учителей вообще, и особенно тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ году наказаны тѣлесно. Я писалъ не доносъ, а, повторяю, жалобу.

— Всѣхъ учителей сюда! кричалъ ревизоръ. Робкою, трусливою поступью вошли учителя.—Кто изъ васъ участвовалъ въ составленіи, или переписываніи вотъ этого доноса? молвилъ ревизоръ, показывая бумагу.

Всѣ молчали.

— Выходи же, кто участвовалъ, не то вызову по фамиліямъ: я вѣдь всѣхъ знаю. Ничто не шелохнулось.

— Такъ изъ васъ никто не участвовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, никто, единогласно отвѣчали учителя.

У Сибирякова въ глазахъ потемнѣло, дыханіе захватило отъ этого отвѣта. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Слышишь, братецъ, что они говорятъ? обратился къ нему ревизоръ.

— Вы ничего не знаете? вмѣшался Сибиряковъ, вспыхнувъ.— Развѣ не вы приставали ко мнѣ написать жалобу? Развѣ не вы, прочитавши черновую, одобрили и просили меня скорѣй послать ее? Наконецъ, не ты-ли, Стрекаловъ, перебѣлалъ мою черновую?

— Нѣтъ, я о доносѣ ничего знать не знаю, отвѣтилъ Стрекаловъ.

Все смолкло. Учителя старались и дышать-то по возможности тише.

— Ну, а хорошо ли начальство обращается съ вами? спросил ревизоръ.—Говорите откровенно.

— Хорошо-съ, очень хорошо, ваше прев-ство.

— И никакихъ вамъ жестокостей никто не причинялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство; мы всѣмъ довольны.

Учителей распустили ¹. Сибирякова отправили подъ арестъ, а ревизоръ пошелъ допрашивать кантонистовъ 4-й роты, заподозрѣнныхъ въ участіи въ заговорѣ противъ начальства.

Кантонисты 4-й роты были особенно вооружены противъ начальства и потому не упускали случая надѣлать ему непріятностей.

— Здорово, ребята! привѣтствовалъ роту ревизоръ. Рота отвѣчала молчаніемъ. Ревизоръ растерялся. У начальника чортки въ глазахъ запрыгали.

— Здорово, ребята, повторилъ ревизоръ, оправившись. Никто и не пикнулъ. Въ это время раздался трескъ оплеухи. Ревизоръ взглянулъ въ ту сторону, откуда слышался трескъ, и медленно повернулъ глаза къ ротѣ.

— Да что же вы, ребята, молчите? началъ онъ. — Недовольны, что ли, чѣмъ, такъ говорите прямо.

— Недовольны, всѣмъ недовольны, всею нашею жизнью недовольны!

— Кто недоволенъ—шагъ впередъ.

Вся рота шагнула впередъ. Ревизоръ нахмурился.

— Въ чемъ-же ваша претензія? спросилъ онъ.

— Всѣмъ говорить нельзя: вамъ насъ не слышать, отозвался кто-то изъ перваго взвода.—Мы выбрали изъ себя троякъ, они вамъ все скажутъ. Прикажите впередъ нашему началству выдти отсюда, подхватилъ второй взводъ.

— Господа офицеры и унтеръ-офицеры—въ другую роту маршъ! молвилъ ревизоръ взволнованнымъ голосомъ. Начальство ушло.

— Выборные впередъ! продолжалъ ревизоръ. Три кантониста выступили съ разныхъ сторонъ. Звали ихъ: одного Михайла Бахманъ, другаго Николай Мараевъ, а третьяго Василій Васильевъ. Всѣ они были стройные, рослые, красивые юноши, имѣли лѣтъ по 18 на видъ. Ревизоръ смѣрилъ ихъ

¹ Суть описаннаго и отвѣты учителей приведены здѣсь изъ достоверныхъ источниковъ — подлиннаго по этому предмету дѣлу, отысканнаго нами въ слѣдствіи въ одномъ изъ архивовъ военнаго министерства.

долгимъ, испытующимъ взглядомъ. Въ комнатѣ слышалось, какъ жужжали мухи.— Чѣмъ же васъ обижаютъ? спросилъ онъ перваго.

— Чѣмъ насъ обижаютъ? со вздохомъ повторилъ Бахманъ, покраснѣвъ. — При васъ сейчасъ кантонисту задней шеренги разбили въ кровь губы, а вы и видите, и не видите. Неужто вы затѣмъ сюда присланы, чтобы въ вашихъ глазахъ лилась наша кровь? Неужто-жъ и въ васъ, также, какъ въ нашихъ начальникахъ, нѣтъ къ намъ ни капли жалости? Бахманъ остановился и, уставившись своими большими, выразительными глазами въ ревизора, казалось, замеръ.

— И ты, мальчишка-негодный, смѣешь такъ дерзко говорить? Арестовать его!

— Не дадимъ, не дадимъ его арестовать, крикнула рота.— Арестовать, такъ и насъ всѣхъ арестуйте: онъ говорилъ за всю роту; всякій изъ насъ то же самое сказалъ бы вамъ.

Ревизоръ задумался.

— Что жъ арестуйте, я ареста не боюсь: заодно ужъ мнѣ пропадать, продолжалъ ободренный Бахманъ.— Отъ насъ вонъ и на почтѣ писемъ не принимаютъ: все боятся жалобъ. Но вѣдь у многихъ изъ насъ есть въ городѣ отцы, матери, родственники и отъ всѣхъ ихъ почта не убережется... Долго ли, коротко ли, а наши стоны услышатся же! Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы, что бы мы, какъ прежде, кричали: «всѣмъ довольны»,—но мы дальше не можемъ молчать и, ежели наша правда глаза волеетъ, то этому вина не наша, а тѣхъ, кто довелъ до этого.....

— Замолчи, пащѣнокъ эдакій! закричалъ ревизоръ, топнуть ногою.—Какой маленькій, и какой злой! это большой грѣхъ. Говори ты, въ чемъ ваша претензія, обратился онъ, понижая голосъ, къ слѣдующему выборному.

— Я ваше прев-ство, осмѣливаюсь доложить вамъ вотъ что: мы всѣ обижаемся, затѣмъ приневоливаютъ еврейчиковъ креститься. Узнаеть, напимѣръ, начальникъ, что завтра придетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ раза два-три въ годъ человекъ по 100, по 200), и ужъ заранѣе шлетъ унтеръ-офицеровъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ близко никого изъ здѣшнихъ евреевъ-солдатъ. Приведутъ ихъ въ казармы, загоняютъ въ холодную комнату, безъ кроватей, безъ тюфяковъ; все, что у нихъ найдется при себѣ изъ съестнаго — отнимутъ и запрутъ ихъ подъ замокъ. И валяются они на голомъ полу, стучать отъ холода зубами да плачутъ цѣлыя сутки. На утро придетъ къ нимъ начальникъ, за

нимъ принесутъ туда нѣсколько чашекъ щей, каши, каравая три хлѣба и десятокъ пучковъ розогъ. «Что это за люди?» кричатъ онъ, будто самъ не знаетъ. «Жиды», отвѣтитъ ему фельдфебель. «Какъ жиды?» закричитъ онъ во все горло: «откуда они взялись? Ножей, топоровъ сюда, всѣхъ перерѣжу, изрублю въ мелкіе кусочки: жидовъ мнѣ не надо; въ огонь, въ воду всѣхъ ихъ разомъ побросаю; жиды продали Христа, проляты Богомъ; туда имъ и дорога!» Тѣ, извѣстно, перепугаются, а ему только того и надо. «Эй ты, пооди сюда!» зоветъ онъ къ себѣ того изъ еврейчиковъ, кто всѣхъ трусливѣй выглядить. «Кто ты?»—«Еврей». «А?.. Еврей, ну хорошо: я люблю евреевъ, потому самъ былъ евреемъ, крестился такимъ же маленькимъ, какъ ты, и вотъ теперь сталъ полковникъ. Эй вы, еврей! видите на мнѣ какіе эполеты? Изъ чистаго золота. Креститесь, и вы будете полковниками и тоже будете носить золотые эполеты. Желаетъ креститься—а? Тотъ молчитъ. «Выбирай любое: или говори «желаю» и иди вонъ въ уголь обѣдать, или, если не хочешь—раздѣвайся. Все долой съ ногъ до головы; запрягу!» Что выбирать? голодъ, извѣстно, не свой братъ, розги—страхъ,—ну и отвѣчаетъ «желаю» и идетъ ѣсть. А кого ни страхъ, ни голодъ не беретъ, тѣхъ чрезъ три четвертаго дерутъ, морятъ голодомъ, въ гробъ, можно сказать, вгоняютъ. А крещенные нерѣдко мѣсяца по два-по три послѣ крещенія не знаютъ, какъ ихъ и зовутъ-то порусски, а молитвы внучаютъ развѣ-развѣ чрезъ годъ. Бывало, на повѣркѣ капраль выкликаетъ: «Иванъ Петровъ», а еврейчикъ молчитъ. «Ты, жидовская твоя морда, что не откликаешься!» закричитъ капраль и дастъ ему въ зубы. Тотъ съезится отъ боли, да и стонитъ, точно истуканъ. «Шмуило Хайловичъ?» повторитъ капраль. «Я», отвѣтится еврейчикъ. «Да Хайловичъ ты пожидовски, а порусски-то какъ? Ты вѣдь ужъ крещенный, русскій», толкуетъ ему капраль. Иной, непонятливый, не одну сотню розогъ получить, пока заучитъ русское свое имя.

— Ну, а ты что скажешь? спросилъ ревизоръ третьяго.

— Да осмѣлюсь доложить... началъ Васильевъ:—жизня намъ совсѣмъ нѣтъ: холодаемъ, голодаемъ, терпимъ всякія тиранства рѣшительно ни за что, ни про что... Кто начальству денегъ не даетъ, кто у него спроситъ свои, присланныя изъ деревни, изъ дома, того за это бьютъ, дерутъ, да и плакать не велать.

Васильевъ что-то вспомнилъ и не вытерпѣлъ—заявлялъ.

— *Особеннаго* какихъ нибудь претензій нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ-съ, еще особенныхъ никакихъ нѣтъ, крикнули одни.—

Да и этихъ довольно! подхватили другіе.—Вы эти-то разберите по правдѣ, по закону, продолжали третьи.—Будьте нашимъ отцомъ, покровителемъ; вѣкъ не забудемъ, кричали четвертые.— Нашему начальству не извольте сказывать о нашей жалобѣ!

— Будьте, ребята, спокойны: все, что могу, я для васъ сдѣлаю. А вы трое идите въ свое мѣсто, да впередъ никогда не будьте ни зачинщиками, ни доказчиками: тѣмъ и другимъ всегда попадетъ первый кнутъ.

Далѣе прочитавъ и ротѣ наставленіе, какъ себя вести, ревизоръ ушелъ, въ сопровожденіи начальства.

Начальникъ, въ свою очередь, углубился въ сочиненіе отвѣтовъ на множество заданныхъ ему вопросовъ, и совершенно забылъ на время и роту бунтовщиковъ, и выборныхъ. Отвѣты его были, по истинѣ, замѣчательны. Такъ на вопросъ: почему онъ наказалъ тѣлесно двухъ учителей, имѣвшихъ по двѣ нашивки, онъ отвѣтилъ: «учителя съ нашивками, во вниманіе долговременной и безпорочной ихъ службы, точно были имъ подвергнуты легкому наказанію, за проступки, незаслужившіе донести о лишеніи ихъ нашивокъ». По какому случаю онъ наказалъ учителя 60 ударами за запачканный кантъ, онъ отозвался: «Учитель наказанъ 60 лозонами во вниманіе молодости лѣтъ и дабы не дать ему повода къ подобному поступку». На вопросъ: почему, вопреки распоряженію 1818 г., онъ вообще наказывалъ учителей, начальникъ отозвался такъ: «имѣя въ виду распоряженіе 1833 г., которымъ дозволялось наказывать учителей тѣлесно, не выходя изъ предѣловъ власти, онъ руководствовался имъ, а не распоряженіемъ 1818 г., воспрещавшимъ ихъ наказывать; измѣнить же это правило (т.-е. не наказывать) онъ не считалъ себя вправѣ». Кромѣ того, ему частнымъ образомъ извѣстно, что его знакомый, командиръ образцоваго полка, на сдѣланный имъ гораздо позже того вопросъ: можно ли наказывать учителей тѣлесно, получилъ отъ департамента военныхъ поселеній утвердительный отвѣтъ.

Прошло дня два. Въ воскресенье по базармамъ объявили, что ревизоръ уѣхалъ. Кантонисты пообѣдали. За роспускомъ многихъ со двора и за уходомъ: однихъ — на базаръ, другихъ — за магазины, на лицо въ 4-й ротѣ осталось немного кантонистовъ. По случаю праздника они играли въ жгуты, въ чехарду, въ котяжки, въ камешки.

Въ это время, на одной изъ кроватей задней линіи задумчиво сидѣли знакомые читателю кантонисты: Бахманъ, Мараевъ и Васильевъ — депутаты, объяснявшіеся съ ревизоромъ.

— Во всемъ-то намъ, братцы, не везетъ, говорилъ Бахманъ, вздохнувъ. — Теперь мы окончательно пропали. Такъ я думаю.

— Еще бы не пропасть! подхватилъ Васильевъ. — Учителишки-то, вонъ, струсили, — ну, и Сибиряковъ погибнетъ.

— Ну ихъ, учителей! Самимъ грозить бѣда; не дальше, какъ завтра, объ эту пору, намъ, пожалуй, придется ужъ лежать въ лазаретъ... изсѣченными.

— Бѣжимъ, братцы! вполголоса молвилъ Мараевъ.

— Идетъ, дрожащимъ голосомъ отозвался Васильевъ.

— Ну, а ты, Миша?

— Я?... и я... покончу... подтвердилъ Бахманъ, махнувъ рукою.

— Такъ идемъ собираться въ путь-дорогу, настаивалъ Мараевъ. — Какъ только стемнѣетъ, чтобъ нашего и духу больше здѣсь не пахло.

— Собираться, такъ собираться, повторилъ Бахманъ: — Не красна и жизнь-то, жалѣть не о чемъ. Кончить лучше сразу, да и баста.

Друзья разошлись въ разныя стороны.

Ночью, когда всѣ уже спали, произошло необыкновенное происшествіе: одинъ изъ кантонистовъ второй роты увидалъ чорта.

— Караулъ, чортъ, чортъ, караулъ! заревѣлъ онъ благимъ матомъ. — Караулъ! чортъ, чортъ, караулъ! подхватили прочіе часовые. — Караулъ! повторилось эхомъ въ отдаленныхъ комнатахъ.

Кантонисты повскакали съ кроватей. Поднялся шумъ, гамъ, все столпилось у входа въ ретирадное мѣсто, откуда раздавался крикъ.

— Благо попался, надо поймать его, этого чорта, кричали кантонисты: — всѣ бока ему переломать.

— Это онъ наши сапоги по ночамъ носитъ; къ утру весь глянecъ пропадетъ!

— А гогочетъ-то въ трубѣ, а свичетъ-то въ окнахъ, все вѣдь, братцы, онъ же, этотъ самый чортъ!

— Тащите, братцы, скорѣе образъ сюда!

— Лучше, братцы, въ бутылку его заманить, да пробкою и закупорить; пусть его тамъ издохнетъ. Несите бутылку-то.

— А поди-ка поставь её, коль храберъ, авось на мѣстѣ же задушить. Боекъ больно, такъ покажи свою удалъ.

— Что за крикъ! Кто тамъ? допытывались переполошившіеся унтера и фельдфебель.

— Чортъ стоитъ въ ретирадѣ, кантониста душить, давить, колеть, голосили со всѣхъ сторонъ.

— Унтеръ-офицеры одѣться въ форму! скомандовалъ фельдфебель.—Зайцевъ, бѣги за дежурнымъ офицеромъ. Живо!

Явился дежурный офицеръ п, протирая сонные глаза, спросилъ, чтó случилось.

— Чортъ, ваше бродье, душить въ ретирадѣ кантонистовъ, отвѣчалъ наобумъ фельдфебель, тоже еще неочнувшійся порядкомъ.—Чтó прикажете дѣлать?

— Какой тамъ чортъ! Сами вы всѣ черти, дьяволы. Нибогда спокую не дадите, проклятые! Огней сюда! Унтеръ-офицеры впередъ! Тесаки на-голо!

— Слушать команду! Унтеръ-офицеры перекрестились:—тесаки на перевѣсъ, напри дверь и дружно, сразу отворить. Разъ, два-три! Унтера принатужились и, однимъ напоромъ растворивъ настѣжъ дверь, влетѣли, до половины, въ ретирадное мѣсто, по тотчасъ же отскочили обратно къ двери и въ замѣшательствѣ погасили почти всѣ огни. Самъ дежурный попытался, въ виду такихъ критическихъ обстоятельствъ.

— Ну, что? спросилъ онъ неровнымъ голосомъ, отойдя подалеже отъ дверей.

— Стоитъ, какъ есть стоитъ надъ самою дырою, отвѣчали унтера, двигаясь еще больше назадъ.

— Да кто стоитъ?

— Извѣстно кто: чортъ, ваше бродье.

Всѣ остолбенѣли. На окнѣ ретираднаго мѣста стоялъ ночникъ и огонекъ свѣтильни чуть-чуть теплился; на томъ мѣстѣ потолка, гдѣ должно было висѣть ночнику, дѣйствительно что-то стояло.

— Унтеръ-офицеры, тесаки на руку и впередъ маршъ! командовалъ офицеръ. Но ни чортъ, ни унтера не трогались съ мѣста.

— Что же? послушаться?.. Всѣхъ передеру, разжалую, съвозъ строй прогоню! Бери его приступомъ, хватай!

— Позвольте мнѣ, ваше бродье, войти туда, молвилъ горенастый, здоровый кантонистъ, лѣтъ двадцати-двухъ. Онъ находился въ умывальнѣ, для уборки, и частенько вынашивалъ на дворъ по ночамъ ушаты съ нечистотами.—Я нивакихъ чертей не боюсь, продолжалъ онъ: — потому привыкъ по ночамъ шататься, да и черти, что люди—разные бываютъ: и смиренные, и озорники.

— Сдѣлай милость, иди, ласково заговорилъ дежурный:—

ступай, любезный, да смотри, осторожнѣй, не ровень часъ... сохрани Богъ, схватить.

— Не безпокойтесь, ваше бродье. Пропустите-ка, ребята! Онъ взявъ свѣчку и вошелъ въ ретирадное мѣсто, оставивъ позади себя настѣжь растворенную дверь. У зрителей захватило дыханіе.

— Да это, ваше бродье, не чортъ, а кантонистъ, громко заговорилъ Ивановъ, остановившись предъ воображаемымъ чортомъ.

— Кантонистъ?.. Неужто кантонистъ? тревожно спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну да, кантонистъ, повторилъ Ивановъ, заглядывая вверхъ.—Михайло Бахманъ! Я его коротко зналъ.

— Да что же онъ?

— А повѣсился.

— Да изъ-за чего?

— Знать жизнь-то больно, ваше бродье, красна. Прикажете стащить его съ петли-то?

— Нѣтъ, не трогай. Посмотри хорошенькѣ, онъ ли еще это, а ежели онъ, то на чемъ повѣсился и не живъ ли еще?

— Онъ-то онъ, ваше бродье. Ивановъ повертѣлъ висѣвшаго Бахмана кругомъ и потомъ щелкнулъ его пальцами по носу.—А повѣсился онъ на полотенцѣ и оно ужъ порвалось: тяжелъ больно. Нарочно, шельмецъ, испортилъ новое полотенце, а оно вѣдь казенное, за него каптенармусъ житья не дастъ. Подай, дескать, въ сдачу.

Удостоверившись въ дѣйствительности случившагося, дежурный заперъ дверь на замокъ, поставилъ часоваго и ушелъ. Фельдфебель, унтера и кантонисты тоже разошлись. Утромъ тѣло Бахмана сняли съ петли, унесли въ часовню лазарета, а сутки чрезъ трое завернули трупъ съ ногъ до головы въ холстъ и, положивъ въ наскоро сколоченный ящикъ, взвалили этотъ «гробъ» на телѣгу. Кучеръ со сторожемъ свезли его за околицу и закопали въ болотѣ, на кладбищѣ самоубійцъ. Тѣмъ и кончилась жизнь этого несчастнаго юноши.

На четвертый день послѣ погребенія Бахмана, Мараева и Васильева исключили изъ списковъ, какъ безъ вѣсти пропавшихъ, распространивъ по заведенію слухъ, будто они утонули, о чемъ начальство заключило по найденной на берегу рѣки ихъ одеждѣ.

Вскорѣ послѣ трагической смерти Бахмана, заведеніе внезапно было взволновано печальными новостями: Сибирякову вышло рѣшеніе. Его разжаловали въ рядовые, наказали 150-ю

ударами розогъ и сослали въ гарнизонъ. Начальнику дали выговоръ за безпорядки по заведенію. А еще недѣли двѣ спустя въ казармы привели Мараева, закованнаго въ кандалы. Убѣжавъ изъ заведенія, онъ хотъ и успѣлъ перебраться, вмѣстѣ съ Васильевымъ, въ сосѣднюю губернію, но, отыскивая тамъ безопасное убѣжище, они забрели въ какой-то городишко, гдѣ и остались ночевать. Мараевъ пошелъ на базаръ купить провизіи и заспорилъ съ торговкою. Торговка крикнула сотскаго, который стащилъ его въ полицію. Тамъ его начали допрашивать: чей, да откуда, но онъ упорно молчалъ цѣлыхъ трое сутокъ. Этимъ онъ давалъ Васильеву знать, чтобъ скрылся. Потомъ признался и былъ отправленъ по этапу въ заведеніе. Здѣсь его засадили на гауптвахту и предали суду. Главное начальство рѣшило наказать его 100 ударами розогъ. Ночь предъ наказаніемъ Мараевъ провелъ въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Утромъ долго, горячо молился, а когда пришелъ за нимъ конвой, онъ молча простился со своими сожителами по гауптвахтѣ, шепнулъ одному изъ нихъ что-то на ухо и смѣло, рѣшительно отправился за полученіемъ опредѣленнаго наказанія, за побѣгъ.

Передъ выстроенымъ на плацу фронтомъ кантонистовъ нетерпѣливо ожидалъ Мараева, какъ коршунъ добычу, Куратниковъ. Около него стояли барабанщики и лежало пучковъ 100 розогъ, вымоченныхъ въ горячей соленой водѣ.

Очутившись на лобномъ мѣстѣ, Мараевъ оглянулся кругомъ и позеленѣлъ отъ страха.

— Раздѣвьяся-ка, каналья ты эдакая, молвилъ начальникъ:— все, все долой. Я вотъ тебѣ покажу, какъ бѣгать.

— Ваше высокородіе, помилуйте, смальтесь надо мной! взмолился-было Мараевъ.

— Спусти прежде шкуру съ шеи до пятъ, а потомъ, пожалуй, и помилую. Раздѣвайся же!

— Такъ прочтите, ваше высокородье, хотъ вотъ эту записку впередъ, а тамъ... Мараевъ вынулъ изъ-за обшлага шинели крѣпко свернутую бумажку, въ которой ровно ничего не было писано и, придвигаясь къ начальнику, подалъ ее ему.

Начальникъ взялъ въ руки бумажку и внимательно началъ ее раскручивать. Въ это самое время Мараевъ схватился обѣими руками за его эполеты, съ быстротою молніи сорвалъ, одинъ совершенно прочь, а другой на половину, ударилъ вырваннымъ эполетомъ начальника по щекѣ и потомъ началъ вомкать, мать эполетъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи. Посту-

покъ Мараева точно громомъ поразилъ весь фронтъ. Начальствующіе остолбенѣли, а подначальные чуть не запрыгали ¹.

— Отнять эполетъ и взять его! отчаянно заревѣлъ Курятниковъ, опомнившись. И офицеры, и фельдфебель бросились на Мараева и хотъ съ большимъ трудомъ, но отняли у него измѣтый эполетъ, а самого повалили на полъ.

— Раздѣть его до нага, растянуть на скамейкѣ и начать въ пересыпк-ку-у!... неспово ревѣлъ начальникъ, надѣвая эполетъ.

Одежда Мараева моментально превратилась въ клочки, а самъ онъ очутился на скамейкѣ; на головѣ и на ногахъ его сидѣли солдаты, а два барабанщика ужъ рвали розгами живое мясо изъ его тѣла.

Затѣмъ началось вторичное судьбище, вслѣдствіе котораго послѣдовало новое рѣшеніе: «Мараева, какъ неимѣвшаго въ день содѣяннаго преступленія совершенныхъ лѣтъ (ему было 16 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ отроду), на основаніи 107 и 937 ст. I кн. 5-й части свода военныхъ законовъ, не наказывая тѣлесно, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на *восемь лѣтъ*». Мараева привели въ канцелярію и безъ всякой уже торжественности одному прочитали рѣшеніе. Въ тотъ же часъ отправили его въ губернское правленіе, а оттуда въ острогъ. Выходя изъ канцеляріи, Мараевъ,—уже страшная, неузнаваемая тѣнь прежняго красиваго, здороваго юноши,—прощаясь съ окружавшими его товарищами, занимавшимися въ канцеляріи (въ числѣ ихъ былъ и авторъ очерковъ), искренно радовался своему избавленію отъ кантонистской жизни. По своему простодушію, онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы жизнь въ каторжной работѣ могла быть хуже житья въ заведеніи кантонистовъ.

Послѣдній актъ трагедіи, въ которой были главными дѣйствующими лицами трое юношей, разыгрался нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ канцелярію заведенія привели однажды, подѣ конвоемъ, высокаго, здороваго мужчину, лѣтъ 23-хъ на видъ, въ арестантской одеждѣ, въ вандалахъ, съ длинными русыми волосами и такого же цвѣта бородою. То былъ Василій Васильевъ. Сзади конвоя стояла молодая женщина, довольно красивой наружности, держъ за руку хорошенькаго мальчика лѣтъ шести. Женщина была жена, а мальчикъ—сынъ Васильева. Широкое, му-

¹ Между кантонистами и даже солдатами тогдашняго времени твердо вѣрили въ неизвѣстно откуда занесенный слухъ, будто офицеръ, съ котораго сорвутъ эполеты, тѣмъ самымъ лишается офицерскаго званія.

скулистое лицо Васильева болѣзненно передергивалось, а большіе голубые глаза его лихорадочно блуждали, переходя съ одного предмета на другой. Исторія странствія Васильева по бѣлу свѣту и рокового возвращенія въ заведеніе была довольно коротка. Пробравшись верстъ за 400 отъ мѣста расположенія заведенія, онъ досталъ какимъ-то путемъ чужой паспортъ; зашибъ, затѣмъ, трудомъ да бережливостью, копейку, отошелъ еще нѣсколько отъ большого тракта, и поселился въ маленькомъ городишкѣ. Тамъ, онъ занялся кое-какою торговлею, и, наконецъ, женился. Черезъ годъ у него родился сынъ. Тихо, мирно прожилъ онъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ. Повременамъ онъ впадалъ въ грусть, скучалъ по матери, по сестрѣ и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ выпивкѣ. Разъ, будучи навеселѣ, выболталъ онъ неосторожно тестю свою кручину, а тотъ, поссорившись съ нимъ изъ-за чего-то, въ пылу гнѣва, выдалъ его полиціи. Полиція сперва высосала изъ него, въ короткое время, всѣ его средства, а потомъ засадила самаго въ острогъ, затѣяла переписку, по милости которой онъ и очутился въ канцеляріи. Жена его отправилась за нимъ вмѣстѣ съ сыномъ.

— Такъ ты, братецъ, такъ-таки и не хочешь сознаться, что ты кантонистъ Василій Васильевъ? спрашивалъ его въ канцеляріи уже новый начальникъ.—Вѣдь есть улики. Станешь заширяться, тебѣ же хуже будетъ.

— Нѣтъ, я не кантонистъ, а мѣщанинъ, это видно изъ моего паспорта, грубо отвѣчалъ арестантъ, потупивъ голову.— Меня стращать нечего: я никакихъ уликъ не боюсь.

— Выдь-ка, матушка, сюда и погляди, не онъ ли твой братъ? продолжалъ начальникъ, повернувъ голову къ боковой двери. Изъ двери вышла блѣдная, изнуренная молодая женщина. Взглянувъ на арестанта, она пошатнулась, остановилась, шагнула еще впередъ, опять остановилась, и зарыдавъ, оперлась на столъ.

— Ну, что, матушка, онъ что ли твой братъ, или нѣтъ? спросилъ начальникъ.— Скажи по совѣсти, и разомъ покойчимъ эту комедію.

— Онъ, батюшка, онъ, мой братъ Вася, сквозь слезы заговорила монашенка:— Вася, голубчикъ, вѣдь это ты, ты, мой сердешный! добавила она и бросилась-было къ нему на шею.

— Убирайся прочь отъ меня! озлобленно крикнулъ арестантъ и оттолкнулъ отъ себя монашенку.—Кой тутъ чортъ: братъ! Ишь побраталась...

Но монашенка не унималась, рыданіямъ и причитаніямъ ея

не было конца. Несмотря на упорное отрицаніе со стороны Васильева, начальникъ вынесъ изъ этой сцены убѣжденіе въ его виновности. Судьба его была рѣшена.

Васильева прогнали сквозь строй и сослали въ арестантскія роты за шестилѣтнее нахожденіе въ бѣгахъ, за поддѣлку паспорта и упорное заперательство. Сына его взяли въ кантонисты, какъ человѣка, рожденнаго отъ кантониста, а жена, чаявшая освободить мужа, видѣвши экзекуцію надъ нимъ и лишившись не только его, но и сына, сошла съ ума и кончила жизнь самоубійствомъ.

Здѣсь встаетъ, вопервыхъ, замѣтимъ, что давилось, тѣпилось и бѣгало очень много кантонистовъ, а вовторыхъ, расскажем другой случай. Въ заведеніе однажды привели сѣдаго старика, лѣтъ 50-ти, когда-то, въ молодости, отличившаго отъ поступленія въ кантонисты. У старика были не только сыновья, но и внуки. Судили его, судили, и, наконецъ, во вниманіе къ чистосердечному его сознанию, старости и неспособности къ боевой службѣ, рѣшили: не наказывая его тѣлесно, опредѣлить въ кашевары на солдатскій 25-лѣтній срокъ. Такимъ образомъ, онъ могъ рассчитывать на отставку не рѣе, какъ на восьмидесятомъ году жизни.

Старикъ былъ словоохотливъ и нерѣдко рассказывалъ о своихъ походахъ.

— Прожилъ я, говорилъ онъ, въ бѣгахъ вѣкъ свой, не градуясь, а побожески, да по милости общаго благодѣтеля — добраго барина. Жилъ-былъ неподалеку отселева этотъ баринъ, знатный, богатый и большой охотникъ до правды, до воли и до войны. Гдѣ, какъ и почему онъ пристрастился къ эвдакимъ дѣламъ, откуда и когда явился въ помѣстье—ничего я этого не знаю. Помѣстье его было большущее: тянулось на цѣлый уѣздъ, а самъ онъ жилъ въ громадномъ селѣ. Село стояло надъ широкой, бурливой рѣкой и попасть въ него можно было не иначе, какъ перѣхавши рѣку на барскомъ паромѣ. На ночь паромъ причаливался къ берегу села и держался до утра на привязи. У села и по селу ходили ночью, по наряду, караульщики. Самое село было окружено каменною стѣною, точно крѣпостью. Внутри села тянулся, на версту, одинъ каменный домъ одноэтажный со всякими службами. Баринъ всѣхъ принималъ, кому худо на свѣтѣ жилось: кто удиралъ отъ дурнаго помѣщика, кто отъ солдатства, или кантонистства, а кто изъ острога,—всѣ шли къ нему. Всякій такой человѣкъ являлся къ нему лично, рассказывалъ ему по совѣсти: откуда, какъ и для-че убѣжалъ, полу-

часть отъ него наставленъе какъ держаться, живучи у него, и уходилъ съ провожатымъ въ контору. Тамъ его записывали въ число дворни, отводили комнату въ барскомъ же домѣ, давали одежду, обувь, бѣлье и все такое прочее. Съ мѣсяцъ бѣглый отдыхалъ, знакомился со всѣми; а тамъ его посылали на работу, по его силамъ и понятіямъ гляди. Такъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ, выбиралъ себѣ дѣло, какое тебѣ по нраву. Холостыхъ баринъ любилъ женить, дѣвокъ замужъ выдавать, и тѣмъ и другимъ давалъ отъ себя приданое, строилъ избы, переводилъ ихъ въ другія свои имѣнія, пересаживалъ на оброкъ, а оброкъ бралъ самый пустяшный. У мужиковъ самъ крестилъ дѣтей, помогалъ имъ деньгами, обходился со всѣми ласково, дружественно, точно съ ровней. Любилъ онъ всего больше смѣльчаковъ, расторопныхъ, да стрѣлковъ; съ такими людьми онъ объѣзжалъ верхами, на лошадахъ, свои помѣстья и охотился по лѣсамъ дремучимъ. Всѣ его знали. Не было примѣра, чтобъ онъ кого-нибудь изъ бѣглыхъ выдалъ, не глядя ни на какія угрозы, ни на какія жалобы господъ. Начальства онъ рѣшительно никакого не боялся. Приѣдетъ, бывало, становой, либо исправникъ отыскивать какого-нибудь бѣглаго; явится къ нему. Онъ его выслушаетъ, велитъ напоить-накормить, дать на дорогу за трудъ: становому—25 руб., исправнику—50 руб. и проводить его за ворота. Тѣ, знаяши его нравъ, угостившись на славу, брали деньги, уѣзжали во свояси, да и докладывали кому тамъ надо, что, молъ, такого-то нѣтъ. Ну, а ежели, да наѣдетъ бойкій какой чиневникъ и не убогостворится барскимъ положенъемъ, его, по барскому наказу, отдирали розгами и вывозили за рѣку, подъ карауломъ. Насылали, случалось, иногда, и войско, но и оно ворочалось назадъ ни съ чѣмъ: баринъ скорехонько, бывало, вооружить своихъ смѣльчаковъ винтовками, убереть паромъ, всѣ лодки, и шабашъ. Постоятъ, постоятъ это войско за рѣкой, али у села, да и вернется во свояси съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришло. Такимъ-то вотъ манеромъ баринъ и наводилъ страхъ на всѣхъ властей много лѣтъ сряду, пока его не стало, а съ этимъ случаемъ и наша сила вдругъ лопнула и всѣ мы сгибли. Отлучился разъ баринъ потихоньку въ Москву. Начальство это пронюхало, схватило его въ дорогѣ, да и упрятало куда-то далеко, а къ намъ бацъ войско, застигло всѣхъ въ расплохъ и пошла тутъ такая перепалка, что и небу было жарко. Около мѣсяца перебирали насъ по косточкамъ. Кто успѣлъ — уѣзжалъ, кто струхнулъ — утонулся въ рѣкѣ, а кто сплеховалъ — тотъ

попался. Въ числѣ бѣглыхъ кантонистовъ очутился и я. Попалъ я къ барину такимъ родомъ: заслышавъ, что меня требуютъ въ кантонисты, я убежъ изъ дома, явился къ барину, рассказалъ ему свое горе и остался у него жить. Мнѣ было въ ту пору ровно 18 лѣтъ. И вотъ цѣлый вѣкъ выжилъ благополучно, не думалъ, не гадалъ, а таперь, на старости лѣтъ, попался; да мало того самъ попался, такъ и все добро мое, нажитое кровавымъ потомъ, сгнуло: въ суматохѣ все до гла раскрани.

XIII.

ЖИТЬЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ, ЛЮБОВЬ И ЕЯ РАЗВЯЗА.

Прошла половнина лѣта и кантонисты уже собрались въ деревню, куда ихъ, въ эту пору, ежегодно выводили на отдыхъ.

Однажды утромъ, въ июлѣ, кантонисты всего заведенія стояли на плацу. Передъ фронтомъ прохаживался начальникъ, желавшій обратиться къ своимъ питомцамъ съ напутственной рѣчью.

— Въ деревнѣ жить, смирно, говорилъ онъ: — хозяевъ вашихъ уважать! Помогайте имъ, чѣмъ можете, и они стануть хорошо васъ кормить, прощать провіантъ; а коли будете озорничать, и они потребуютъ паёкъ — такъ я васъ!

Съ такимъ напутствіемъ кантонисты отправились, поротно, въ дорогу, пѣшкомъ, верстъ за сто или за двѣсти отъ города.

Житью въ деревнѣ кантонисты всегда радовались, его ждали съ свойственнымъ дѣтямъ нетерпѣніемъ. Но съ прибытіемъ въ деревню, ихъ радость значительно уменьшалась: тамъ также надо было вставать въ пять и шесть часовъ утра и ходить ежедневно на фронтное ученье въ капральство и на ротный дворъ. Разстояніе между деревнями, гдѣ жили кантонисты (человѣкъ 10, 15 и до 30 въ каждой деревнѣ), и центрами учений, простиралось отъ 5 до 15 верстъ, а такая ходьба отягощала кантонистовъ тѣмъ болѣе, что ни проливной дождь, ни грязь не освобождали отъ явки къ 7 часамъ на ученье. Кто опаздывалъ или вовсе не являлся, — тотъ получалъ за это всегда изрядную поронцу. Взрослыхъ, кромѣ того, безпрерывно разсмѣли по деревнямъ съ казенными и частными порученіями. Они же обязывались собирать и приводить на ученье малолѣтнихъ и присматривать за ними дома, и имъ же доставалось за шалости и оплошность послѣднихъ. Но всего тяжелѣе для

кантонистовъ бывали въ деревняхъ тѣлесные смотры, которые производились два-три раза въ недѣлю, въ видахъ предотвращенія заразы отъ мужиковъ, у которыхъ они жили. Поднимется, бывало, рѣзкій, холодный вѣтеръ, пойдетъ крупный, частый дождь, а въ сараѣ, съ огромными щелями въ стѣнахъ, съ развалившеюся крышею, стоитъ капральство, раздѣтое до нага. Правящій, или ротный командиръ ходитъ по фронту, осматриваютъ, ощупываютъ и разглядываютъ порознь каждый составляющій. Какъ дождь ни мочить, какъ ни бросаетъ отъ холода въ дрожь — не смѣй ни вздрогнуть, ни глазомъ моргнуть. Фронтъ, по словамъ начальства, было мѣсто священное, и потому за невольную дрожь, какъ за оскорбленіе этой святыни, неминуемо наказывали. Кромѣ того, кантонистамъ, во время стоянки въ деревняхъ, воспрещалось пѣть пѣсни на улицахъ, ходить разстегнувшись, участвовать въ дѣтскихъ играхъ, уходить дальше гумна безъ спросу.

Крестяне той мѣстности, гдѣ квартировали кантонисты, были преимущественно старообрядцы различныхъ толковъ, а потому враждебно встрѣчали кантонистовъ, непринадлежащихъ къ ихъ сектамъ. Съ своей стороны кантонисты, слѣдуя наставленію начальника: уважать хозяевъ, и боясь вооружать послѣднихъ противъ себя, изыскивали всевозможные способы сближенія съ своими хозяевами и безсовѣстно обманывали ихъ.

Особенно отличался хитростью кантонистъ Бобковъ. Бывало, войдетъ въ назначенную ему для житья избу, поклонится.

— Здравствуйте, люди божьи, говоритъ. — Я къ вамъ квартировать назначенъ, такъ не обижайте жъ меня, смиренного раба божія: я и то въ випятигѣ виплю, да и родомъ изъ вашего согласія.

— Здравствуй, коль не шутишь, недовѣрчиво отвѣчаетъ старуха, нашептывая молитву и перебирая въ рукахъ четки. — А какимъ ты крестомъ молишься, ежели нашего согласія?

— Благословеннымъ, бабушка, благословеннымъ молюсь, вотъ какъ видишь, а то какимъ же мнѣ инымъ крестомъ молиться?

— Ну, а какъ епта вещь прозывается? продолжаетъ она, показывая ему четки.

— Лестовка, бабушка. Покойная моя матушка, царствіе еѣ небесное, завсегда такъ молилась и меня тому жъ учила, — да вотъ въ службѣ-то этой я, почитай, все перезабылъ. Да и не мудрено: по нашему-то вонъ и молиться запрещаютъ...

— Коли, голубчикъ, велеть? Они, вѣдь, еретики, да смутьяны рода человѣческаго; такъ гдѣ жъ имъ думать о спасеніи, да о царствіи небесномъ!

Звать-то тебя какъ?

— Александромъ, бабушка, и кличутъ Бобковымъ. У меня, бабушка, со вчерашняго вечера еще и крохи во рту не было. Ъсть больно хочется. Не дашь ли чего перекусить?

— Наслышаны мы, голубчикъ Александра, про вашу-то службу вдоволь: знай сквернословь, да пой сатанинскія пѣсни, а въ брѣхѣ-то пушай себѣ урчить. Скидывай свою муницію, сложи ея вонъ въ задъ, на лавку, умой, у рукомоѣника, руки-тѣ, помолись, да и садись за столъ. А я тѣмъ временемъ сберу тебѣ обѣдъ: съ голодухи-то, поди, не до баласовъ.

— Истинно такъ, бабушка. Вотъ поѣмъ, такъ и языкъ будетъ легче ворочаться.

Бобковъ раздѣвается, моется, молится постарообрядчески и начинаетъ обѣдать; а старуха то и дѣло подливаетъ и подкладываетъ ему вкуснаго съѣстнаго, какъ единовѣрцу. Отобѣдавъ, онъ садится возлѣ старухи, внимательно слушаетъ ея поученія, поддаивая ей, сама рассказываетъ всевозможныя небылицы о претерпѣнныхъ будто бы имъ страданіяхъ «за правду вѣру», и къ вечеру становится совершенно своимъ челоукомъ въ избѣ.

Не успѣла семья вернуться съ поля, какъ старуха уже освѣстила ее о мнимомъ единовѣрцѣ.

— А ты, малый, не врешь, будто ты нашего согласія? строго спрашиваетъ Бобкова старикъ, глава семьи.

— Чистая это, дѣдушка, правда!

— Ну, и табачица погананаго не куришь и не нюхаешь?

— Что ты, дѣдушка, что ты, Господь съ тобой! Это ведь емъ-то дьявольскимъ, чтобъ я освѣрилъ себя — сохрани и помилуй меня Боже. Ни-ни!

— Коли такъ, садись съ нами ужинать.

Тѣмъ спросы о вѣрѣ и кончались. И Бобковъ съ перваго же дня обѣдаетъ, ужинаетъ вмѣстѣ со всѣми, старуха крестить его на сонъ грядущій; ночью, когда онъ разбросается во снѣ, она окутываетъ его; нашептываетъ надъ нимъ, стоняетъ съ него мухъ; стираетъ его казенное бѣлье, наливаетъ ему собственнаго, даетъ холста на портянки; изъ всякаго лакомата кушанья старается удѣлить ему лучшую часть, словомъ — делить и бережетъ его, какъ роднаго. Всѣ остальные члены семьи также любятъ его; а онъ за все это отплачиваетъ имъ посильною работою по хозяйству, смиреніемъ, точнымъ исполненіемъ хозяйскихъ обычаевъ, да слушаетъ по воскресеньямъ, часъ-другой, какъ старикъ читаетъ, по складамъ, семейству древнее благочестіе. Проходитъ мѣсяцъ.

— Не видала ли, бабушка, гдѣ моей шинели? спросилъ однажды Бобковъ, собираясь утромъ на учење.

— Шинели?.. Ахъ ты, Лексаша, Лексаша! И не грѣхъ тебѣ насъ обманывать-то? Не грѣхъ тебѣ смѣнять праву вѣру на зелье, на погань?! На томъ свѣтѣ вѣдь за каленымъ желѣзомъ стануть ротъ-то тебѣ выжигать!..

— Да гдѣ, я тебя спрашиваю, шинель-то? Вѣдь опоздаю на учење: меня за это выдеруть!

— Шинель-то? Да я въ огородъ выбросила твою паскудную шинель-то: она вся вонь провоняла поганью — табачищемъ. Не держать же въ избѣ ездакую мерзость: грѣхъ, большой грѣхъ. Неужто ты, Лексаша, и вправду жрешь это зелье-то?

Но Бобкову вовсе не до отвѣтовъ: онъ бросился въ огородъ, съ трудомъ отыскалъ шинель, надѣлъ ее и побѣжалъ на учење; а вернувшись, засталъ старуху въ страшной суматохѣ: она мыла кипяткомъ всѣ вещи, за которыя онъ когда-либо брался руками, всѣ лавки, на которыхъ онъ сидѣвалъ, выжигала калеными каменьями всю глиняную и жестяную посуду, изъ которой онъ когда-либо ѣдалъ. На спросъ, что все это значить, старуха принялась его укорять богоотступничествомъ, ворчала и отплевывалась отъ него, какъ отъ нечистой силы; онъ божился, увѣрялъ ее, что не курить, нахло же отъ шинели табакомъ оттого, что правящій, сидя на ней въ сараѣ, курилъ трубку. Желая задобрить старуху, Бобковъ разсказалъ, какъ за то, что онъ опоздалъ, чрезъ нее, на учење, онъ получилъ 15 копѣекъ, въ удостовѣреніе чего показалъ даже свѣіе рубцы на тѣлѣ. Однако старуха ничему не повѣрила, никакихъ оправданій и слушать не хотѣла. Вечеромъ разбирательство повторилось, но перевѣсь остался все-таки на сторонѣ старухи. Вслѣдствіе такого рѣшенія Бобкову пришлось искупить свой мнимый грѣхъ всеобщимъ къ нему охлажденіемъ. Бѣлье, впрочемъ, мыли ему исправно, кормили, правда, порядочно, но только отдѣльно отъ хозяевъ и изъ особой посуды, которую завели собственно для него и которую ставили даже въ сторонѣ отъ той, изъ которой ѣли хозяева. Всякій его шагъ, всякое его движеніе вызывали уворн и ворчанье со стороны хозяевъ. Такъ Бобковъ и дожидъ остальной срокъ своего квартированія въ деревнѣ.

Другимъ кантонистамъ жилось хуже.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, очень плоха квартира, жаловался правящему кантонисту съ *сильною протекцією*, послѣ недѣльнаго жительства въ деревнѣ.—Всего и живутъ-то ста-

рикъ, да старуха, оба презлющіе. Старикъ—старовѣрскій полъ. Какъ пришелъ я первый разъ, такъ и въ избу даже не пустилъ, а отвелъ мнѣ уголь въ хлѣву и я живу вмѣстѣ съ теленкомъ. Кормятъ прескверно: одну и ту же жиденькую, постную похлебку съ хлѣбомъ ѣмъ каждый день. Тебѣ, говоритъ хозяйнѣ, казна только это и отпускаетъ; ну, и лопай какъ знаешь, а жалѣть тебя нечего, потому ты не нашей вѣры. Перейди, говоритъ, въ нашу вѣру, хорошо буду кормить: да еще и денегъ стану давать. Переѣдните мнѣ, пожалуйста, квартиру, не то я напишу...

— Зачѣмъ писать? Писать незачѣмъ: дѣло поправимое, отвѣчалъ правящій.—Эй, Бочковъ! перейди-ка ты, сегодня же, жить вмѣстѣ съ Филиповымъ на его квартиру. Тамъ ты ни чуть не прогадаешь: его хозяйева богаты, возьмись за нихъ только, и будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься. Тебѣ же не привыкать-стать учить этихъ сиволадевъ. Ни въ чемъ не стѣсняйся: я за все отвѣчаю.

— Слушаю-съ, Иванъ Ивановичъ, отозвался Бочковъ, кантонистъ лѣтъ двадцати, отчаянный буянъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ Бочковъ явился на новую квартиру.

— Тебѣ чего надо? спросилъ хозяйнѣ—старикъ, загораживая Бочкову входъ въ дверь.

— Пусти напередъ въ избу, а тамъ и потолкуемъ.

— Да чего тебѣ надоть-то? Ежели «штыкову работу»—ѣшь въ задней; туда дорога со двора, а не здѣсь.

— Пусти, тебѣ говорить, не то такъ садану, что черти изъ глазъ посыплются.

— Ой-ли! Не пужай по пустому, не изъ трусливыхъ, а сколько ни харахорься,—въ избу не пушу.

— Непустишь? — Такъ вотъ же тебѣ, старый хрычъ, ежели добромъ не унимаешься!.. Бочковъ такъ сильно толкнулъ старика въ грудь, что онъ свалился на близъ стоявшую лавку. Бочковъ вошелъ въ избу, оглядѣлъ ее, крикнулъ Филипова, очистилъ, съ помощью товарища, лавку въ переднемъ углу и началъ вколачивать гвозди въ стѣну, недалеко отъ образовъ.

— Ты, штыковая работа, не трошь, мотри, стѣну-то, заговорилъ очнувшійся старикъ, бросаясь на Бочкова:—не пушу вѣшать подганъ подъ иконы. Вонъ ей гдѣ мѣсто-то! И старикъ бросилъ куртку къ порогу.

— Уймись, старый дьяволъ, пока я тебѣ всѣ ребра не це-

ремональ! Куртка вещь царская, а не погань. Самъ ты не-
гань! Да не токма ты, а и вѣра твоя погань.

— Охъ ты дьявольское твое навожденіе, охъ ты нислая мун-
ция, охъ ты... зарѣжь старикъ.—Зарѣжу, вотъ те Христосъ
зарѣжу за святую, за нашу вѣру. Онъ бросился на Бочковъ
съ ножомъ.

— Рѣжь, рѣжь, безстрашно отвѣчалъ Бочковъ, выставивъ
впередъ обѣ руки.

— Карауль! рѣжутъ, карауль! закричалъ Филиповъ и бросился на улицу, продолжая кричать.

Старикъ опомнился и испугался. Бочковъ, пользуясь его замѣшательствомъ, мгновенно вышибъ изъ его руки ножъ, схватилъ его за грудь, повалилъ на полъ, притиснулъ и сѣлъ на него верхомъ. Между тѣмъ на крикъ Филипова выбѣжали изъ сосѣднихъ избъ три кантониста и, узнавъ въ чемъ дѣло, пришли на помощь Бочкову. Увидавъ его непреклоннымъ, они тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ заголосить по очереди: «связать его, тащить его къ правящему!» Старикъ лежалъ точно убитый.

— Живота, али смерти? потѣшался Бочковъ, тиская старика колѣномъ въ грудь.

— Отпусти, служба, пра отпусти, заворчалъ старикъ, предвидя бѣду.

— А будешь кормить хорошо?

— Буду, пра буду; ослобони же!

— И въ хлѣвъ знать не станешь? И бахвалиться не будешь?

— Не буду, пра не буду; ослобони же!

— Ну, хорошо, прощаю, только съ уговоромъ: сейчасъ всѣмъ отличный ужинъ; да чтобъ и говядина, и сметана, и сметанка, и творогъ, все чтобъ было!

По прошествіи нѣкотораго времени, старикъ, мало по малу, стать опять входить въ прежнюю роль: то худо кормить, то плохо услуживаетъ, то спорить съ ностояльцами, а то и ругать ихъ. Терпѣлъ, терпѣлъ нашъ Бочковъ, да подговорилъ нѣсколько челоуѣвъ товарищей, привелъ ихъ къ себѣ въ квартиру, усадилъ кругомъ обѣденнаго стола, подъ образами, и велѣлъ имъ чистить пуговицы, насыпаннымъ на самомъ столѣ тертымъ кирпичемъ, а самъ зашагалъ взадъ и впередъ по избѣ, въ шапкѣ, насвистывая какую-то пѣсню. Старика сперва не было,—но войдя въ избу онъ воамутался.

— Перестань, служба, свистать, да и шапку-то снимя: ту-

тотъ, чай, не хлѣвъ, а небо, иконы висятъ! строго началъ онъ.

— Да развѣ такія иконы бывають? насмѣшливо спрашиваетъ Бочковъ, продолжая ходить въ шапкѣ:—на нихъ и лица-то никакого не видать: какія же это иконы? По нашему, по православному, такія доски сожигаютъ, а пепель отъ нихъ высыпаютъ въ рѣку; а ты, съ дуру, называешь ихъ иконами! Какія это иконы?

Пошла ругань. Старикъ доказывалъ превосходство своей вѣры и сталъ издѣваться надъ господствующей религіей.

— Такъ ты надъ Богомъ смѣешься! воскликнулъ Бочковъ. — Слышите, ребята, чтó онъ говоритъ?

— Слышимъ, слышимъ, подтверждаютъ товарищи.

— Будьте-жъ свидѣтелями. А ты, старая карга, пойдемъ къ начальству, пойдемъ, колдунъ ты эдакій! Бочковъ схватилъ старика за воротъ и потащилъ-было его изъ избы, но тотъ упирался, не шелъ и еще пуще ругался.

— Помогите, братцы, стащить его изъ ротному.

По приводѣ туда, доложили правящему, а тотъ Тараканову. Въ избу ввели старика. Онъ былъ блѣднѣе полотна, глаза его дико блуждали, руки тряслись.

— Связать его! крикнулъ Таракановъ.—Какъ ты смѣлъ притѣснять кантонистовъ? продолжалъ онъ, когда старику связали руки назадъ.—Какъ ты, спрашиваю я, смѣлъ совращать въ свою ересь ихъ, царскихъ воспитанниковъ, рѣзать Бочкова, надругаться надъ святынею, а?

Старикъ молчалъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Запереть его въ амбаръ, приставить къ дверямъ часовыхъ и ждать моего приказания, заключилъ Таракановъ.

Приказаніе тотчасъ исполнилось.

Крестьяне, узнавъ, по возвращеніи съ поля, о несчастіи ихъ пона, тотчасъ послали депутацію хлопотать за него. Но Таракановъ встрѣтилъ ее еще сильнѣйшею рѣчью и поклялся, что черезъ день непременно разстрѣляетъ старика. Весь слѣдующій день продолжалась по деревнѣ суматоха, и уже поздно вечеромъ Таракановъ едва согласился выпустить старика, взявъ съ мужиковъ клятву, что они будутъ и беречь и холить, какъ зѣницу ока, кантонистовъ, этихъ, какъ онъ называлъ ихъ, царскихъ воспитанниковъ. Затѣмъ онъ далъ правящему два, и Бочкову ¹ *одинъ червонецъ*, со всѣми ласково распрощался, да и уѣхалъ во свояси. А по деревнѣ разнесся слухъ, будто за

¹ Кантонистъ, названный Бочковымъ—офицеромъ на Кавказѣ.

освобожденіе старика онъ содралъ съ крестьянскаго общества 30 червонцевъ.

Въ селѣ былъ базарный день. На площади стояло множество возовъ со всякою всячиною.

— Батюшка, баринъ, смилуйся: вели отдать мою туну, взмолился мужичокъ, кланаясь въ ноги Федоренгъ.

— Толкомъ говори, чего просишь, и не хнычь! крикнулъ Федоренко, притопнувъ ногою.

— Твои, баринъ, кантонисты стащили съ моего воза туну. Вели ее мнѣ отдать.

— Кто стащилъ? Когда стащилъ, да и какую такую туну?

— Самый большой кантонистъ стащилъ говяжью туну, быковую, значить, ляжку, да и убежъ сюда, въ твою фатеру. Вели отдать—вѣкъ не забуду.

— Эй, вѣстовые!

Въ дверь вошли разомъ три кантониста, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Хавровъ, сухопарый, высокій юноша, лѣтъ 18-ти, отъявленный воръ и отчаянный смѣльчакъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вотъ ѣнъ, баринъ, ѣнъ самый и стащилъ туну-то, заговорилъ мужичокъ, указывая на Хаврова.— Непусти, баринъ, въ обиду. Я человекъ бѣдный, торгую съ хлѣба на квасъ.

— Ты, Андреевъ, притащи мнѣ сюда десятскаго, да чтобъ принесъ съ собою кандалы; а ты, Ананьевъ, запри ворота на замокъ и стань часовымъ у калитки, чтобъ никто не вошелъ и не вышелъ.

Кантонисты со всѣхъ ногъ бросились исполнять приказаніе. Оставшіеся въ избѣ Федоренко, праваящій, Хавровъ и мужичокъ молчали.

Вскорѣ явился десятскій. Помолвившись на образа, онъ сталъ у двери.

— Говори, мужикъ, въ чемъ твоя претензія? грозно началъ Федоренко.

— Да я, батюшка-баринъ, ни на кого не жалюсь, а пришелъ къ твоей милости на счетъ туши-то, заговорилъ мужичокъ, видимо струсивъ. — Вонъ ѣнъ самый ее укралъ, да къ тебѣ на фатеру и уволокъ: весь народъ эвто видѣлъ, да не успѣли яво догнать. Я, пра, не жалюсь.

— Укралъ ты, Хавровъ, у него туну?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье.

— Не знаешь, кто укралъ?

— Не могу знать-съ... Я сегодня и на улицу совсѣмъ не выходилъ.

— Слышишь, бородачъ ты такой?

— Слышать-то слышу, только ёнъ, баринъ, обманывается!

— И ты еще смѣешь говорить: онъ укралъ и унесъ сюда? Вѣдь это значить не только онъ, но и я, по твоимъ словамъ, воръ? Я, капитанъ? Мы, царскіе слуги—воры?.. Кандалы сюда!.. заковать его!

Но десятскій топтался на одномъ мѣстѣ!

— Чего-жь ты ждешь? Заковывай!

— Да осмѣлюсь доложить тоже на счетъ... Десятскій запнулся.

— На счетъ чего? Говори! Говори прямо, а не юли.

— Да я на счетъ того, ваше благородье, ежели не изволите осерчать за правду, кантонисты ваши и то маху не даютъ. Гдѣ что плохо лежитъ, тамъ у нихъ ужъ и брюхо болитъ: безпремѣнно утянуть. Да не токма што изъ стоящаго, — а и хлѣбъ, яйца, пироги все таскаютъ. У насъ, на селѣ распорядокъ, вишь ты, такой есть: всѣ зажиточные хрестьяне въ сумеркахъ сносятъ къ жилью бѣднѣющихъ, алибо хворыхъ хрестьянъ всякое съѣдомое, да положивши на подоконникъ избы, постучать въ оконцо, молвятъ: «примите, хозяева, потайную милостыню», да и убѣгаютъ домой, штобъ, значить, не видали кто принесъ. И покуда бѣдняга, аль хворый выходитъ за милостынею-то, кантонисты тѣмъ временемъ ужъ стянули ее, да и дали тагу.

— Ты, Карповъ, это знаешь? спрашивалъ Федоренко правящаго.

— Обвинять всѣхъ огуломъ тоже нельзя. Ты бы прежде поймалъ кого-нибудь и представилъ мнѣ, а то «не пойманъ — не воръ».

— Оно, ваше благородье, точно «не пойманъ — не воръ», да гдѣ-жь ихъ поймать-то? Схватить иной вонъ цѣлый пирогъ, али каравай хлѣба, да и улепетываетъ съ нимъ стрѣлой, будто птица...

— А ежели такъ, не смѣй и жаловаться.

— Да я, ваше благородье, и не жалуясь, а такъ бытто къ слову молвилъ, а все прочее ничего, въ ладахъ живемъ.

— То-то же! У меня смотри: ёшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Ну, а ты, бородачъ, навѣрное знаешь, что вотъ онъ, Хавровъ, укралъ у тебя тушу?

— Коли, батюшка, не вѣрно. Енъ, какъ есть, енъ самый укралъ...

— Такъ идемъ искать, идемъ! Федоренко схватилъ мужика за плечо, потащилъ его на дворъ, обошелъ съ нимъ конюшню, хлѣвъ, поглядѣвъ въ телегахъ, въ яслахъ, нигдѣ, разумѣется, ничего не нашелъ, и вернулся въ избу.

— Теперь надѣтъ ему кандалы! заревѣлъ Федоренко. — Я тебѣ покажу, какъ обзывать насъ, царскихъ слугъ, ворами!

Десятскій завенѣлъ вандалами, мужикъ взвылъ на весь домъ и упалъ въ ноги Федоренко.

— Признайся, лучше, вѣдь обознался?

— Може, батюшка, и обознался. А сдается... Отпусти, будь милостивъ... У меня товаръ вонъ безъ призору.

Подошелъ конецъ августа. Кантонисты приуныли: въ голову каждаго дѣла неотвязная мысль о скоромъ возвращеніи въ казармы. Большинству взрослыхъ кантонистовъ предстояло, кромѣ того, горькое разставанье съ молодою хозяйкою, или съ хозяйскою дочерью. Въ это время ночами можно было безпрестанно наталкиваться на любовныя пары и за огороднымъ плетнемъ, и за гумномъ, и на сѣновалѣ, и даже въ сѣняхъ избы. Вездѣ слышались клятвы, звучали поцалун, лились слезы, волновалась кровь; обтирались глаза и рукавомъ шинели, и засаленнымъ фартукомъ. При этомъ вздыматели не забывали выманивать у своихъ возлюбленныхъ холста, нитокъ, а буде можно, то и денегъ.

Въ день выхода кантонистовъ изъ деревень мужчины на полевныя работы не выходили: одни — изъ желанія честию проводить «мальчугу», другіе, — чтобъ не дать ему возможности обокрасть избу, а третьи, — чтобъ жена, либо дочь не удрала со «штыковой работою».

Собраны капральства на ротный дворъ стройными рядами; за ними тянулись по двѣ, по три подводы съ казеннымъ, подареннымъ и даже украденнымъ имуществомъ; позади подвody шли толпами мужики, а за ними женщины и дѣвушки. У околицы деревни мужики поворачивали назадъ, куда гнали и женское населеніе, и ласковою рѣчью, и свистомъ хворостины, и волоченьемъ за носу. Затѣмъ, поймавшись денечекъ, другой, беззащитная женщина снова принималась за серпъ и молоточье, и все, бывало, поидеть своимъ чередомъ... Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что деревенскія женщины трагически заключали любовь свою въ кантонистамъ.

Рота Живодерова стояла фронтомъ, готовая пуститься въ путь. Вдругъ подбѣгаетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка — брюнетка, лѣтъ 17. Она бросилась ему въ ноги, и съ плачемъ завопила: «батюшка, голубчикъ баринъ, не погуби!... Отдай мнѣ Алешу! Я умру безъ него!... Сжался, касатикъ, надъ сиротой!»

— Да ты откуда и какъ сюда, красавица, попала?

— Изъ села Горюкъ, баринъ... 30 верстъ отселена. Убѣжала изъ дому; цѣлую ночь, точно шальная, бѣжала сюда! Отпусти, касатикъ!...

— Да ты, дура, не хнычь, а толкомъ скажи: какого тебѣ

Алешу надо? У меня въ ротѣ Алешей до двадцати найдется; который же изъ нихъ твой? Прозывается-то онъ какъ?

— Алеша... Алеша... Хорь... Хорьковъ, прозывается. Вонъ онъ и стоять-то неподалеку... эво... эво... Дѣвушка бросилась-было къ фронту.

— Держи ее, держи здѣсь! крикнулъ Живодеровъ.

Фельдфебель догналъ, схватилъ ее обѣими руками и вернулъ назадъ.

— Тебѣ, дура, къ фронту подходить нельзя: къ фронту, какъ и въ алтарь, бабъ не пускаютъ, внушалъ ей Живодеровъ. — Все порядкомъ разберу.

— Разбери, баринъ; разбери, касатикъ!

— Не хнычь! Алексѣй Харьковъ, пойдѣ сюда!

Изъ передней шеренги отдѣлился томно-блѣдный, красивый юноша, лѣтъ 19-ти. Тихою, боязливою поступью подошелъ онъ къ Живодерову, вытянулся въ струнку и потупился.

— Алеша, желанный ты мой, на тебѣ лица нѣту-ти! вскрикнула дѣвушка, отчаянно рванулась изъ рукъ фельдфебеля, и повиснувъ на шеѣ Харькова, принялась его цѣловать. Но Харьковъ стоялъ неподвижно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчалъ на ея ласки.

— Это еще что за нѣжности! гаркнулъ Живодеровъ: — держи ее, шельму, хорошенько! А то, на-ко, выдумала обниматься!..

Фельдфебель схватилъ дѣвушку въ охабку и отиснулъ ее въ своихъ мощныхъ рукахъ. Та тихо-тихо зарыдала.

— Расскажи-ка, Харьковъ, какъ ты съ ней связался? да помни, не лгать: запорю!

Харьковъ взглянулъ на дѣвушку, вздохнулъ, разинулъ-было ротъ, чтобъ начать свою исповѣдь, но поперхнулся; крупныя слезы повалились изъ его глазъ.

— Ха, ха, ха! во все горло захохоталъ Живодеровъ. — Вотъ комедія-то! Ну, пускай она реветъ, бабѣ заплакать все равно, что плюнуть; а ты-то что разрынился? Отвѣчай, чтѣ тебя спрашиваютъ. Ну же!

— Я... виноватъ, ваше благородье... виноватъ... она... мы... я люблю ее! Простите... Слезы душили Харькова и онъ снова остановился.

— Не погуби, баринъ, моего Алешу: онъ неповиненъ, какъ есть неповиненъ, внушалась дѣвушка. — Я сама тебѣ все расскажу безъ утайки.

— Цыцъ! закричалъ Живодеровъ, топнувъ ногою. — Пока дѣла, молчи лучше; не то отдеру я тебя. А ты, Харьковъ, вытри глаза и отвѣчай!

— Какъ размѣстили насъ по квартирамъ, я попалъ къ нимъ, началъ Харьковъ дребезжащимъ голосомъ. — Сперва я видѣлъ одну ихъ страпуху. Потомъ, я встрѣтился разъ съ Дашею въ сѣняхъ, поздоровался, поговорилъ кое о чемъ, и ушелъ въ свое мѣсто. Въ тотъ же вечеръ страпуха велѣла мнѣ перебраться изъ чулана, гдѣ я прежде жилъ, въ переднюю избу, и тогда же начала меня кормить хорошо и сбивать перейти въ ихнюю вѣру; говорила, будто Даша, хозяйка, велѣла ей уговорить меня. Смѣючись, я разъ и сказалъ ей: «погоди немного, по-присмотрюсь прежде къ вашей вѣрѣ, а тамъ, можетъ, и перейду». А какая-такая ихняя вѣра, я и не зналъ даже. Даша и съ самаго начала ко мнѣ была ласкова, а съ тѣхъ поръ, какъ страпуха передала ей, будто я хочу въ ихъ вѣру перейти, она сдѣлалась еще лучше. Только вотъ однажды, ночью, приходитъ она ко мнѣ-съ... «Ты, говоритъ, меня не прогонишь?». Изба, говорю, не моя, а твоя, какъ же я могу тебя прогнать изъ твоей же избы? Ну-съ, только сѣла она это ко мнѣ на лавку, а у меня, ваше благородье, голова кругомъ пошла, руки и ноги затряслись, словно въ лихорадкѣ. Вотъ, ваше благородье, все... Простите, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣчно Бога молить!

— И все это правда?

— Сущая, баринъ, правда, подхватываетъ дѣвушка.—Только одно онъ не досказалъ... Даша, заплакавъ, указала на свой животъ.

— Какъ? отъ кантониста забеременѣла? Ха, ха!.. ха!.. ха!.. Ай-да Харьковъ! И не дождавшись отвѣта отъ растерявшагося Харькова, Живодеровъ перешелъ съ вопросомъ къ Дашѣ:

— Такъ чего-жъ тебѣ еще, красавица, отъ него надо?

— Да вели, баринъ, повѣнчать насъ. Отецъ дастъ тебѣ денегъ... у него много. Онъ ни тебѣ, ни намъ съ Алешей ничего не пожалѣетъ...

— Что-о?.. Повѣнчать васъ?.. Это кантониста-то повѣнчать? Ха, ха, ха! Нѣтъ, красавица, кантонисты не женятся! Да и что съ тобой толковать много... розогъ сюда!

— Она, ваше благородіе, не кантонистъ; ее драть вамъ не позволено, смѣло вступился Харьковъ, сверкая глазами.—За это вамъ самимъ достаться можетъ.

— Такъ это меня-то драть? Нѣтъ, баринъ: ежели хотъ пальцемъ тронешь, я тебѣ глаза всѣ выпарапаю.

— Что-о-о? заревѣлъ Живодеровъ.—Унтеръ-офицеръ! растянуть обоихъ живо!

— Ваше благородье, не трогайте дѣвушку, заговорилъ фельдфебель:—она и на себя-то не похожа, словно полоумная,

да и опасно... не ровень часъ... оставьте ее въ покоѣ, сдѣлайте милость!

— У меня часы всѣ равны: вздую, такъ забается бѣгать изъ дома за любовникомъ. Харькова растянуть, а эту халду поддержать рядомъ съ нимъ на вѣсу, чтобы брюхо не раздавить. Ему полсотни, а ей двадцать-пять горячихъ—живо! живо!..

Приказаніе исполнено. Во время наказанія, Живодеровъ потиралъ руки отъ удовольствія, приговаривая: «та-та-та!.. любили кататься, любите и саночки возить; та-та-та!..»

— Теперь вотъ поцѣлуйтесь, смѣясь сказалъ онъ:—поцѣлуйтесь же, вы вѣдь ужъ больше не увидите.

Но Харьковъ и Даша стояли точно приговоренные къ смерти. Боль, стыдъ и глубокое оскорбленіе помрачали ихъ рассудки.

— Ну же, поцѣлуйтесь на прощанье, продолжалъ Живодеровъ, свелъ обоихъ лицо съ лицомъ и добавилъ:—вотъ такъ сладко чмокнулись: ха, ха... и развелъ ихъ въ разныя стороны.

— Десятскаго сюда!

Явился десятскій, стоявшій все время за фронтомъ. Онъ, какъ сельская полиція, обязывался присутствовать при выступленіи кантонистовъ.

— Возьми вотъ эту дѣвку и отведи ее въ село Горки къ отцу, приказывалъ ему Живодеровъ.—Да скажи ему, что она хотѣла убѣжать за любовникомъ-кантонистомъ въ городъ и я её за это и за грубость выдралъ.

Когда Дашу привели обратно домой, все село узнало о ея побѣгѣ и, какъ водится на Руси, на нее посыпались отовсюду насмѣшки, обиды физическія и нравственныя. Это ее окончательно доняло и, запасшись деньжонками и одежою, она вновь сбѣжала ужъ въ городъ, гдѣ ее встрѣтило новое горе: Харьковъ, по прибытіи въ казармы, залегъ въ лазаретъ и свидѣться съ нимъ ей долго было не удавалось. Наконецъ, отъ выдоровѣлъ, узналъ объ ней отъ товарищей, поколебался нѣсколько, идти ли на свиданье съ ней, или нѣтъ; «сидти» взяло, разумѣется, верхъ, и онъ отправился.

Горькое это было свиданіе и тяжела показалась обоимъ любовь, за которую начальство съчтетъ. Много было прѣлито слезъ, много надеждъ высказано. И вдругъ...

— Васъ-то, голубчиковъ, намъ и надо, вдругъ раздалось надъ самыми ушами Харькова и Даши.

И два здоровенныхъ унтера вцѣпились въ нихъ своими лапщами, потащили обоехъ въ казармы и къ вечеру они уже

очутились: Харьковъ — вновь освѣщенный — въ лазаретъ, а Даша — въ полицію.

Пока вытребовали съ родины Дани, чрезъ увѣдную полицію, точныя о ней свѣдѣнія, она успѣла родить сына, содержалась въ полицію; а сидя тамъ со всякимъ человѣческимъ отребьемъ, она вынесла не мало горя. По выходѣ же оттуда, ее встрѣтила нужда, и вотъ она поступила въ число гулящихъ, и затѣмъ года три сряду слыла по городу самою лучезарною звѣздой открытаго разврата. Наконецъ, попалась въ какомъ-то уголовномъ преступленіи, была наказана плетми и сослана въ Сибирь на поселеніе.

Харьковъ умеръ отъ чахотки въ лазаретъ, спустя мѣсяца три послѣ рокового свиданія.

XIV.

Выпускъ изъ заведенія и возмездіе за воспитаніе.

Со времени возвращенія кантонистовъ изъ деревни, прошло уже недѣли двѣ. На дворѣ стояло сѣренькое сентябрьское утро. Все заведеніе выстроилось на плацу поротно. Начальникъ обошелъ фронтъ, вызвалъ изъ него впередъ и отдѣлялъ въ сторону человѣкъ 300, назначенныхъ къ выпуску на службу; потомъ тщательно пересортировалъ роты по новому, переровнялъ ихъ ранжиръ и распустилъ въ казармы.

Въ заведеніи поднялась необыкновенная суматоха: кантонисты оживились и радовались! Да и было отчего: одни, человѣкъ 60, хорошо выдержавшихъ ничтожный власный экзамень, восторгались предстоящимъ имъ писарскимъ званіемъ и почестями; другіе, человѣкъ 50, посредственныхъ знаній, назначенные въ фельдшерскіе ученики, также мечтали о перспективѣ фельдшера, съ мятми, вкусными булками, съ чудесными жаркими и другими лакомыми казенными порціями, такъ часто раздражавшими ихъ нервы во время лежанія въ лазаретъ; третьи, человѣкъ 50, предназначенные въ цейхдинеры, цейхшрейберы (артиллерійскіе и инженерные надзиратели), тоже радовались своимъ будущимъ мѣстамъ, хотя никто изъ нихъ положительно не понималъ, что такое цейхдинеръ, или цейхшрейберъ; наконецъ, четвертые, человѣкъ 100, черезчуръ умные и старые лѣтми, готовились: красивые, ловкіе — въ саперы и пионеры, а карявые и искалеченные — въ мастеромы команды, въ гарнизонъ. Волновались также и тѣ, которымъ

суждено было еще долго оставаться въ заведеніи. И на нихъ дѣйствовала торжественность событія.

Прошло нѣсколько дней. Выпускныхъ обмундировали въ новыя куртки и шинели безъ погоновъ, съ суконными пуговицами, точно реерутовъ, выдали имъ по двѣ пары бѣлыхъ и новыхъ, непоношенныхъ сапоговъ, какихъ иному ни разу не приводилось надѣвать въ теченіе 10-тилѣтняго своего пребыванія въ заведеніи. Начальникъ осмотрѣлъ ихъ одежду и спросилъ: «не имѣетъ ли кто претензій?» Они отвѣчали отрицательно. Партію передали партіонному офицеру, обыкновенно гарнизонному прапорщику.

— У кого были въ заведеніи деньги, присланныя въ письмахъ родныхъ, а также слѣдующія за крещеніе¹, — шагъ впередъ! произнесъ партіонный. Человѣкъ 60 выступило. Ожъ перекликнулъ ихъ по списку и объявилъ, сколько у каждаго принятаго для храненія до мѣста будущей службы, капитала.

— У каждаго изъ васъ, помните, еще вычтено по рублю изъ этихъ денегъ, добавилъ партіонный.

— А за чтѣ вычтено? раздался вопросъ.

— Какъ за чтѣ? За розги, которыми васъ сѣкли. Вѣдь ваше начальство, небось, тоже деньги платитъ за розги.

— Насъ же драли, да и мы же еще плати за это? возразили нѣсколько голосовъ.

Съ того же дня выпускныхъ помѣстили особо, въ самомъ отдаленномъ и пустомъ флигелѣ казармъ, и дали имъ недѣльный отдыхъ на сборы въ дорогу. Съ кантонистами заведенія имъ ужъ не дозволялось сходиться; даже ищущи приносили имъ въ ихъ помѣщеніе. Выпускные очутились вдругъ подъ начальствомъ одного человѣка — партіоннаго, да и тотъ общался смотрѣть на все сквозь пальцы. Положеніе завидное, и для кантонистовъ небывалое... Поэтому они въ тотъ же день отправились цѣлыми толпами по городу, по базару, по лавкамъ, и ужъ не только то крали, чтѣ плохо лежало, но даже изъ рукъ, изъ рта у торговцевъ вырвали съѣдобное, а при благоприятныхъ обстоятельствахъ — расхватывали и вырубку.

Между кантонистами существовалъ издавна обычай, чтобы выпускные ежегодно *расплачивались* на прощанье съ начальствомъ за свое воспитаніе. Другими словами, было принято давать начальству тренку. Обычай этотъ исполнялся ненарушимо. Выпускные, возвратясь вечеромъ домой, составили изъ сре-

¹ Мальчикамъ изъ евреевъ за принятіе православія давалось «въ награду» за это по 25 р. ассигнаціями на основаніи 1887 ст. IX т. зак. о состояніяхъ.

ды себя нѣсколько летучихъ отрядовъ, человѣкъ по 20, и, возведя храбрѣйшихъ въ атаманъ, неслышными шагами отъправились въ походъ; конспиративались въ глухихъ улицахъ, за заборами, на казарменномъ дворѣ за бочками, и даже подъ лѣстницами въ казарменныхъ корридорахъ. Всѣ были вооружены, кто двумя камнями, кто рваной простынею, длинною палкою, нѣсколькими пучками розогъ, кто скрученнымъ изъ полотенецъ жгутомъ, а кто и смоленою веревкою. Притаившись въ засадѣ, они ждали извѣстную начальственную особу, которая, какъ было имъ извѣстно, должна была пройти здѣсь. Лишь только особа поровнялась съ условнымъ мѣстомъ, слѣдившіе за нею свистнули, самые сильные выскочили изъ засады и спихли ее съ ногъ. Другіе замкнули особѣ ротъ и крикнули: «поймали звѣря!» Тогда весь отрядъ сбѣжался, схватилъ звѣря кто за что успѣлъ, оттащилъ его подалеже отъ дороги и пошло побоище. Устануть одни—ихъ смѣняютъ другіе, другихъ—третьи. Наконецъ, измучившись, отрядъ отправилъ особу съ завязанною головою, и разлетѣлся въ разные стороны.

Избиеніе начальственныхъ особъ носило между кантонистами названіе *лупсовки*. Лупсовка была *простая*, когда колотили зря, какъ попало, и *законная*. Законною лупсовкою называлось вѣтъ что: кто, напримѣръ, любилъ бить кантонистовъ кулакомъ, того самого колотили 15—20 кулаковъ сразу; кто дралъ лежащихъ, заставляя другихъ садиться наказываемому на голову и на ноги — тотъ подвергался такой же процедурѣ; кто предпочиталъ въ пересыпку — того самого *лупсовали* въ пересыпку, а кому нравилось драть на вѣсу — того самого драли на вѣсу. На вѣсу, впрочемъ, драли вообще всѣхъ заклятыхъ враговъ: это отступленіе дѣлалось потому, что на вѣсу больнѣе. Различія, или снисхожденія никогда и ни въ пользу кого не допускалось: ротный ли командиръ попался, фельдфебель ли, учитель ли, или даже простой унтеръ — это для выпускныхъ было совершенно все равно. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, выпускнымъ удавалось въ одинъ и тотъ же вечеръ *отлупсовать* нѣсколько *зетрей* въ разныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ города.

Начальство твердо помнило выпускныхъ и въ это время держало ухо остро; но, тѣмъ не менѣе, при упорной настойчивости выпускныхъ и при очень темныхъ вечерахъ, они ежегодно *лупсовали* властей на славу!.. Только самого начальника никогда выпускнымъ не удавалось поймать: онъ всегда ѣздилъ вечерами въ каретахъ и на такихъ лошадяхъ, которыхъ нельзя было остановить, не подвергаясь быть раздавленнымъ на мѣ-

стѣ. Но спокойнымъ и онъ не оставался: въ его квартирѣ выбивали каменьями стекла, срывали звонки, въ дверяхъ накладывали всякой гадости и подбрасывали всевозможные пасквили, а разъ даже ухитрились какъ-то окатить его сверху на лестницѣ помоями.

За исключеніемъ десятка палочныхъ и булачныхъ возмездій, полученныхъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей нѣкоторыми мелкими властями, на долю нашихъ выпускныхъ выпалъ жребій поймать Живодерова, до котораго добивались нѣсколько лѣтъ сряду. На этотъ разъ, до 15 отборныхъ силачей и смѣльчаковъ четыре ночи сряду напрасно повсюду розыскивали его. Но вотъ они узнали въ пятый вечеръ, что онъ въ гостяхъ у знакомаго, въ самомъ безлюдномъ захолустьѣ города, куда дорога лежала чрезъ длинный и глубокій оврагъ. Ни мало не думая, они отправились туда и засѣли за заборомъ, рѣшившись во что бы то ни стало поймать его, благо попался въ такомъ удобномъ мѣстѣ.

Уже пропѣли первые пѣтухи, когда, наконецъ, послышались чьи-то тяжелые шаги, а затѣмъ и знакомый имъ голосъ Живодерова, говорившаго что-то себѣ подъ носъ. Покачиваясь съ боку на бокъ, шелъ онъ по улицѣ. Отрядъ далъ ему углубиться въ оврагъ; потомъ сразу нагналъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ и остановилъ его.

— Это чтѣ такое? грозно спросилъ Живодеровъ. — Чтѣ вы за народъ?

— Ми-то? Люди, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ вамъ надо?

— Тебя, самого тебя намъ надо, заговорилъ атаманъ. — Позвольте, ваше бродье, выдрать васъ?

— Что-о-о? ахъ вы, сволочь проклятая! Да я васъ... въ порошокъ сотру!..

Живодеровъ сталъ въ оборонительное положеніе.

— Лучше, ваше бродье, не ершитесь по пустому. Станете кричать—гераздо больнѣе отлупсуемъ. Ложись лучше по доброй волѣ.

— Прочь, негодяи! Караулъ! Помогите, спасите...

— Тебя пресать честью, а ты еще орешь? Замкнуть ему ротъ, да подержать покрѣпче, а я тѣмъ временемъ самъ сдеру съ него его штанищи. Ну-ка!..

Сказано—сдѣлано. Штаны Живодерова превратились въ мелкие клочья.

— Ребята, вали его и садись, кто на голову, кто на ноги, да въ пересыпку валий, валий его, друзья!

Притиснутый къ землѣ, Живодеровъ, съ замкнувшимъ ртомъ, и кричать уже не могъ. Началось лупсованье.

— Это тебѣ за то, чтобъ не цилъ кантонистской крови, приговаривалъ атаманъ:—это тебѣ за то — не дерн синовей; это тебѣ за то—не издѣвайся надъ женой, не тирань свою дочь, раскрасавицу-барышню; а вотъ это тебѣ за всѣхъ ихъ, да и за насъ, православныхъ! Крѣиче! та-та, та-та. Любимъ кататься—люби и саночки возить!.. Крѣиче! та-та, та-та!.. Крѣиче!.. Довольно!

Живодеровъ едва былъ въ силахъ стонать.

— Ну-съ! темеръ мы, баринъ, съ тобой, кажется, квиты. Будешь живъ и объ насъ вспомни, а пока спокойной ночи. А вы, молодцы, по чудьему велѣнью, по моему прошенью, уничтожься, пропади!

И отрядъ исчезъ во мракѣ ночи.

Наканунѣ своего выступления, выпускные разгласили во всему заведенію о чудеснѣйшей *лупсовкѣ*, заданной ими заболѣвшему послѣ того Живодерову, и кантонистамъ было до того пріятно узнать это, что подробности лупсовки переходили изъ усть въ уста нѣсколько дѣтъ сряду.

Насталъ, наконецъ, и день выступления выпускныхъ въ походъ. Веселые, счастливые, прощались они съ товарищами, целовались, давали слово переписываться. Но тяжелая была разлука для тѣхъ, которымъ суждено было остаться въ заведеніи, и горячо завидовали они своимъ счастливымъ товарищамъ.

Совершенно счастливыми пустились выпускные въ путь, шли и оглядывались назадъ, на казармы, плевали на нихъ, грозили кулакомъ и посылали всевозможныя проклятія какъ заведенскому воспитанію, такъ и людямъ, руководившимъ этимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ выпускныхъ, пройдя всѣ вышеописанныя митарства заведенія, шли уже на службу и знакомые читателю кантонисты—Василій Ивановъ и Иванъ Степановъ. Первый шелъ въ писаря — въ полкъ, а послѣдній — яодъ ружье, въ саперы.

В. Шикетинъ.